

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью управления и различных управленческих структур на международном, страновом, региональном и местном уровне, ролью политико-экономических институтов в развитии государства и общества, государственной политикой в различных сферах, деятельностью исполнительной ветви власти, развитием электронного правительства, взаимодействием органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, включая политические партии, межэтническими отношениями и вопросами идентичности, стратегированием и планированием, государственным регулированием экономики и налогообложением, проблемами моногородов, территориальной организацией населения, агломерированием и рядом других.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анимца, чл.-корр. РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р геогр. наук, проф., проф. кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Юрий Васильевич Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Федоровна Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Краков, Польша

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Елусь, канд. геогр. наук, доц., проф. кафедры государственного и муниципального управления, первый проректор Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Надежда Владимировна Борисова, канд. полит. наук, доц., проф. кафедры политических наук, декан историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукочич, д-р экон. наук, проф., науч. сотрудник кафедры социальной географии Географического института «Иован Цвилч» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Белград, Сербия, доцент департамента финансов Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Виктор Антонович Ковалев, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Ольга Анатольевна Козлова, д-р экон. наук, проф., зав. Центром исследований социально-экономической динамики Института экономики УрО РАН, проф. кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург

Наталья Сергеевна Козырь, канд. экон. наук, доц. кафедры экономической безопасности, начальник управления организации научных исследований Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры государственного и муниципального управления, ректор Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия – главный редактор

Елизавета Александровна Троицкая, канд. полит. наук, и.о. зав. кафедрой государственного и муниципального управления, заместитель директора по учебно-методической работе Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

Андрей Геннадьевич Шеломенцев, д-р экон. наук, проф., зав. отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Станислав Николаевич Шкель, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, проф. кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия, проф. департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала –

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета ORCID: 0000-0001-7674-7846 ResearcherID: E-8001-2016 E-mail: mingal1@pstu.ru

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41047

Адрес учредителя и издателя
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного
и муниципального управления
Тел. (342) 239-66-89
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory, history and practices of state and municipal government, economic and political sciences. A special emphasis is placed on the issues of management efficiency and structures as used at various levels – international, national, regional and local; the role of political and economic institutions in the development of the state and society; state policy in various spheres; activities of executive bodies; digital government; interaction between the governmental bodies, local governments and non-governmental organizations, including political parties; relations between elites and identity issues; strategy planning, state regulation in economy and taxation; mono-industrial cities, organization of territories; agglomerations, etc.

Editor-in-Chief

Zhanna A. Mingaleva

Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Economics and Management of Industrial
Production of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
ORCID: 0000-0001-7674-7846, ResearcherID: E-8001-2016, e-mail: mingal1@pstu.ru

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Natural History Academy, Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Geography, Professor, Professor of Regional, Municipal Economics and Management Department, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Theoretical and Applied Political Science Department, Russian State University for the Humanities; Professor of Political Science Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department for Economic Issues in Social Policy, Institute of Industrial Economics at the Ukrainian National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine

Bogdan Szlahta, Doctor of Law, Professor, Head of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political Science and International Relations, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Regional and Municipal Economics and Management, Rector, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of the Perm Region Legislative Assembly, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Ph.D. Ph.D. (Geography), Associate Professor, Professor of State and Municipal Government Department, Vice-Rector for General Issues, Perm State University, Perm, Russia

Nadezhda V. Borisova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Professor of Political Sciences Department, Dean of Faculty of History and Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Victor A. Kovalev, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Olga A. Kozlova, Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Natalia S. Kozyr, Ph.D. (Economics), Associate Professor of Department of Economic Security, Head of Department for Organization of Scientific Research, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Professor of State and Municipal Government Department, Rector, Perm State University, Chairman of the Perm Regional Civic Chamber, Perm, Russia

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Professor, Professor of Economics and Industrial Production Management Department, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia – Editor-in-Chief

Andrey G. Shelomentsev, Doctor of Economics, Professor, Head of Regional Socio-Economic Systems Research Department, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Political Science, Sociology and Public Relations Department, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, Professor of Political Science Department, Perm State University, Perm, Russia, Professor of Political Science and International Relations Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

Elizaveta A. Troitskaya, Ph.D. (Political Science), Acting Head of State and Municipal Government Department, Deputy Director for Educational and Methodological Work of Regional Institute of Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – Managing Editor

Darko Vuković, Doctor of Economics, Professor, Research Associate of Social Geography Department, Geographical Institute, “Jovan Cvijić” of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia, Associate Professor of Finance Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

The journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission at the Russian Ministry of Education and Science for the following groups of research specialties: 23.00.01 – Theory of a policy, history and methodology of a political science (Political Science); 23.00.02 – Political institutes, political processes and technologies (Political Science); 23.00.05 – Political Regional Studies. Ethnopolitics (Political Science).

Published by State and Municipal Government Department of Perm State University

Distributed within the Russian Federation and abroad

Subscription index in the “Press of Russia” catalogue (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047

Publisher Address: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Editorial Board Address: State and Municipal Government Department, Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Tel. +7(342)239-66-89. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Editorial Board, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

- Евстафьев Д. Г.** Развитие информационного общества в 2018–2020 годах: новые тенденции. 143
- Пьянкова С. Г., Аркалов Д. П.** Методологические аспекты формирования конечного продукта в сфере физической культуры и спорта 159

II. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Некрасова Д. В., Красильников Д. Г.** Проблема измерения устойчивости, эффективности и результативности социально ориентированных некоммерческих организаций. 175
- Семочкина Е. В.** Формирование системы совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов по рассмотрению обращений граждан. 191

III. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

- Зубарев Н. Ю., Федулова Д. Д.** Прогнозирование демографических показателей в сфере рождаемости населения: инерционный прогноз versus прогноз на основе машинного обучения. 204

IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

- Гостилович А. О.** Моделирование потребительского выбора в B2B-сегменте экономики совместного потребления. 222
- Куркова М. А.** Определение ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. 236

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шпакова А. А., Горюнова С. А.** Стратегические программы по цифровизации экономики Южной Кореи. 260

CONTENTS

I. THEORIES OF POLITICS, ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Evstafiev D. G.** Global information society development in 2018–2020:
The new trends 143
- Pyankova S. G., Arkalov D. P.** Methodological aspects
of the final product formation in sports 159

II. REGIONAL POLITICS AND GOVERNMENT

- Nekrasova D. V., Krasilnikov D. G.** The problem of measuring
the sustainability, efficiency and effectiveness of socially oriented
non-profit organizations 175
- Semochkina E. V.** Formatting the system for executive bodies
of state authority and deputies joint work with citizens' appeals 191

III. ISSUES IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Zubarev N. Yu., Fedulova D. D.** Forecasting fertility demographic
indicators: Inertial method versus machine learning method 204

IV. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Gostilovich A. O.** Modelling consumer choice
in the B2B sharing economy 222
- Kurkova M. A.** Defining key stakeholders in socio-economic
development strategies of the Russian Federation regions 236

IV. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Shpakova A. A., Goriunova S. A.** Strategic programs
for digitalizing the economy of South Korea 260

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо направить научную статью на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru. В тестовом режиме организована подача статей online на сайте <http://press.psu.ru>, в разделе «Ars Administrandi (Искусство управления)» (платформа OJS).

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т. е. согласием автора (соавтора) на опубликование статьи

в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

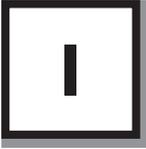
Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.5:004

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-143-158

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В 2018–2020 ГОДАХ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Д. Г. ЕВСТАФЬЕВ

Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Для цитирования:

Евстафьев Д. Г. Развитие информационного общества в 2018–2020 годах: новые тенденции // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 143–158. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-143-158.

АННОТАЦИЯ

Введение: современный мир характеризуется существенным ускорением большинства политических процессов при относительном торможении экономических. Возникающие асимметрии создают ситуацию, при которой тенденции развития информационного общества приобретают диспропорциональное значение для всего глобального политического и отчасти экономического развития. **Цель:** выявить наиболее значимые тенденции в развитии современного информационного общества, способные поставить под вопрос его целостность, способность выполнять функции инструмента обеспечения глобальной политической, экономической и социокультурной интеграции. **Методы:** дискурс-анализ с ориентацией на систематизацию общественно значимых проявлений дискурса. Кластеризация социально значимых проявлений структурных асимметрий в развитии информационного общества. **Результаты:** в структуре информационного общества происходят сложные процессы реструктуризации, ставящие под сомнение слишком многие считавшиеся вполне устоявшимися механизмы регулирования и саморегулирования информационных процессов. Дополнительно ситуацию обостряет резкий рост востребованности цифровых информационных технологий в последние два года, в том числе связанный с изменением социальной жизни в условиях пандемических ограничений. В ходе исследования выделены тенденции, которые можно рассматривать в качестве рискованных, но не только по отношению к информационному обществу как таковому, но и по отношению к важнейшим аспектам глобального развития. **Выводы:** внутренние тенденции в развитии информационного общества в совокупности с прикладным использованием информационных технологий в политической практике объективно ведут к деструкции базовой модели его развития как одного из инструментов обеспечения целостности процессов глобализации. В настоящее время выглядит весьма вероятным, что информационное общество утратит полноценную глобальность и целостность. Складывающаяся ситуация создает возможность

для усиления влияния России на развитие глобального информационного общества, хотя и требуют коренного изменения подходов – отказа от чисто «пользовательской» модели поведения в информационном пространстве. Встает вопрос о механизмах практического обеспечения суверенитета России в новой обстановке, как минимум защиты страны от воздействия наиболее деструктивных тенденций в развитии информационных технологий.

Ключевые слова: глобализация; информационное общество; гибридные войны; национальный информационный суверенитет; политические коммуникации

ВВЕДЕНИЕ

Значимость 2020 года и первой половины 2021 года для глобальных социально-экономических процессов заключается в том, что этот период сделал явными те фундаментальные процессы, которые, безусловно, не были скрытыми, но не имели столь ярких проявлений. Наиболее важными процессами последних полутора лет стали нарастание социально-экономической мозаичности общества в считающихся «развитыми» странах (хотя критерий «развитости» становится все более неясным), разрушение традиционных социальных институтов, формирование своего рода «серых зон» в социальном пространстве. Для сторонников неограниченной глобализации, провозглашенной в книге крупнейшего западного социолога Энтони Гидденса «Ускользающий мир» (Giddens, 2003), это является вполне естественным процессом.

Нельзя не отметить и кризис стратегического понимания сущности глобализированного информационного общества, начинающего утрачивать методологическую и операционную целостность.

Развитие информационного общества в течение длительного времени определялось развитием и эксплуатацией эффекта доступности каналов коммуникаций и возможности максимизации охвата интегрированных коммуникаций, что является естественным результатом первого – во многом эйфорического – этапа процесса демедиатизации информационного пространства¹, перерастающего сейчас в свою противоположность. Он сопровождается формированием структурированных коммуникационных кругов с различным уровнем доверия, превращением внешне сохраняющего универсальность информационного общества в систему коммуникационных анклавов, все больше изолирующих друг от друга². Фактор «охвата» был доминиру-

¹ Этот процесс, считающийся признаком демократизации общества, формирования системы «диагональных» (то есть сетевых) социальных связей (Кин, 2015), проявился в ряде стран в попытках представителей власти и элиты вести напрямую «диалог» с представителями «народа», что в значительной мере определяло политическое поведение, например, Д. Трампа, а к концу 2020 года – и таких политиков, как Э. Макрон и, в несколько меньшей степени, Б. Джонсон.

² Феномен коммуникационных анклавов в настоящее время остается слабоизученным. Интерес с точки зрения возможности применения методологических принципов представляют исследования нишевой социальной анклавноности (Андерсон, 2016), хотя механизмы функционирования и внутренней структуризации коммуникационных анклавов – системно иные. Тем не менее подход Бенедикта Андерсона справедлив в той части, что мы имеем дело с системами, не способными автоматически транзитировать из воображаемой сферы (в нашем случае – сферы коммуникаций) в сферу социальной деятельности.

ющим критерием развития информационного общества в последние годы, что отражало господствующий «коммерческий» подход к развитию информационного общества. Как результат, происходит дальнейшее развитие социальной структуры общества развитых стран по пути слабо управляемой атомизации, применительно к информационному обществу выражающейся в ослаблении механизмов связи между социоинформационными сетями и их отражением в пространстве социального действия³. Что и доказал опыт российской радикально-либеральной оппозиции, оказавшейся неспособной трансформировать свой потенциал влияния в информационном пространстве в социально значимые действия.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные подходы к использованию информационного общества в целях социально-политического конструирования и управления основаны на принципах управления через дискурс (Ван Дейк, 2013), в рамках которого государство становится также коммуникационной системой, а его деятельность должна оцениваться сквозь призму эффективности коммуникаций (Кастельс, 2016). Это способствовало ориентации государства на концептуальную краткосрочность своего целеполагания, что естественно для парламентских систем большинства так называемых «развитых капиталистических стран», тогда как долгосрочное целеполагание становится инструментом, доступным исключительно наднациональным институтам. Мы наблюдали обеднение сути государственного управления, утрачивавшего потенциал формирования интегрированного вектора развития.

Этот процесс, с одной стороны, отражал эффект десоверенизации национальных государств, считавшийся нормальным для эпохи глобализации, в особенности ее «зрелой» фазы (Фукуяма, 2017), но, с другой, – определял тенденции в развитии самого информационного общества, превращая его в инструмент социального структурирования и фактор цивилизационной идентификации (Урри, 2012).

Методологической основой исследования является кластеризация медийных проявлений внутренних процессов развития информационного общества. Безусловно, такой подход ограничивает анализ уже вызревшими тенденциями развития, оставляя за кадром формирующиеся. Но это дает возможность выделить актуальные процессы и явления в развитии информационного общества и его структуры.

³ На практике сети, существующие в пространстве реального социального действия, «человеческие сети» являются не просто системой коммуникации, но и инструментом социального структурирования и стратификации моделей социального поведения (Джексон, 2021, с. 298–300). Хотя подобные сети, конечно, несут на себе и значительную коммуникационную нагрузку. В этом смысле «человеческие сети» всегда иерархичны по своей сути, хотя по форме они могут и напоминать сеть как таковую. Можно сформулировать следующее предположение: фактическая иерархичность структур («сетей») в пространстве социального действия изначально закладывает противоречие с информационным пространством и информационным обществом, последовательно стремящимся к абсолютной сетевизированности. Диалектика этого противоречия будет определяться в том числе попытками государства, отражающего расклад сил в «человеческих сетях», влиять на развитие сетевизированного информационного пространства.

Принципиальным для современной научной дискуссии о перспективах развития современного информационного общества является сочетание трех аспектов:

– осознания критичности сохранения целостности информационного общества, но одновременно понимания кризисности его состояния на фоне обостряющейся борьбы за приоритет в регулировании и существенного роста значимости внешних факторов давления, связанных с попытками различных государств обеспечить суверенизацию страновых сегментов информационного общества;

– «выгорания», в том числе и в результате событий 2019–2021 годов, технооптимизма (Болдуин, 2018; Шваб, 2019). Интересно, однако, что замещения технооптимизма более осторожным, но стратегическим подходом не произошло. Дискуссия идет по частностям, связанным, например, с повышением статуса ряда социальных групп, считавшихся маловлиятельными, за счет использования цифровых технологий⁴;

– поиска новых инструментов социального конструирования через информационное общество, которое столкнулось с вызовом «новой социальной вовлеченности», готовностью пользователей выйти за рамки использования технологий информационного общества в качестве потребительского инструмента⁵.

Взятые в совокупности, эти направления дискуссии подтверждают, что современное глобальное информационное общество, построенное на цифровых сетевых интегрированных коммуникациях, переживает два важнейших аспекта «кризиса развития». С одной стороны, это кризис эффективности влияния: максимизированный охват не трансформируется в эффективное социоконструктивистское влияние. С другой стороны, налицо противоречия внутреннего структурирования, когда почти классическая сетевая структура начинает переформировываться в некий гибрид, включающий в себя особые пространства с иным уровнем доверия к информации и правилами коммуникаций.

Неизбежным становится рост администрирования информационного пространства, наблюдаемый нами, в частности, в США, как реакция на кажущуюся хаотизацию и информационного общества, и информационного пространства. Кризис сферы публичной политической репрезентации в обществе

⁴ Так, рассмотрению частных социальных изменений под воздействием цифровых технологий был посвящен вышедший в марте 2021 года номер ведущего международного журнала по вопросам развития информационного общества “Information Development”. В предисловии к номеру крупный западный исследователь информационных процессов Стивен Паркер отметил, что подобные трансформации – тактические улучшения без стратегического вектора – носят общемировой характер (Parker, 2021). Этот подход вступает в принципиальное противоречие с классическим подходом к оценке социального эффекта внедрения цифровых интегрированных коммуникаций как имманентно синергичного (Гринфильд, 2019), не говоря уже об ультраоптимистическом подходе к социальной роли информационного общества, который проповедовал, например, Джон Урри (Урри, 2018).

⁵ Обратим внимание на появление концепта «пятой власти» как более важной, нежели ставшая почти классической «четвертая». «Пятая власть» опирается на интеграцию коммуникационного, организационного и лоббистского потенциала крупнейших корпораций в сфере цифровых коммуникаций (Маковский, 2019).

поздней глобализации и изменение принципов публичной репрезентации, особенно по сравнению с классической моделью⁶, отмечались западными специалистами сравнительно давно. Но сейчас более чем когда-либо становится актуальной мысль Франклина Анкерсмита о критичности целостности «политической реальности» для политической репрезентации и рационалистического отношения к политическим процессам в целом (Анкерсмит, 2012, с. 208). Но одновременное вхождение мира в период системных трансформаций, связанных с возможной перестройкой всей глобальной системы⁷ и резким расширением пространства для социальных, социально-политических и социально-экономических манипуляций, эту целостность фундаментально разрушает. Что, вероятно, следует признать наиболее важным вызовом развитию современного информационного общества. Именно проблема целостности стоит в центре дискуссии о будущем информационного общества.

Наиболее важными для понимания особенностей трансформации современного информационного общества становятся четыре аспекта:

- возможность замораживания процессов развития информационного общества на нынешнем уровне, что фактически означает сохранение за государством функций регулятивности;

- синергия сочетания внутренних и внешних, контекстных факторов трансформаций, а как следствие, – пределы возможностей администрирования системы в процессе формирования;

- сочетание ситуативных факторов, провоцирующих трансформации, и долгосрочных тенденций. Способность ситуативных факторов влиять на долгосрочные трансформации;

- характер тактических рисков для информационного общества и среднесрочного «кризиса развития», возможность возникновения «кризисной синергии», утраты управляемости развития.

Все четыре вопроса могут быть сведены к главному: **возможен ли в обозримой перспективе системный кризис информационного общества, ставящий под сомнение архитектуру современного информационного общества, а главное, – его целостность.** И насколько катастрофичным этот кризис будет для связанных с информационным обществом сфер деятельности человека и людских сообществ? Важнейшей констатацией является то, что борьба за определение дальнейшего направления развития информационного общества становится некоей идеологической квинтэссенцией конкуренции крупнейших глобальных игроков в выработке новых социально-экономических моделей развития. Пока обсуждение стратегических перспектив развития информационного общества, их увязанности с глобальным развитием ведется в прежних позднеглобальных социально-философских и идейных парадиг-

⁶ В качестве базовой следует избрать модель, описанную европейским философом Юргеном Хабермасом (Хабермас, 2016), хотя, безусловно, с точки зрения технологического наполнения за последние полвека произошли фундаментальные изменения, связанные с принципиальной трансформацией системы акторов информационного общества, а значит, и системы внутренних связей, определяющей особенности развития информационного общества.

⁷ См.: Haass R. Present at the destruction. Trump's final act has accelerated the onset of a post-American world [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2001. 11 янв. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction> (дата обращения: 01.02.2021).

мах, прямо связывающих развитие информационного общества с демократией и цивилизационным развитием (Curran, 2017). Но этот подход относится к периоду до начала кризиса универсальности информационного общества, который можно отнести к концу 2019 года, когда впервые проявились возможности неограниченной манипулятивности современных информационных технологий.

В качестве центральной автор выдвигает следующую гипотезу. **На среднесрочную перспективу развитие современного информационного общества будет определять невозможность разрешения его важнейшего противоречия – конкуренции за право на регулятивность между государством и корпорациями, управляющими каналами коммуникаций, без трансформационного кризиса, возможно, разрушающего существующую структуру информационного общества. Конкуренция за право на регулятивность становится ключевым фактором и текущего развития информационного общества. От развития ситуации по этой линии во многом и будет зависеть сама возможность сохранения его глобального характера.**

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Деконструкция проблемы: четыре проявления «кризиса развития» информационного общества

В 2018–2020 годах в развитии глобализированного информационного общества проявилось несколько новых тенденций, обладающих потенциалом долгосрочного влияния. Они, отражая внутренние особенности развития информационного общества, отчасти усилены эффектом пандемических ограничений, а также обострением борьбы различных политических моделей, претендующих на глобальность. Характер процессов во многом определялся новым положением информационного общества в системе социальных инструментов глобализации. Оно, сохраняя функционал интерфейса (интегрированной системы каналов коммуникаций, платформ и алгоритмов формирования кастомизированного информационного потока) между обществом и информационным пространством, ставшим операционно, а не только теоретически глобальным, наполнялось инструментами управления социальностью, причем как на уровне отдельного человека, так и крупных общественных групп. Возникли два параллельных процесса: политизация развития информационного общества и усиление значимости его социально-конструктивистских (социально-структурирующих) компонентов, которые впервые стали превалировать над технологическими. Данные процессы являются фундаментальными и долгосрочными и требуют отдельного рассмотрения.

Новая борьба идей, идущая в различных форматах как минимум с 2017 года, когда была впервые оспорена возможность форсированной реализации так называемой «четвертой промышленной революции», достигла в 2020 году апогея, превратившись в политическое противоборство, во многом реализовавшееся в информационном пространстве, – борьбу за право контроля над информационным обществом. Роль и место информационного

общества в глобальных трансформациях в 2020 году вышли на первый план и стали системообразующими факторами.

Обозначим четыре важнейших направления развития глобального информационного общества, дополняющих и усиливающих означенное выше центральное противоречие, создавая риски разрушения его базовых основ, превращения его из инструмента обеспечения доступа к информации в инструмент контроля над деятельностью человека, разрушения суверенитета стран и внесения в систему международных отношений дополнительных элементов дестабилизации.

Первое. Деградация политических коммуникаций, включая сферу внешней политики и глобальной безопасности. Кризис «мягкой силы» стал наиболее очевидным последствием деградации политических коммуникаций, надстройки их избыточным манипулятивным инструментарием, что признается ведущими западными исследователями⁸. Такая опережающая деградация сферы политических коммуникаций связана с общим падением культурно-образовательного уровня элит, хотя наиболее распространена точка зрения, что это является результатом уязвимости западной демократии в период перехода от одной институциональной структуры медийного пространства к другой, происходящий в быстром темпе и не всегда предсказуемо (O'Loughlin, 2020). Опасно то, что качественная, контентная деградация политических коммуникаций затрагивает такую чувствительную сферу, как дипломатия, где появилась «твиттер-дипломатия» (Сурма, 2020), в особенности проявившаяся в период президентства в США Д. Трампа и постепенно сворачиваемая нынешней администрацией. Превращение политических коммуникаций в часть рутинного информационного потока создает риск переноса в этот сегмент информационного общества манипулятивных сюжетов в неуправляемом режиме. Возникает зависимость коммуникации от формата, в частности эффект твиттеризации деятельности политических журналистов (Molyneux and McGregor, 2021).

Падение качества политической коммуникации может привести к десакрализации власти как таковой. Это связано с тем, что политическая коммуникация, в особенности коммуникация от имени власти, всегда была отделена от прочих сегментов информационного пространства не только специфическими форматами, но и характером контента. Теперь эта «особость» размывается, в том числе и сознательно. Мы уже сейчас сталкиваемся с резким сокращением уровня доверия к публичной коммуникации государств, которая начинает восприниматься как часть пропаганды.

Второе. Расширение числа игроков на поле информационной конкуренции и противоборства. Еще десять лет назад за любой крупной информационно-политической манипуляцией и тем более кибератакой стояло не просто государство, но одно из крупнейших государств мира (хотя бы потому, что технологии манипуляций в цифровой среде были относительно дороги и требовали

⁸ Nye J. Jr. How sharp power threatens soft power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. 24 янв. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 20.01.2021).

большого организационного ресурса). Теперь же удешевление и алгоритмическое упрощение цифровых технологий сделало их доступными для многих желающих, причем не только государств. Важно, что еще в начале нынешнего рывка цифровизации констатировалась неизбежность глубокой коммерциализации современного информационного общества и возникновения близких к антагонистическим противоречий между принципами свободы информации и манипулятивной направленностью деятельности коммерческих участников информационного общества (Fuchs, 2012). Сейчас наблюдаем поступательное расширение числа частных участников информационных войн. Дело фирмы *Cambridge Analytica*, осуществлявшей, явно при поддержке государственных структур ряда стран, манипулирование информацией и личными данными граждан на коммерческой основе, было лишь первым сигналом о потенциале системных манипуляций при нынешнем уровне «проницаемости» информационного общества и использовании постоянно совершенствующихся и удешевляющихся технологий. Сейчас мы имеем уже с десятков крупных игроков, пока действующих в режиме «государственно-частного партнерства», предоставляя свои возможности государственным структурам для легализации информации и таких манипуляций с нею, на которые ни одно государство пойти не может. Наиболее ярким примером в последние годы стал пресловутый *Bellingcat*, но им список не исчерпывается. Обратим внимание на опыт использования потенциала цифровых интегрированных коммуникаций политическими и религиозными радикалами (Забузов, 2020) и сложность нейтрализации их коммуникационного потенциала. Напомним, насколько многовекторную и разноформатную пропагандистскую работу в информационном пространстве вела запрещенная в России террористическая организация *ИГИЛ*. В ее арсенале средств информационного воздействия был даже женский глянцево-журнальный журнал, а потенциал цифровых коммуникаций использовался крайне эффективно. Все это говорит о принципиальной легкости освоения манипулятивных цифровых технологий коммерческими и социально-политическими структурами, которые в социально-правовом отношении имеют тот же статус, что и «цифровые гиганты».

Третье. Неконтролируемое расширение допустимых пределов информационных манипуляций и сращивание информационных манипуляций с киберударными методами. Происходит встраивание информационных манипуляций в арсенал допустимых средств внешней политики. Но если в 2015–2018 годах это происходило в «ползучем» формате, то в 2019–2020 годах процесс стал носить взрывной характер. Информационные манипуляции вокруг Сирии на первом этапе осуществлялись негосударственными теневыми структурами, затем – прямое участие государственных органов США и их ближайших союзников в манипулятивной игре вокруг обвинений Дамаска в применении химического оружия со стороны Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). На Украине наблюдался относительно медленный дрейф от конструирования социальной протестности через неправительственные организации к прямому участию в политических процессах на уровне государства (особенно в период вице-президентства Дж. Байдена). В отношении Ирана с момента попытки «цветной революции» 2009 года при-

менялись социально-агрессивные формы участия в социально-политических процессах, к 2018 году прямо поддерживавшиеся и организационно и технологически обеспечивавшиеся США и их ближайшими союзниками. В Венесуэле и Республике Беларусь попытки свержения действующей власти изначально основывались на стремлении реализовать политику внешнего управления суверенитетом с широчайшим использованием механизмов пропаганды и информационных манипуляций, что инвариантно предполагало высокую степень вовлеченности иностранных государственных органов. Как минимум, в ходе интернационализированных внутренних конфликтов в Венесуэле и Иране имело место задействование киберударных средств, вряд ли возможное без участия государственных структур⁹. Происходит активная легализация таких средств в качестве инструмента межгосударственного противоборства¹⁰, но важно то, что подобные инструменты, находящиеся фактически на грани перехода от несиловых средств ведения гибридных войн к силовым, используют те же самые структурные элементы информационного общества, что и политические коммуникации. Даже в условиях сохранения в международных отношениях остаточных «правил игры» наблюдается отчетливая тенденция расширения пределов допустимого в информационных войнах. Эта тенденция еще больше усилится, когда информационно-манипулятивное воздействие станет важнейшим элементом гибридных войн как средства реформатирования глобального геоэкономического пространства. Отметим, что эти процессы происходят в рамках единого в пользовательском отношении информационного пространства, а зачастую на базе общественно доступных каналов коммуникаций.

Четвертое. Обострение проблемы защищенности персональной информации, что стало естественным результатом нарастания манипулятивности в информационных процессах. Эта проблема является «фокусной» для всех основных тенденций в современном информационном обществе и имеет наибольший потенциал проявления в публичном политическом и социальном пространстве. Острота проблемы проистекает из синергии трех взаимодополняющих уровней проблемы:

⁹ На государственном уровне факт кибератаки на суверенное государство не признавался. Можно говорить только о вероятности государственного участия в такого рода действиях. Считается доказанным участие государственных структур США в кибератаке на энергетическую систему Венесуэлы в марте 2019 года, приведшей к временному выведению из строя ГЭС «Гури», крупнейшей в стране (См.: *Заквасин А., Ищенко Е., Лобанов М.* «Стремление к глобальному контролю»: почему Китай обвиняет США в кибершпионаже [Электронный ресурс] // RT на русском. 2020. 18 фев. URL: <https://russian.rt.com/world/article/719299-kibershpiionazh-sshakitai-obvinieniya> (дата обращения: 19.02.2021). В отношении Ирана ситуация также разворачивалась на уровне подозрений и обвинений. Тем не менее считается общепризнанным, что за атакой на ядерный объект в Натанзе летом 2010 года стояли израильские спецслужбы, поддерживаемые США (см.: *Вирус страшнее бомбы. Как хакеры уничтожили ядерный завод в Иране* [Электронный ресурс] // LIFEdoc. Спецрепортажи, расследования, документальное кино. 2017. 1 окт. URL: <https://life.ru/p/1047800> (дата обращения 20.02.2021). Данные по системе кибербезопасности Ирана обобщены в (Турчин, 2021).

¹⁰ *Ablon L., Binnendijk A., Hodgson Q. et al.* Operationalizing cyberspace as a domain: Lessons for NATO. 2019. DOI: 10.7249/PE329 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE329.html> (дата обращения 15.03.2021).

– усиление попыток контроля государства и его институтов над социальной и информационной деятельностью граждан (Connor and Doan, 2021), что считается наиболее заметным риском и отражает естественный процесс – стремление государства к национализации страновых сегментов информационного общества. Главным инструментом влияния государства на процессы развития информационного общества становится усиление регулятивности и контроля, которые в первую очередь отражаются на гражданах и лишь затем – на корпорациях, обеспечивающих функционирование информационного общества;

– стремление корпоративных структур ограничить влияние государства и сохранить монопольное право на регулятивность в информационном обществе. Хотя этот аспект развития привлек самое большое общественное внимание, по своей сути, он самый социально нейтральный: глобальные корпорации просто хотят сохранить то положение, которое существовало всегда, оградив себя от политически мотивированного давления со стороны государства. Причиной пристального внимания общества к проявлениям цензуры со стороны корпоративных структур является как раз политический характер цензурирования – результат противостояния с государством;

– активное использование механизмов больших данных, собранных на основе мониторинга информационной деятельности человека корпоративными структурами в коммерческих или иных целях. Масштабы некоммерческого – как правило, политического – использования данных, собранных в информационном пространстве, растет. Дискуссия (Afriat et al., 2021) продемонстрировала, что коммерциализация доступа к личным данным является естественным направлением развития для постиндустриального общества, где информационные технологии стали интерфейсом между человеком и потребительским рынком.

Разрушение универсальности информационного общества как доминирующий вектор развития

Главным вектором развития современного информационного общества будет на обозримую перспективу, с одной стороны, снижение управляемости интерфейсом между человеком и информационным пространством на фоне нарастания попыток администрирования, а с другой – формирование альтернативных информационных систем, первоначально и на относительно длительную перспективу имеющих не глобальный, а национальный и региональный характер. Мы входим в период постепенного разрушения универсальности информационного общества, а значит – и его пространственной и структурной целостности. И этот процесс происходит одновременно по нескольким векторам, что исключает возможность упрощенных и чисто организационных (организационно-политических) решений.

Долгосрочной реальностью современного информационного общества останется высокая степень информационной проницаемости национальных информационных пространств. Маловероятно, чтобы в ближайшей перспективе были бы выработаны технологические решения, обеспечивающие существенное сужение сферы открытости как государственных и корпоративных систем, так и личных данных отдельных индивидов. Управление информационной открытостью переходит в сферу социального управления и конструирования.

Универсальность информационного общества была бы разрушена в любом случае в результате кризиса институциональной идентификации, когда суть так называемых «демократических институтов», предполагающих нахождение внутри информационного общества и высокую степень информационной открытости, выхолащивается и превращается в имитацию (Крастев и Холмс, 2020). В этих условиях идентификация по принципу соотнесения с глобальными каналами коммуникаций в качестве критерия вовлеченности в глобальные процессы перестает быть актуальной.

События в США этот процесс ускоряют, поскольку усиливают ситуацию непрозрачности развития не только информационного общества как такового, но и того его сегмента, доступ к которому является жизненной потребностью значимых групп потребителей услуг информационного общества и связанных с ним коммерческих услуг. Рост уровня политически мотивированной регулятивности сетевых интегрированных коммуникаций уже сейчас вызывает противодействие даже в либерально настроенных кругах, поскольку создает риски утраты целостности системы, которая остается важнейшей опорой глобального доминирования на основе либеральных ценностей¹¹.

Стратегическая проблема развития современного информационного общества заключается в возможности потери национальными государствами (не только Россией, но даже государствами Запада) долгосрочного контроля над развитием системы цифрового управления социально значимыми системами, что может привести к утрате ее операционной целостности, но главное – к возникновению в рамках одной системы сегментов с различным уровнем защищенности. Но смысл современного информационного общества как раз и заключается в его симметричности и сохранении единых стандартов управления, включая и единые принципы его прозрачности и проницаемости (Ромашкина, 2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни в одной стране мира нет сейчас четкого плана развития информационных технологий и их законодательного регулирования. На обозримую перспективу с точки зрения международного законодательства в информационном пространстве мы будем существовать в «серой зоне» и в ситуации неопределенных критериев операционной допустимости тех или иных действий по его регулированию.

Маловероятно, чтобы удалось обеспечить целостность информационного общества в современном формате; задача в том, чтобы сделать процесс распада глобализированной модели информационного общества более управляемым и предсказуемым. Определяющим становится понимание темпов трансформации информационного общества, а также заблаговременное выявление «точки перелома» в его развитии, когда направленные действия

¹¹ Wijeratne Y. Give everyone a vote on kicking politicians off social media [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2021. 4 февр. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/02/04/social-media-ban-trump-greek-agera-vote/> (дата обращения: 10.03.2021).

по демонтажу его современной глобализированной версии дадут не только эффект «огораживания», но и приведут к возникновению собственного, национального или общерегионального (например, в пределах Евразии) информационного пространства, свободного от откровенно деструктивных тенденций. В современном состоянии информационного общества нарастающее значение приобретают факторы, которые лежат вне его, – взаимодействие государства и крупных корпораций, экономическая ситуация в мире, поиск моделей социального и социокультурного развития. Трансформация информационного общества может стать результатом накопления императивных изменений внешней среды и происходить в результате последовательно принимаемых политически мотивированных решений.

Библиографический список

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева, под науч. ред. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / Пер. с англ. А. Глухова. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2012. 288 с.

Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация / Пер. с англ. О. Левченко, под науч. ред. А. Белых. М.: Дело, 2018. 416 с.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Кн. дом «Либроком», 2013. 344 с.

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Пер. с англ. И. Кушнारेвой. М.: Дело, 2019. 421 с.

Джексон М. Человеческие сети. Как социальное положение влияет на наши возможности, взгляды и поведение / Пер. с англ. Т. Азаркович. М.: АСТ, Corpus, 2021. 480 с.

Забузов О. Н. Противодействие идеологии терроризма: переориентация подходов // Военный академический журнал. 2020. № 2. С. 62–69.

Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. М. Тылевих, под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2016. 564 с.

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. Д. Кралечкина, под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2015. 312 с.

Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: почему Запад проигрывает борьбу за демократию / Пер. с англ. А. Соловьева, под ред. О. Бараш. М.: Альпина Паблшер, 2020. 354 с.

Маковский В. А. «Пятая власть» как основная угроза функционирования государственной информационной политики в России // Информационные войны. 2019. № 4. С. 20–23.

Ромашкина Н. П. Информационный суверенитет в современную эпоху стратегического противоборства // Информационные войны. 2019. № 4. С. 14–19.

Сурма И. В. «Твиттер-дипломатия» как инструмент внешнеполитической коммуникации // Дипломатическая служба. 2020. № 1. С. 65–75. DOI: 10.33920/vpe-01-2001-09.

Турчин Н. Развитие национальной системы кибербезопасности Ирана // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 1. С. 18–23.

Урри Дж. Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеевко, под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело, 2018. 320 с.

Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Пер. с англ. К. М. Королева. М.: АСТ, 2017. 702 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года / Пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 342 с.

Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / Пер. с англ. К. Ахметова, А. Врублевского, В. Карпюк и др. М.: Бомбора, Эксмо, 2018. 320 с.

Afriat H., Dvir-Gvirsman S., Tsuriel S. et al. “This is capitalism. It is not illegal”: Users’ attitudes toward institutional privacy following the Cambridge Analytica scandal // Informational society. 2021. Vol. 37, № 2. P. 115–127. DOI: 10.1080/01972243.2020.1870596.

Connor B. T., Doan L. Government and corporate surveillance: Moral discourse on privacy in the civil sphere // Information, Communication and Society. 2021. Vol. 24, № 1. P. 52–68. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1629693.

Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European Journal of Social Theory. 2017. Vol. 21, № 2. P. 207–226. DOI: 10.1177/1368431017710907.

Fuchs C. Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society // European Journal of Social theory. 2012. Vol. 16, № 4. P. 413–434. DOI: 10.1177/1368431012461432.

Giddens A. Runaway world: How globalization is reshaping our lives. New York: Routledge, 2002. 138 p.

Molyneux L., McGregor Sh. C. Legitimizing a platform: Evidence of journalists’ role in transferring authority to Twitter // Information, Communication and Society. 2021. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1874037.

O’Loughlin B. Media regime disruption and the conditions of public reflexivity // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14. P. 6113–6132.

Parker S. Editorial // Information Development. 2021. Vol. 37, № 1. P. 3–5. DOI: 10.1177/0266666921989870.

Информация об авторе

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – канд. полит. наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций медиа и дизайна ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», 109028, Россия, г. Москва, Малый Трехсвятительский переулок, д. 8/2, стр. 1

ORCID: 0000-0002-6276-0342
ResearcherID: K-4852-2015
Электронная почта: devstafiev@hse.ru

Статья получена редакцией 19 апреля 2021 года
Принята к печати 15 мая 2021 года

UDC 316.5:004
DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-143-158

GLOBAL INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT IN 2018–2020: THE NEW TRENDS

Dmitry G. Evstafiev

Higher School of Economics, 8/2 Maly Tryokhsvyatitelsky lane,
bld. 1, Moscow, 109028, Russia
ORCID: 0000-0002-6276-0342
ResearcherID: K-4852-2015
E-mail: devstafiev@hse.ru

For citation:

Evstafiev, D. G. (2021), "Global information society development in 2018–2020: The new trends", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 143–158, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-143-158.

Abstract

Introduction: modern world is characterized by the acceleration of the majority of political developments accompanied by a relative stagnation of economic transformations. The emerging asymmetries create a situation when the trends in the global informational society development disproportionately affect all global political and, partially, economic developments. **Objectives:** to identify critical trends in development of the modern information society those heavily affect its integrity and ability as a tool to provide for global political, economic and socio-cultural integration. **Methods:** discourse-analysis with emphasis on systematization of its socially important manifestations, clasterization of publicly emerged structural asymmetries in information society development. **Results:** complicated transformations take place inside the information society itself. They question some basic mechanisms of regulation and self-regulation of the informational processes. In addition, the situation is jeopardized by the drastic increase in the demand for the digital informational technologies through two recent years that resulted, among other things, from the changes in social life that are provoked by the coronavirus pandemic. Such trends were localized and formalized through the study. Some of them can be regarded as risks-stimulating not only for the information society but rather in terms of the major aspects of global development. **Conclusions:** the internal developments in the information society added by the application of informational technologies in political practices lead towards destruction

of information society basis as an instrument that is critical to secure the integrity of the globalization. Currently it is highly probable that information society could lose its global nature and integrity. The emerging situation creates the possibilities for enforcement of Russia's influence upon the development of the globalized informational society though this demands radical revision of the approach, including rejection of the limited user-mode model for interaction. This brings about the issue of elaborating practical mechanisms of providing for the sovereignty of Russia in the new global environment and – as the necessary minimum – of protecting the country from the most destructive trends in the development of the information technologies.

Keywords: globalization; informational society; hybrid wars; national informational sovereignty; political communications

References

Anderson, B. (2016), *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism], Translated by Nikolaev, V. G., Ban'kovskaya, S. P. (ed.), Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Ankersmit, F. R. (2012), *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political Representation], Translated by Glukhov, A., HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Baldwin, R. (2018), *Velikaya konvergentsiya: Informatsionnye tekhnologii i novaya globalizatsiya* [The great convergence: Informational technologies and the new globalization], Translated by Levchenko, O., Belykh, A. (ed.), Delo Publishers Ranepa, Moscow, Russia.

Van Dijk, T. (2013), *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power], Translated by Kozhemyakin, E. A., Pereverzev, E. V. and Amatov, A. M., Librokom Book House, Moscow, Russia.

Greenfield, A. (2019), *Radikal'nye tekhnologii: Ustroistvo povsednevnoi zhizni* [Radical technologies: The design of everyday life], Translated by Kushnareva, I., Delo Publishers Ranepa, Moscow, Russia.

Jackson, M. (2021), *Chelovecheskie seti. Kak sotsial'noe polozhenie vliyaet na nashi vozmozhnosti, vzglyady i povedenie* [The human network: How your social position determines your power, beliefs, and behaviors], Translated by Azarkovich, T., AST, Corpus, Moscow, Russia.

Zabuzov, O. N. (2020), "Countering the ideology of terrorism: Approaches retargeting", *Voennyi akademicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 62–69.

Castells, M. (2016), *Vlast' kommunikatsii* [Communication power], Translated by Tylevikh, M., Chernykh, A. I. (ed.), HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Keane, J. (2015), *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and media decadence], Translated by Kralachkin, D., Smirnov, A. (ed.), HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Krastev, I. and Holms, S. (2020), *Svet, obmanuvshii nadezhdy: pochemu Zapad proigryvaet bor'bu za demokratiyu* [The light that failed: A reckoning], Translated by Solov'ev, A., Barash, O. (ed.), Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Makovskiy, V. A. (2019), "The fifth estate" as a critical threat of state information politics' functioning", *Information Wars*, no. 4, pp. 20–23.

Romashkina, N. P. (2019), "Information sovereignty in the modern era of strategic warfare", *Information Wars*, no. 4, pp. 14–19.

Surma, I. V. (2020), "Twitter diplomacy as an instrument of foreign policy communication", *Diplomatic Service*, no. 1, pp. 65–75, doi: 10.33920/vne-01-2001-09.

Turchin, N. (2021), "Development of the cybersecurity system of Iran", *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, no. 1, pp. 18–23.

Urry, J. (2018), *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the future?], Translated by Matveenko, A., Shchukina, S. (ed.), Delo Publishers Ranepa, Moscow, Russia.

Urry, J. (2012), *Mobil'nosti* [Mobilities], Translated by Lazarev, A. V., Praxis, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2017), *Ugashanie gosudarstvennogo poryadka* [Political order and political decay], Translated by Korolev, K. M., AST, Moscow, Russia.

Habermas, J. (2016), *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva: s predisloviem k pereizdaniyu 1990 goda* [Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990], Translated by Ivanov, V. V., Ves' mir, Moscow, Russia.

Schwab, K. (2019), *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Shaping the fourth industrial revolution], Translated by Akhmetov, K., Vrublevskii, A., Karpyuk, V. et al., Bombora, Eksmo, Moscow, Russia.

Afriat, H., Dvir-Gvirsman, S., Tsuriel, S. et. al. (2021), "This is capitalism. It is not illegal": Users' attitudes toward institutional privacy following the Cambridge Analytica scandal", *Informational Society*, vol. 37, no. 2, pp. 115–127, doi: 10.1080/01972243.2020.1870596.

Connor, B. T. and Doan, L. (2021), "Government and corporate surveillance: Moral discourse on privacy in the civil sphere", *Information, Communication and Society*, vol. 24, no. 1, pp. 52–68, doi: 10.1080/1369118X.2019.1629693.

Curran, D. (2017), "Risk, innovation, and democracy in the digital economy", *European Journal of Social Theory*, vol. 21, no. 2, pp. 207–226, doi: 10.1177/1368431017710907.

Fuchs, C. (2012), "Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society", *European Journal of Social Theory*, vol. 16, no. 4, pp. 413–434, doi: 10.1177/1368431012461432.

Giddens, A. (2002), *Runaway world: How globalization is reshaping our lives*, Routledge, NYC, NY, US.

Molyneux, L. and McGregor, Sh. C. (2021), "Legitimizing a platform: Evidence of journalists' role in transferring authority to Twitter", *Information, Communication and Society*, doi: 10.1080/1369118X.2021.1874037.

O'Loughlin, B. (2020), "Media regime disruption and the conditions of public reflexivity", *International Journal of Communication*, vol. 14, pp. 6113–6132.

Parker, S. (2021), "Editorial", *Information Development*, vol. 37, no. 1, pp. 3–5, doi: 10.1177/0266666921989870.

Received April 19, 2021

Accepted May 15, 2021

УДК 338.4

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-159-174

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЕЧНОГО ПРОДУКТА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

С. Г. ПЬЯНКОВА

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

Д. П. АРКАЛОВ

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

Комплексная специализированная спортивная школа олимпийского резерва,
г. Ижевск, Россия

Для цитирования:

Пьянкова С. Г., Аркалов Д. П. Методологические аспекты формирования конечного продукта в сфере физической культуры и спорта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 159–174. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-159-174.

АННОТАЦИЯ

Введение: рассматриваются методологические аспекты формирования конечного продукта в непроизводственном секторе экономики – сфере физической культуры и спорта. **Цель:** анализ и обобщение трудов ученых и исследователей, изучающих вопросы функционирования сферы спорта и понятие конечного продукта или спортивного продукта, выявление проблем, существующих в рассматриваемой сфере, предложение синтезированной модели формирования спортсмена как конечного продукта системы спортивной подготовки. **Методы:** системный анализ, моделирование. **Результаты:** описан подход к формированию конечного продукта с точки зрения теории систем, предложена концепция по формированию конечного продукта в сфере физической культуры и спорта как в непроизводственном секторе экономики. **Выводы:** конечный продукт сферы физической культуры и спорта в основном рассматривается как спортивное событие или мероприятие, направленное на удовлетворение зрителей как основных потребителей данного продукта. Согласно сформулированной авторами концепции, ценным конечным продуктом системы спортивной подготовки в первую очередь является сам спортсмен как профессионал своего дела. В рамках концепции представлена модель, показывающая схожесть этапов спортивной подготовки с этапами производственного процесса и формирования конкурентоспособности (выведения товара (продукта) на рынок).

Ключевые слова: конечный продукт; экономика спорта; спортивная подготовка; спортивные услуги; ценный конечный продукт в спорте

ВВЕДЕНИЕ

Физическая культура и спорт как отрасль экономики представляет собой сложную систему, состоящую из учреждений и организаций, основной экономической функцией которых является предоставление спортивных услуг насе-

лению, а также предприятий, которые принимают непосредственное участие в материально-техническом и организационно-сопроводительном обеспечении. Спорт как сфера услуг и часть непроизводственного сектора экономики не подразумевает реализации материальных благ для потребителей. В России спорт в основном относится к государственному сектору экономики, о чем свидетельствуют действующая модель управления и регулирования данной сферы (Понкин и др., 2017).

Ввиду данного факта спорт в России тесно связан с политикой (Жохова и Набиева, 2015), что формирует общий методологический контекст. При подготовке спортсменов высокого уровня государство хочет получить конкурентоспособных, лучших в мире атлетов для решения как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических вопросов. Фактически государство стремится приобрести ценный конечный продукт, который как можно быстрее начнет и как можно дольше будет показывать максимальный результат, выраженный в медальном зачете.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

По мнению М. А. Соломченко, исследования, прогнозы и оценки в сфере физической культуры и спорта (далее – сфера спорта) опираются на общую экономическую теорию. Она находит свое проявление в таких вопросах, как повышение конкурентоспособности спортивных организаций, эффективное использование материально-технической базы, продажа билетов на спортивные события, продажа фитнес-услуг и пр. Кроме того, методологической основой изучения отношений в сфере спорта служат данные правоведения, социологии, менеджмента и других наук (Соломченко, 2014, с. 8).

Методология исследования сферы спорта опирается на диалектико-материалистическую концепцию развития природы, общества и познания, которую сформировали К. Маркс и Ф. Энгельс, научную систему физического воспитания П. Ф. Лесгафта. С 1960-х годов разрабатывалась новая методология, базировавшаяся на теории культуры. Как пишут авторы хрестоматии по истории и методологии науки о физической культуре, «возникали и использовались различные подходы к определению сущности, структуры, функций физической культуры и ее связей с культурой и ее теорией – системный, системно-функциональный, ценностно-ориентационный, генетический, личностно-атрибутивный и потребностно-деятельностный подходы» (Туревский, 2016, с. 105). Последний с опорой на психолого-педагогические категории потребности и деятельности предопределил развитие специализированных направлений в смежных со спортом сферах (медицина, психология, производство и т.д.).

Сфера спорта является одним из направлений реализации государственной политики Российской Федерации. Как система она имеет сформированную структуру, которая должна способствовать достижению поставленных перед ней целей. Исходя из действующей нормативно-правовой базы, А. И. Чикуров описал структуру управления данной сферой (Чикуров, 2013, с. 26).

Исследователи Уральского государственного университета физической культуры Л. С. Смирнова и Л. А. Еремеева обозначают проблемы, выраженные в отсутствии эффективной системы управления в детско-юношеском спорте, отборе и подготовке спортивного резерва для спортивных сборных команд (Смирнова и Еремеева, 2020). Вопросами совершенствования системы подготовки спортивного резерва также занимаются ученые уральской школы С. А. Захарова и А. Е. Назаров (Назаров и Захарова, 2020).

Ю. А. Павленко в целях упорядочивания научно-методологических основ подготовки спортсменов предлагает модель системы научно-методического обеспечения, выделяя в ней факторы влияния (организация, среда), факторы формирования (развитие, функционирование) и факторы реализации (состав, структура) (Павленко, 2015, с. 10–18).

В целях совершенствования системы подготовки спортивного резерва изучается и апробируется переход на кластерную организацию процесса спортивной подготовки. Она подразумевает формирование на определенной территории группы специализированных организаций, функционально связанных между собой и зависимых друг от друга, при реализации общего процесса и достижении общей цели. Концентрирование в спортивной сфере таких организаций называется спортивным кластером. Практика применения такого подхода показывает, что он позволяет участникам кластера с различными типами и формами организации преодолевать экономические, социальные и организационные барьеры с помощью обмена информацией и знаниями и выработки общей стратегии развития. Модели, основанные на кластерном подходе к подготовке спортивного резерва, изучают и развивают ученые (Родионов и Родионова, 2012; Жуков и Черкесова, 2019; Литовченко и др., 2020).

Специалисты отмечают, что первоочередными задачами системы спортивной подготовки (подготовки спортивного резерва) являются: развитие сети специализированных организаций; научно-методическое, медицинское и медико-биологическое обеспечение; осуществление инновационной деятельности; обновление содержания тренировочного процесса и совершенствование системы спортивных соревнований; совершенствование системы отбора талантливых спортсменов и спортивно одаренных детей; развитие кадрового потенциала; внедрение дифференцированных подходов к обеспечению различных социально-демографических групп населения услугами в сфере спорта с учетом их мотивации, интересов и потребностей (Вырупаев и др., 2018, с. 47–52). Из данного заключения следует, что для функционирования системы необходимо выполнять ряд процессов, но не упоминается конечный результат или цель.

Вместе с тем в соответствии с теорией систем, цель является заранее мыслимым результатом – идеальным проектом будущего целевого состояния – и ставится сознательно для получения конечного продукта деятельности системы, то есть элемента, передаваемого системой во внешнюю среду. Соответственно, система создается и функционирует для определенного результата. Результат может быть выражен в идеальных устремлениях, которых заведомо невозможно достичь, но об этом известно, и к ним можно

непрерывно стремиться. Либо в конкретном измеримом устремлении, которое возможно измерить как качественно, так и количественно и которое возможно достичь в пределах определенного интервала времени и сформировать в терминах конечного продукта деятельности системы. Это может пониматься как информационный образ конечного продукта системы (Корикив и Павлов, 2019, с. 23).

Методология определения эффективности физкультурно-спортивных организаций основывается на анализе интенсивности использования ею оборотных средств. Как пишут И. В. Брызгалова и И. Ю. Сазонова, от скорости превращения их в наличные денежные средства зависит ликвидность организации и ее конкурентоспособность. Кроме того, появляется потребность в установлении и обосновании некоторых критериев, определяющих эффективность использования оборотных средств. Определение уровня финансовой эффективности физкультурно-спортивной организации основывается на динамическом анализе значений финансовых показателей (Брызгалов и Сазонов, 2016, с. 236). По мнению указанных авторов, эффективность функционирования физкультурно-спортивной организации также обуславливается качеством и количеством реализуемых конечных продуктов.

Под спортивным продуктом в самом общем значении Д. Джоббер понимает «нечто, позволяющее удовлетворить потребности потребителя» (Jobber, 2004, р. 60). Фактически данное понятие подходит под описание любого товара или услуги, в которых есть нужда или потребность в обществе. Комплексную характеристику спортивному продукту дают И. В. Понкин и И. А. Понкина, определяя его как интегральное понятие, структурно включающее в себя три его вида – нематериальный, материальный, смешанный. При этом к нематериальным спортивным продуктам относят спортивный порядок, спортивно-имиджевый продукт, конечные продукты, получаемые при финансовой и административной поддержке государства и правительства, процесс формирования которых сопровождается организацией, развитием, безопасностью и защитой сферы спорта, продукты, направленные на приобретение новых профессиональных компетенций (образовательные продукты). Материальные спортивные продукты включают в себя спортивные товары, спортивное питание, спортивные объекты и спортивные сооружения, финансовый продукт в спортивной сфере, в том числе спонсорский продукт и инвестиционные проекты. Более интересный состав имеют смешанные спортивные продукты – сами спортсмены, спортивные клубы, спортивные команды, услуги в области спорта (услуги спортивных сооружений, фитнеса, персонального тренинга, проката спортивного оборудования, инвентаря, техники и пр.), рекреационные и туристские спортивные продукты, трудовой продукт профессиональных спортсменов, тренеров и судей в профессиональном спорте, продукты спортивной медицины, инженерной и инновационной мысли и деятельности (Понкин и Понкина, 2016, с. 129–137). С экономической точки зрения, пишут авторы, непосредственно к продуктам, формируемым и выдаваемым сферой спорта и конкретно системой спортивной подготовки, относятся только часть смешанных спортивных продуктов: спортсмен, спортив-

ная команда, спортивный клуб, услуги, оказываемые населению, в результате получения которых потребители будут непосредственно участвовать в физически активном или соревновательном процессах, а также спортивное мероприятие как событие.

О. А. Шевченко говорит о спортивном продукте как о результате трудовых отношений профессионального спортсмена и работодателя (спортивной организации), в качестве которого выступает спортивно-зрелищный продукт. Ученый считает, что спорт представляет собой систему, состоящую из различных, но связанных между собой подсистем (сегментов экономики), цель которой заключается в формировании и реализации спортивно-зрелищного продукта. Основными участниками в производстве данного продукта являются спортсмены (Шевченко, 2014). Фактически, О. А. Шевченко определяет сферу спорта как индустрию.

Под спортивным продуктом В. А. Леднев понимает спортивное событие, представляющее интерес для потребителей и которое необходимо иметь каждой спортивной организации (Леднев, 2013, с. 1–8), Е. П. Гетман относит к нему разнообразные спортивные товары, физкультурно-оздоровительные и прочие услуги, спортивные соревнования (события), лица (спортсмены, тренеры, медики и другие), территории (спортивные объекты), спортивные организации, идеи в области спорта (Гетман, 2017, с. 554–555). По мнению авторов настоящей статьи, данная точка зрения затрагивает результаты производства других экономических отраслей, в частности производство товаров, так как сами товары производятся не сферой спорта, а для сферы спорта.

В вышерассмотренных и проанализированных позициях исследователей разных научных областей не упоминается о заказчике спортивного продукта. По нашему мнению, при том уровне влияния российского государства на сферу спорта в целом, оно является основным заинтересованным лицом в спортсменах высокого уровня и, как следствие, в спортивных событиях международного масштаба (например, XXII Олимпийские зимние игры 2014 года в городе Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 года и пр.).

Вновь обращаясь к теории систем и основываясь на представлении Ф. И. Перегудова и Ф. П. Тарасенко о том, что система является средством для достижения цели (Перегудов и Тарасенко, 1997, с. 396), возможно заключить, что цель системы спортивной подготовки – это конкурентоспособный спортсмен. И, отходя от определений, описываемых через процессы, к определениям, описываемым через измеримые результаты, можно задать вопрос: каким критериям должен соответствовать спортсмен, выдаваемый системой в качестве ценного конечного продукта. Какими способностями он должен обладать?

На сегодняшний день существуют федеральные и региональные программы по отбору и тестированию одаренных детей¹, которые направлены на выявление предрасположенностей к занятиям тем или иным видом спорта. Это представляет собой сортинг, нацеленный на выявление потенциального

¹ Об утверждении методических рекомендаций о механизмах и критериях отбора спортивно одаренных детей [Электронный ресурс]: приказ М-ва спорта Рос. Федерации от 25.08.2020 № 636. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565612074> (дата обращения: 21.03.2021).

кандидата (Гарифуллин и Хафизов, 2018), из которого возможно сформировать высококлассного спортсмена – ценный конечный продукт.

В теории систем элементы, передаваемые из среды в систему, называются ресурсами. Фактически сортинг и направлен на отбор ресурсов. Поэтому на первоначальном этапе должны быть установлены критерии входа в систему спортивной подготовки. Но не каждый элемент будет удовлетворять предъявляемым условиям на последующих этапах отбора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для рассмотрения системы спортивной подготовки, не расчленяя ее на элементы, а представляя ее как совокупность укрупненных компонентов, которые необходимы для существования, функционирования и достижения целей системы, необходимо воспользоваться определением В. Н. Волковой (Волкова и Денисов, 2019, с. 22):

$$S \stackrel{\text{def}}{=} \langle Z, STR, TECH, COND, N \rangle \quad (1)$$

где $Z = \{z_i\}$ – совокупность или структура целей;
 $STR = \{STR_{\text{пр}}, STR_{\text{орг}}, \dots\}$ – совокупность структур, реализующих цели ($STR_{\text{пр}}$ – производственная, $STR_{\text{орг}}$ – организационная и т.п.);
 $TECH = \{\text{meth}, \text{means}, \text{alg}, \dots\}$ – совокупность технологий (meth – методы, means – средства, alg – алгоритмы и т.п.), реализующих систему;
 $COND = \{\varphi_{\text{ex}}, \varphi_{\text{in}}\}$ – условия существования системы (φ_{ex} – внешние, φ_{in} – внутренние факторы);
 N – «наблюдатели» (лица, принимающие и исполняющие решения, осуществляющие структуризацию целей и т.п.).

Под совокупностью целей в системе спортивной подготовки понимается достижение наилучших спортивных результатов (Попков и Вдовин, 2018, с. 117), подготовка конкурентно способного спортсмена (Аркалов, 2020, с. 208–213) и т.д. В конечном итоге речь идет о характеристиках ценного конечного продукта, который должна произвести система спортивной подготовки.

Сфера спорта является открытой системой, и поэтому для ее функционирования необходимо участие других сфер, благодаря которым она будет полноценно функционировать и развиваться. Под совокупностью структур в сфере спорта понимаем взаимосвязи с такими сферами как здравоохранение, образование, производство и т.д.

В совокупность технологий входят методы, средства, алгоритмы, необходимые для достижения желаемого результата, а также научные знания, применяемые для решения практических задач.

Внешние и внутренние факторы, которые определяют условия существования системы, возможно, имеют ключевое значение для существования самой системы. Например, внешняя среда в лице социума или муниципалитета может быть мало заинтересована в развитии сферы спорта. В результате

будет дефицит ресурсов – как финансовых, так и кадровых. С другой стороны, внутренние факторы определяют потенциал системы и прочность ее элементов, а также качество взаимодействия с внешней средой.

«Наблюдателем» может быть как непосредственно заинтересованное лицо в ценном конечном продукте, который произведет система, так и простой обыватель.

В самом общем виде систему спортивной подготовки в соответствии с теорией систем возможно представить по принципу «входные данные – процесс – результат» (рис. 1).

Рис. 1. Схема системы спортивной подготовки в соответствии с теорией систем / Fig. 1. Scheme of sports training system according to systems theory

Основываясь на постулатах теории систем, авторы настоящей статьи сформулировали концепцию, согласно которой ценным конечным продуктом системы спортивной подготовки в первую очередь является совокупность качеств спортсмена, необходимых для максимального уровня конкурентоспособности. То есть фактически это сам спортсмен как профессионал своего дела. В рамках концепции представлена модель, показывающая схожесть этапов спортивной подготовки с этапами производственного процесса и формирования конкурентоспособности (выведения товара (продукта) на рынок) (рис. 2).

На рис. 2 показано, что при продвижении спортсмена к вершине пирамиды возрастают его конкурентоспособность и затраты на подготовку и обеспечение (материально-техническое, медико-биологическое, антидопинговое, медицинское и пр.). Вершиной пирамиды является национальная спортивная сборная команда (по конкретным видам спорта) и Олимпийская сборная команда, что соответствует Концепции подготовки спортивного резерва в Российской Федерации². Победы в составе таких команд являются максимально возможным результатом реализации способностей спортсменов.

² Об утверждении Концепции подготовки спортивного резерва в Российской Федерации до 2025 года и плана мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17.10.2018 № 2245-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551494049> (дата обращения: 23.03.2021).

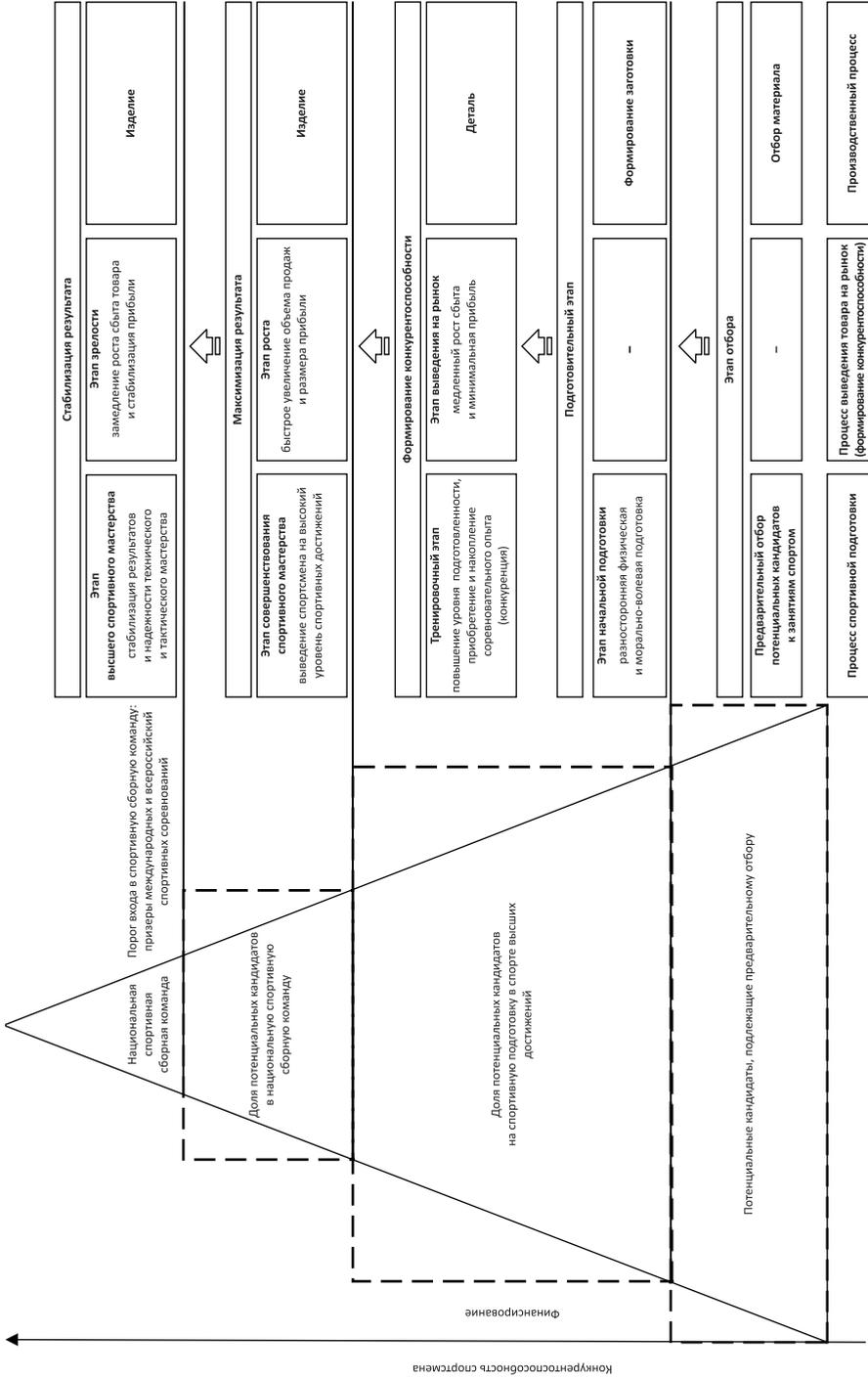

Рис. 2. Модель формирования ценного конечного продукта / Fig. 2. Model of a valuable final product formation

Правая часть рисунка показывает схожесть содержания и требований, предъявляемых на этапах спортивной подготовки, выведения продукта на рынок и производственного процесса. В данной модели не представлены этап прекращения соревновательной деятельности и этап ухода товара с рынка.

Без спортсменов, являющихся участниками всех спортивно-зрелищных продуктов, потребителями спортивных товаров и спортивного инвентаря, а также пользователями спортивных объектов, функционирование и развитие сферы спорта, в частности системы спортивной подготовки, лишается смысла.

ОБСУЖДЕНИЕ

В коммерческом секторе целью реализации товара или услуги является прибыль. Для государства, которое в первую очередь заинтересовано в конкурентоспособных спортсменах высокого класса, явно выраженным результатом является их медальный зачет на международных соревнованиях и Олимпийских играх. Это своего рода «прибыль» (результат), которую приносят спортсмены на каждом конкретном спортивном соревновании, а также за период своего жизненного цикла.

Изучение процесса спортивной подготовки с позиции системного подхода и его синтез с циклами производственного процесса позволяют посмотреть на управление формированием конечного продукта под другим углом и провести параллели с другими отраслями.

От качества и количества единиц, выдаваемых данной системой, зависит конкурентоспособность как каждого спортсмена, так и государства в целом. С возрастанием качества конечного продукта увеличивается количество потенциальных кандидатов, что является своего рода социальным возвратом на инвестиции в спорт (Litvin and Arkalov, 2021, pp. 1–6).

Стоит отметить, что создание и содержание ценного конечного продукта на протяжении всего его жизненного цикла целесообразно при сопоставимых результатах, которые он будет показывать. Иначе расходы, как финансовые, так и временные, понесенные при его создании и сопровождении, будут нерациональными.

Таким образом, основной целью формирования высококлассного спортсмена как ценного конечного продукта является:

- как можно быстрее сформировать его как конкурентоспособную единицу;
- как можно дольше сохранять его в этом состоянии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общая тенденция при рассмотрении системы спортивной подготовки свидетельствует об описании процессов, а не о представлении конкретного измеримого результата и критериев соответствия ему. Представленная авторами модель позволяет посмотреть на процесс спортивной подготовки и формирования конечного продукта в лице подготовленного спортсмена с точки зре-

ния формирования конкурентоспособности и производственного процесса. Стоит отметить, что основным заинтересованным лицом в конкурентоспособных спортсменах является государство, так как финансирование данной сферы на 80 % составляют государственные субсидии на государственное (муниципальное) задание, гранты, целевые субсидии и т.д.

У использованного авторами подхода есть ограничение – он применим только в области профессионального спорта и спорта высших достижений и не подходит для построения процессов в массовом спорте, где основными целями и задачами являются наибольшее число занимающихся (Vukov et al., 2019), не претендующих на высокий спортивный результат.

Важно подчеркнуть, что сфера спорта является вероятностной системой, так как одна из ее особенностей – непредсказуемость исхода спортивного события, а значит, невозможность точно оценить степень готовности (соответствия) спортсмена в данный момент времени относительно противоборствующей стороны. Как справедливо заметил американский драматург Н. Саймон: «Спорт – единственное в мире представление, в котором, сколько бы раз вы его ни смотрели, никогда не известно, чем дело кончится».

Библиографический список

Аркалов Д. П. Организационно-экономические аспекты подготовки спортсмена // Финансовая экономика. 2020. № 12. С. 208–213.

Брызгалов И. В., Сазонов И. Ю. Менеджмент организации физической культуры и спорта. Екатеринбург: УрФУ, 2016. 236 с.

Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ. М.: Юрайт, 2019. 462 с.

Вырупаев В. К., Антонов Д. П., Титова Н. А. и др. Актуальные вопросы формирования системы подготовки спортивного резерва в Российской Федерации // Наука и спорт: современные тенденции. 2018. Т. 20, № 3. С. 47–52.

Гарифуллин И. А., Хафизов А. И. Отбор детей в спортивные секции как условие достижения высших результатов в спорте // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов, посвящ. десятилетию победы Казани в заявоч. кампании на право проведения XXVII Всемир. лет. универсиады 2013 года и 5-летию проведения Универсиады-2013. В 3-х т. Т. 2 / Под общ. ред. Ф. Р. Зотовой. Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2018. С. 302–304.

Гетман Е. П. Комплексный характер спортивного продукта как основа организации логистики в индустрии спорта // Омские научные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. С. В. Белима. Омск: Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2017. С. 554–555.

Жохова Д. В., Набиева С. К. Политика и спорт на мировой арене // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 6–3. С. 204–211.

Жуков О. Ф., Черкесова Е. В. Региональная модель подготовки спортивного резерва на основе кластерного подхода // Роль экспериментальной и иннова-

ционной деятельности в развитии системы подготовки спортивного резерва: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Сибир. гос. ун-т физ. культуры и спорта, 2019. С. 133–138.

История и методология науки о физической культуре / Под ред. И. М. Туревского. Тула: Ин-т повышения квалификации и профессионал. переподгот. работников образования Тул. обл., 2016. 186 с.

Кориков А. М., Павлов С. Н. Теория систем и системный анализ. М.: ИНФРА-М, 2019. 288 с.

Леднев В. А. Индустрия спорта как арена конкурентной борьбы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 6. С. 1–8. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/176EVN613.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).

Литовченко В. А., Зубков Д. А., Фендель Т. В. Спортивный кластер как инновационная форма в развитии системы подготовки спортивного резерва // Теория и практика физической культуры. 2020. № 6. С. 98–100.

Назаров А. Е., Захарова С. А. Концепция подготовки спортивного резерва в Российской Федерации до 2025 года // Актуальные проблемы спортивной подготовки в хоккее: теория и практика: сб. тезисов по материалам выпускных работ слушателей, прошедших обучение по дополн. профессионал. программам повышения квалификации: «Современные технологии подготовки хоккеистов на этапах спортивного совершенствования и высшего спортивного мастерства»; «Современные технологии подготовки спортивного резерва в хоккее» / Под ред. Н. Ю. Мищенко. Челябинск: Урал. гос. ун-т физ. культуры, 2020. С. 168–172.

Организация физической культуры и спорта / Сост. А. И. Чикуров. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2013. 26 с.

Павленко Ю. А. Организационно-методологические основы научно-методического обеспечения подготовки спортсменов // Наука в олимпийском спорте. 2015. № 2. С. 10–18.

Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Основы системного анализа. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1997. 396 с.

Понкин И. В., Понкина А. И. Понятие и структура «спортивного продукта» в спортивном праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 129–137.

Понкин И. В., Редькина (Понкина) А. И., Соловьев А. А. и др. Государственное управление в сфере спорта. М.: Буки Веди, 2017. 485 с.

Попков В. И., Вдовкин И. И. Спорт высших достижений: проблемы, задачи, особенности и личность спортсмена // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2018. Т. 3, № 1. С. 117–121.

Родионов В. А., Родионова М. А., Апокин В. В. и др. Теоретические предпосылки создания спортивного кластера в Сургутском государственном университете // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2. С. 149–155.

Смирнова Л. С., Еремеева Л. А. К вопросу о правовом обеспечении механизма подготовки спортивного резерва в Российской Федерации // Среднее профессиональное и высшее образование в сфере физической культуры и спорта: современное состояние и перспективы развития: материалы Все-

рос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию ФГБОУ ВО «УралГУФК» / Под ред. М. В. Габова. Челябинск: Урал. Акад., 2020. С. 256–258.

Соломченко М. А. Экономика физической культуры и спорта. Орел: Межрегион. акад. безопасности и выживания, 2014. 125 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=33455> (дата обращения: 23.03.2021).

Шевченко О. А. Концепт спортивного продукта как результата трудовой деятельности профессионального спортсмена // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1. С. 139–147.

Vukov N. N., Bolozin A. A., Baranovsky S. B. et al. Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8, № 2. P. 574–575. DOI: 10.30472/ijaep.v8i2.574.

Jobber D. Principles and practice of marketing. 4th ed. London: McGraw-Hill, 2004. 942 p.

Litvin A. V., Arkalov D. P. SROI methodology as a vector of sports' development [Электронный ресурс] // Journal of E-Learning and Higher Education. 2021. Vol. 2021, art. ID 122637, 6 p. DOI: 10.5171/2021.122637. URL: <https://ibimapublishing.com/articles/JELHE/2021/122637/> (дата обращения: 05.04.2021).

Информация об авторах

Пьянкова Светлана Григорьевна – д-р экон. наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

ORCID: 0002-7072-9871

ResearcherID: H-5682-2018

Электронный адрес: silen_06@list.ru

Аркалов Дмитрий Павлович – аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, заместитель директора по экономике АУ Удмуртской Республики «Комплексная специализированная спортивная школа олимпийского резерва», 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Кооперативная, 9

ORCID: 0000-0002-2751-9836

ResearcherID: AAM-4965-2021

Электронный адрес: lao48@yandex.ru

Статья получена редакцией 21 апреля 2021 года

Принята к печати 11 мая 2021 года

UDC 338.4

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-159-174

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE FINAL PRODUCT FORMATION IN SPORTS

Svetlana G. Pyankova

Ural State University of Economics, 62 8th of March str.,
Yekaterinburg, 620144, Russia
ORCID: 0002-7072-9871
ResearcherID: H-5682-2018
E-mail: silen_06@list.ru

Dmitriy P. Arkalov

Ural State University of Economics, 62 8th of March str.,
Yekaterinburg, 620144, Russia
ORCID: 0000-0002-2751-9836
ResearcherID: AAM-4965-2021
E-mail: lao48@yandex.ru

For citation:

Pyankova, S. G. and Arkalov, D. P. (2021), "Methodological aspects of the final product formation in sports", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 159–174, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-159-174.

Abstract

Introduction: the article discusses the methodological aspects of the final product formation in the non-production sector of the economy – sports. **Objectives:** analysis and generalization of the researches the functioning of sports industry and the concept of the final product or sports product; identifying the problems existing in the area under consideration; proposing a synthesized model for an athlete's formation as the final product in the sports training system. **Methods:** system analysis method, modeling. **Results:** the approach to the final product's formation from the point of view of systems theory has been outlined; the concept of building a valuable final product in sports as in the non-production sector of the economy has been proposed. **Conclusions:** final product in sports is generally viewed as a sporting event or activity aimed at satisfying the audience who are the main consumers of the product. According to the concept formulated by the authors, a valuable final product in sports training system is primarily an athlete as a professional in his (her) field. Within the framework of the concept, a synthesized model that shows the similarity of the stages of sports training with the stages of the production process and the formation of competitiveness (bringing a product to the market) is presented.

Keywords: final product; sports economics; sports training; sports services; valuable final product in sports

References

Arkalov, D. P. (2020), "Industrial and economic aspects of training an athlete", *Financial Economy*, no. 12, pp. 208–213.

Bryzgalov, I. V. and Sazonov, I. Yu. (2016), *Menedzhment organizatsii fizicheskoi kul'tury i sporta* [Management of physical culture and sports organization], Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Volkova, V. N. and Denisov, A. A. (2019), *Teoriya sistem i sistemnyi analiz* [Systems theory and systems analysis], 2nd ed., Yurait, Moscow, Russia.

Vyrupaev, V. K., Antonov, D. P., Titova, N. A. et al. (2018), "Relevant issues of developing system of sport reserve training in Russian Federation", *Science and sport: Current trends*, vol. 20, no. 3, pp. 47–52.

Garifullin, I. A. and Khafizov, A. I. (2018), "Selection of children in sports sections as a condition for achieving the highest results in sports", in Zotova, F. R. (ed.), *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov, magistrantov i studentov, posvyashchennoi desyatiletuyu pobedy Kazani v zayavochnoi kampanii na pravo provedeniya XXVII Vsemirnoi letnei universiady 2013 goda i 5-letiyu provedeniya Universiady-2013* [Actual problems of the theory and practice of physical culture, sports and tourism: materials of the VI All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, undergraduates and students dedicated to the tenth anniversary of Kazan's victory in the bid campaign for the right to host the XXVII Summer Universiade and the 5th anniversary of the 2013 Summer Universiade], vol. 2, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, Kazan, Russia, pp. 302–304.

Getman, E. P. (2017), "The complex nature of the sports product as the basis for the organization of logistics in the sports industry", in Belim, S. V. (ed.), *Omskie nauchnye chteniya: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Omsk scientific readings: Materials of the All-Russian scientific and practical conference], Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, pp. 554–555.

Zhokhova, D. V. and Nabieva, S. K. (2015), "Politics and sports on the world stage", *Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya*, no. 6–3, pp. 204–211.

Zhukov, O. F. and Cherkesova, E. V. (2019), "Regional model of sports reserve training based on the cluster approach", *Rol' eksperimental'noi i innovatsionnoi deyatel'nosti v razvitiu sistema podgotovki sportivnogo rezerva: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The role of experimental and innovative activities in the development of the sports reserve training system: Materials of the All-Russian scientific and practical conference], Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russia, pp. 133–138.

Turevsky, I. M. (ed.) (2016), *Istoriya i metodologiya nauki o fizicheskoy kul'ture* [History and methodology of the science of physical culture], Institute of Advanced Training and Professional Retraining of Educational Workers of the Tula Region, Tula, Russia.

Korikov, A. M. and Pavlov, S. N. (2019), *Teoriya sistem i sistemnyj analiz* [Systems theory and systems analysis], INFRA-M, Moscow, Russia.

Lednev, V. A. (2013), "Sports industry as the sphere of the competitive fight", *Naukovedenie*, no. 6, pp. 1–8 [Online], available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/176EVN613.pdf> (Accessed April 5, 2021).

Litovchenko, V. A., Zubkov, D. A. and Fendel, T. V. (2020), "Sports cluster as an innovative form in development of sports reserve training system", *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, no. 6, pp. 98–100.

Nazarov, A. E. and Zakharova, S. A. (2020), "The concept of training the sports reserve in the Russian Federation until 2025", in Mishchenko, N. Yu. (ed.), *Aktual'nye problemy sportivnoi podgotovki v khokkee: teoriya i praktika: sbornik tezisev po materialam vypusknnykh rabot slushatelei, proshedshikh obuchenie po dopolnitel'nym professional'nym programmam povysheniya kvalifikatsii: «Sovremennye tekhnologii podgotovki khokkeistov na etapakh sportivnogo sovershenstvovaniya i vysshego sportivnogo masterstva»; «Sovremennye tekhnologii podgotovki sportivnogo rezerva v khokkee»* [Actual problems of sports training in hockey: Theory and practice: Collection of theses based on the materials of final works of students who have been trained in additional professional training programs: "Modern technologies of training hockey players at the stages of sports improvement and higher sports skill"; "Modern technologies of training sports reserves in hockey"], Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russia, pp. 168–172.

Chikurov, A. I. (ed.) (2013), *Organizatsiya fizicheskoi kul'tury i sporta* [Organization of physical culture and sports], Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Pavlenko, Yu. A. (2015), "Organizational and methodological bases of scientific-methodical provision of athletes' preparation", *Science in Olympic Sport*, no. 2, pp. 10–18.

Peregudov, F. I. and Tarasenko, F. P. (1997), *Osnovy sistemnoy analiza* [Fundamentals of systems analysis], 2nd ed., Scientific and technical literature Publishing House, Tomsk, Russia.

Ponkin, I. V. and Ponkina, A. I. (2016), "The concept and structure of a "sports product" in sports law", *RUDN Journal of Law*, no. 2, pp. 129–137.

Ponkin, I. V., Redkina (Ponkina), A. I., Soloviev, A. A. et al. (2017), *Gosudarstvennoe upravlenie v sfere sporta* [Public administration in the field of sports], Buki Vedi, Moscow, Russia.

Popkov, V. I. and Vdovkin, I. I. (2018), "The sport of high achievements: Problems, objectives, characteristics and personality of the athlete", *Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation*, vol. 3, no. 1, pp. 117–121.

Rodionov, V. A., Rodionova, M. A., Apokin, V. V. et al. (2012), "Theoretical preconditions of creation of sports cluster in Surgut State University", *Northern Region: Science, Education, Culture*, no. 1–2, pp. 149–155.

Smirnova, L. S. and Ereemeva, L. A. (2020), "On the issue of legal support for the mechanism of training the sports reserve in the Russian Federation", in Gabov, M. V. (ed.), *Srednee professional'noe i vysshee obrazovanie v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu FGBOU VO "Uralgufk"* [Secondary professional and higher education in the field of physical culture and sports: current state and prospects of development: Proceedings

of All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Urals State University of Physical Culture], Ural'skaya Akademiya, Chelyabinsk, Russia, pp. 256–258.

Solomchenko, M. A. (2014), *Ekonomika fizicheskoi kul'tury i sporta* [Economics of physical culture and sports], Inter-regional Academy of Security and Survival, Orel, Russia [Online], available at: <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=33455> (Accessed March 23, 2021).

Shevchenko, O. A. (2014), “The concept of sports product as a result of the professional athlete”, *Herald of Omsk University. Series “Law”*, no. 1, pp. 139–147.

Bykov, N. N., Bolozin, A. A., Baranovsky, S. B. et al. (2019), “Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia”, *International Journal of Applied Exercise Physiology*, vol. 8, no. 2, pp. 574–575, doi: 10.30472/ijaep.v8i2.574.

Jobber, D. (2004), *Principles and practice of marketing*, McGraw-Hill, London, UK.

Litvin, A. V. and Arkalov, D. P. (2021), “SROI methodology as a vector of sports' development”, *Journal of E-Learning and Higher Education*, vol. 2021, art. ID 122637, 6 p., doi: 10.5171/2021.122637 [Online], available at: <https://ibimapublishing.com/articles/JELHE/2021/122637/> (Accessed April 5, 2021).

Received April 21, 2021

Accepted May 11, 2021

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 334.021

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-175-190

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ, ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Д. В. НЕКРАСОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Д. Г. КРАСИЛЬНИКОВ

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Некрасова Д. В., Красильников Д. Г. Проблема измерения устойчивости, эффективности и результативности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 175–190. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-175-190.

АННОТАЦИЯ

Введение: представлена методика оценки социально ориентированных некоммерческих организаций. **Цель:** формирование методики оценки социально ориентированных некоммерческих организаций для включения в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных. **Методы:** анализ документов, включенное наблюдение. **Результаты:** сформирована авторская методика оценки социально ориентированных некоммерческих организаций для включения в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных, включающая в себя 15 критериев: срок работы организации; количество штатных сотрудников и устойчивость штата; объем получаемых субсидий, грантов, контрактов (в среднем за 3 года); объем благотворительных пожертвований от физических и юридических лиц на уставную деятельность организации (в среднем за 3 года); наличие у организации в собственности / аренде / безвозмездном пользовании офисного помещения и помещения для работы с целевой аудиторией; информационная открытость организации; отсутствие у организации регулярных задолженностей перед контрагентами, поставщиками услуг, Федеральной налоговой службой, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации, регулярная отчетность в Минюст России и Росстат;

объем привлеченных средств для осуществления уставной деятельности на протяжении не менее 3 лет; реализация проектов без привлеченного грантового финансирования; количество волонтеров, принимающих участие в мероприятиях организации (в среднем за 3 года); результаты деятельности организации в период пандемии 2020 года; попадание в топ конкурсов проектов и инициатив на федеральном уровне; эффективность освоения получаемой поддержки различного уровня и вида, в том числе финансовой, имущественной и пр.; позитивные изменения у целевой аудитории организации благодаря деятельности последней; учет мнения руководителя / представителя организации при формировании социальной политики в Российской Федерации, субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании. **Выводы:** разработанная авторами методика даст возможность органам государственной власти и местного самоуправления регулярно формировать корректные аналитические сведения для реализации механизмов поддержки и развития «третьего сектора», а также внедрять дополнительные меры поддержки для социально ориентированных некоммерческих организаций, вошедших в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации; СОНКО; методика оценки социально ориентированных некоммерческих организаций; пул социально ориентированных некоммерческих организаций

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «некоммерческая организация» для Российской Федерации является относительно новым. По мнению Е. Поздняковой, системное законодательство о некоммерческих организациях (далее – НКО) в нашей стране стало появляться лишь в 1990-х годах (Позднякова, 2015, с. 2). Очевидно, это связано с формированием новой системы государственного управления в стране. Д. Гудилин в своем исследовании обращает внимание, что к быстрому росту числа НКО привело реформирование советских нормативно-правовых актов, а 1995–2000 годы для России считаются этапом формирования законодательства о них (Гудилин, 2019, с. 120). На сегодняшний день НКО плотно вошли и закрепились в России как организации, которые могут демонстрировать практику реальных дел.

Социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО) (за исключением учреждений) традиционно считаются «третьим сектором» экономики и способны дополнять деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также являются связующим звеном между обществом и государством. Среди успешных практик СОНКО немало инициатив, которые способствовали внесению изменений в законодательство, внедрению новых форматов работы в социальной сфере и изменению подходов к решению ряда общественных проблем.

Однако вопрос о том, какая часть действующих СОНКО ведет устойчивую, эффективную и результативную деятельность остается открытым.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На сегодняшний день каждый грантодатель, осуществляющий поддержку СОНКО, применяет свою методику их оценки, с помощью которой возможно отследить результативность и эффективность каждого конкретного проекта.

Однако это не позволяет сформировать полную картину о результативности и эффективности деятельности той или иной организации в целом.

В научном сообществе также не сложилось единого подхода к измерению эффективности и результативность деятельности НКО (Прудникова и Орлова, 2018). В фокусе исследований – понятие и деятельность НКО (Позднякова, 2015; Гудилин, 2019; Кулькова, 2016; Choto et al., 2020; Lewis, 2010), природа гражданского общества через призму изучения НКО (Ильин, 2012; Нарыкова, 2014). Некоторые авторы рассматривают организации «третьего сектора» в качестве институтообразующих структур, ядра институтов гражданского общества (Сесявин, 2015; Михеев, 2015; Волкова, 2014; Якимова, 2013; Zainon et al., 2011; Schoenefeld, 2020; Salamon and Sokolowski, 2016).

Ряд исследователей сосредотачивают внимание на изучении специфики оценки результативности и эффективности СОНКО¹ (Тарханова, 2012; Борисова и Полищук, 2008; Кутьева и Макарова, 2014; Попова и др., 2014; Репникова и Джамалудинова, 2016; Iwu et al., 2015; Borshchuk and Vysochan, 2021), влиянии управления эффективностью на результаты деятельности НКО (De Waal et al., 2011; Derakhshan et al., 2016).

Немало работ посвящены изучению некоммерческих организаций в развитых (Bruzelius, 2020; Blomqvist and Winblad, 2019; Elfving and Howard, 2018) и развивающихся (Choto et al., 2020, Crockett et al., 2020) странах.

Тем не менее на сегодняшний день не существует единой методики оценки результатов деятельности СОНКО. Для разработки последней авторы использовали методы анализа документов органов государственной власти, уставных документов и официальных сайтов некоммерческих организаций, экспертных отчетов, а также метод включенного наблюдения за деятельностью Пермской региональной общественной организации по поддержке семьи, материнства, отцовства и детства «НАСМНОГО», Автономной некоммерческой организации «Центр поддержки и развития детских и молодежных инициатив “Формируем будущее”», комиссии по развитию институтов гражданского общества Общественной Палаты Пермского края².

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На территории Пермского края не существует специальных мер поддержки наиболее устойчивых, эффективных и результативных СОНКО, как и самой методики оценки для создания пула таких организаций. Отбор СОНКО в пул должен основываться на методике, которая, по нашему мнению, должна включать следующие критерии.

1. Срок работы организации. Об устойчивости, эффективности и результативности СОНКО можно судить, если она функционирует не менее трех лет, за это время можно проследить динамику деятельности организации.

¹ Терентьева И. В. Эффективность работы некоммерческих организаций: опыт и критерии оценки [Электронный ресурс] // Обществ. палата Респ. Татарстан. 2012. URL: https://opr.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_81197.doc (дата обращения: 10.03.2021).

² Д. В. Некрасова является волонтером Пермской региональной общественной организации по поддержке семьи, материнства, отцовства и детства «НАСМНОГО», Автономной некоммерческой организации «Центр поддержки и развития детских и молодежных инициатив “Формируем будущее”»; Д. Г. Красильников с 2014 года возглавляет Общественную палату Пермского края.

2. Количество штатных сотрудников и устойчивость штата. Если в организации на постоянной основе работают не менее трех сотрудников, можно рассматривать ее деятельность как устойчивую. СОНКО взаимодействует с целевой аудиторией вне зависимости от грантовой поддержки и не является организацией, работающей только в период реализации социальных проектов (исключение могут составить молодежные организации, поскольку зачастую в них ведется работа молодыми людьми на волонтерской основе). Кроме того, такое количество штатных работников составляет команду и может обеспечить разделение полномочий (например, руководитель, бухгалтер, координатор).

3. Объем получаемых субсидий и грантов, контрактов. Данный критерий позволит определить уровень компетенции команды и ее возможности организовать деятельность СОНКО, так как для получения гранта необходимо качественно оформить и продумать социальную идею, привлечь собственные средства, волонтеров, наладить работу с целевой аудиторией и др. Также стоит обратить внимание и на результативность реализации проекта, поддержанного грантодателем: выполнила ли организация все взятые на себя обязательства, есть ли перевыполнение плана, ведется ли работа в данном направлении после реализации проекта, какие качественные изменения по итогам реализации проекта произошли у благополучателей.

4. Объем благотворительных пожертвований от физических и юридических лиц на уставную деятельность организации, поскольку данный факт напрямую свидетельствует о доверии целевой аудитории и бизнеса.

Считаем, что обеспечительный минимум по третьему и четвертому критериям должен составлять от 3 до 6 млн руб. Такой диапазон позволяет при расчете основных потребностей организации обеспечить минимум для систематической деятельности: оплату труда работников, коммунальных платежей и др., а также служит подтверждением тому, что СОНКО получает субсидии различных уровней: местного, регионального и федерального.

5. Наличие у организации в собственности / аренде / безвозмездном пользовании офисного помещения и помещения для работы с целевой аудиторией, что свидетельствует о полноценной работе организации, удобстве для целевой аудитории, а также наличии возможностей для его содержания.

6. Информационная открытость организации. Наличие информационных ресурсов и публикаций в СМИ является одним из показателей устойчивости организации и ее взаимодействия с акторами внешней среды. У организации должен быть сайт / аккаунты в социальных сетях, где будут размещены учредительные документы, информация о руководителе, контакты и режим работы, публичный отчет о ее деятельности. Информация (включая новости) должна своевременно и регулярно (чаще одного раза в месяц) обновляться.

7. Отсутствие у организации регулярных задолженностей перед контрагентами, поставщиками услуг, Федеральной налоговой службой, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации. Также стоит учитывать и регулярную отчетность организации в Минюст России и Росстат. Учитывая специфику деятельности, у СОНКО может быть просроченная задолженность за месяц, однако

должна быть квитанция об исполнении задолженности и пояснительная записка.

8. Объем привлеченных средств для осуществления уставной деятельности на протяжении не менее трех лет. По объему привлекаемом организацией финансировании можно судить о регулярности ее деятельности. На наш взгляд, оптимальным является диапазон от 1 до 3 млн руб.

9. Реализация проектов без привлеченного грантового финансирования. Данный критерий может свидетельствовать о том, что СОНКО не является организацией, работающей от проекта к проекту, а регулярно осуществляет свою деятельность. В качестве оптимального стоит рассматривать наличие минимум 1–3 проектов.

10. Количество волонтеров, принимающих участие в мероприятиях организации. Волонтеры зачастую выбирают мероприятия серьезных организаций, в которых видят значимую социальную миссию. Учитывая личный опыт авторов, для качественной реализации сравнительно масштабных проектов необходимо 30–50 волонтеров.

11. Результаты деятельности организации в период пандемии 2020 года. Стоит учитывать, насколько был сокращен штат организации, какова была результативность деятельности для целевой аудитории и продолжила ли организация свое существование. Кроме того, необходимо проанализировать, запрашивала ли организация беспроцентный льготный кредит и получила ли она его, поскольку, как показало включенное наблюдение, кредиты предоставляли лишь тем НКО, в которых банк был полностью уверен. Обеспечительный минимум по этому критерию – сохранение не менее 50 % штатных работников.

12. Попадание в топ конкурсов проектов и инициатив на федеральном уровне. Считаем необходимым минимумом, чтобы хотя бы одна инициатива СОНКО вышла в финал федерального конкурса социальных инициатив / проектов, поскольку это означает, что предлагаемые организацией идеи актуальны, социально значимы и проработаны.

13. Эффективность освоения получаемой поддержки различного уровня и вида, в том числе финансовой, имущественной и пр. Данный критерий напрямую показывает, способна ли организация исполнять взятые на себя обязательства. Оптимальным будет, если организация выполнила целевые показатели всех договоров о предоставлении поддержки.

14. Позитивные изменения у целевой аудитории организации благодаря деятельности последней. Важно, произошли ли какие-то конкретные изменения в обществе благодаря реализуемым проектам. По этому критерию считаем, что обеспечительный минимум достигнут, если благодаря работе организации внесены изменения в нормативно-правовые акты, приняты новые, предложены новые варианты решения проблем целевой аудитории.

15. Учет мнения руководителя / представителя организации при формировании социальной политики в Российской Федерации, субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании. Речь идет о включении указанных лиц в коллегиальные совещательные органы при органах государственной власти и местного самоуправления. Обеспечительный

минимум – руководитель/представители СОНКО включены в общественные советы при органах местного самоуправления, поскольку это означает, что опыт работы организации с целевой аудиторией заметен, а экспертность команды признается на местном уровне.

Отметим, что к эффективным можно отнести критерии под номерами 11 и 13, поскольку они напрямую отражают количественные показатели деятельности СОНКО и соотношение плана и результата ее работы; к результативным – 3, 5, 9, 10, 12, 14 и 15, поскольку они затрагивают результаты деятельности организации; к устойчивым – 1, 2, 4, 6, 7 и 8, поскольку они свидетельствуют о системности работы СОНКО.

Результаты исследования представлены в табл. В каждом критерии разработанной авторами методики оценки СОНКО обозначен обеспечительный минимум (выделен курсивом), при достижении которого организация может быть включена в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных.

Таблица / Table

Критерии оценки эффективности и результативности деятельности СОНКО /
The criteria for assessing socially oriented non-profit organizations

№	Наименование критерия	Показатель
1	Срок работы организации	От 0 до 3 лет – 0 баллов <i>От 3 до 5 лет – 1 балл</i> Более 5 лет – 2 балла
2	Количество штатных сотрудников и устойчивость штата	От 0 до 2 сотрудников – 0 баллов <i>От 3 до 5 сотрудников – 1 балл</i> От 6 сотрудников до 10 сотрудников – 2 балла Более 11 сотрудников – 3 балла
3	Объем получаемых субсидий, грантов, контрактов (в среднем за 3 года)	Нет субсидий / грантов / контрактов – 0 баллов До 500 000 рублей в год – 1 балл От 500 000 до 1 000 000 рублей – 2 балла От 1 000 000 до 3 000 000 рублей – 3 балла <i>От 3 000 000 рублей до 6 000 000 рублей – 4 балла</i> От 6 000 000 рублей до 10 000 000 рублей – 5 баллов От 10 000 000 и более – 6 баллов
4	Объем благотворительных пожертвований от физических и юридических лиц на уставную деятельность организации (в среднем за 3 года)	Нет пожертвований – 0 баллов До 100 000 рублей – 1 балла От 100 000 до 500 000 рублей – 2 балла <i>От 500 000 рублей до 1 000 000 рублей – 3 балла</i> От 1 000 000 до 3 000 000 рублей – 4 балла От 3 000 000 рублей до 6 000 000 рублей – 5 баллов Более 6 000 000 рублей – 6 баллов
5	Наличие у организации в собственности / аренде / безвозмездном пользовании офисного помещения и помещения для работы с целевой аудиторией	Нет помещения – 0 баллов Есть помещение для работы сотрудников – 1 балл <i>Есть помещение для работы сотрудников и с целевой аудиторией – 3 балла</i>

№	Наименование критерия	Показатель
6	Информационная открытость организации	<p>У организации нет информационных ресурсов – 0 баллов</p> <p>У организации есть сайт / социальные сети, однако новости не обновляются (реже, чем один раз в месяц) – 0 баллов</p> <p>У организации есть сайт / социальные сети, новости обновляются (чаще, чем один раз в месяц) – 1 балл</p> <p>У организации есть сайт и социальные сети, новости обновляются чаще, чем один раз в месяц, размещены учредительные документы – 2 балла</p> <p>У организации есть сайт / социальные сети, новости обновляются (чаще, чем один раз в месяц), размещены учредительные документы, информация о руководителе, контакты и режим работы организации – 3 балла</p> <p>У организации есть сайт / социальные сети, новости обновляются (чаще, чем один раз в месяц), размещены учредительные документы, информация о руководителе, контакты и режим работы организации, публичный отчет – 4 балла</p>
7	Отсутствие у организации регулярных задолженностей перед контрагентами, поставщиками услуг, Федеральной налоговой службой, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации, регулярная отчетность в Минюст России и Росстат	<p>У организации есть просроченные задолженности перед контрагентами, поставщиками услуг, Федеральной налоговой службой, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации, ею не направляется отчетность в Минюст России и Росстат более чем 2 месяца – 0 баллов</p> <p>У организации есть просроченные задолженности перед контрагентами, поставщиками услуг, Федеральной налоговой службой, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации за 1 месяц, при этом есть квитанция об исполнении задолженности и пояснительная записка – 1 балл</p> <p>У организации нет просроченных задолженностей – 5 баллов</p>
8	Объем привлеченных средств для осуществления уставной деятельности на протяжении не менее 3 лет	<p>Нет привлеченных средств – 0 баллов</p> <p>До 500 000 рублей в год – 1 балл</p> <p>От 500 000 до 1 000 000 рублей – 2 балла</p> <p>От 1 000 000 до 3 000 000 рублей – 3 балла</p> <p>От 3 000 000 рублей до 6 000 000 рублей – 4 балла</p> <p>От 6 000 000 рублей до 10 000 000 рублей – 5 баллов</p> <p>От 10 000 000 и более – 6 баллов</p>
9	Реализация проектов без привлеченного грантового финансирования	<p>Нет проектов привлеченного грантового финансирования – 0 баллов</p> <p>От 1 до 3 проектов – 1 балл</p> <p>Более 3 проектов – 2 балла</p>

№	Наименование критерия	Показатель
10	Количество волонтеров, принимающих участие в мероприятиях организации (в среднем за 3 года)	Нет волонтеров – 0 баллов До 10 волонтеров – 1 балл От 10 до 30 волонтеров – 2 балла От 30 до 50 волонтеров – 3 балла От 50 до 100 волонтеров – 4 балла Более 100 волонтеров – 5 баллов
11	Результаты деятельности организации в период пандемии 2020 года	Организация сократила штат более чем на 75 % и приостановила деятельность в 2020 году – 0 баллов Организация сократила менее 50 % штата и адаптировала свою деятельность в период пандемии 2020 года – 1 балл Организация не сокращала штат и продолжила работу с целевой аудиторией – 2 балла
12	Попадание в топ конкурсов проектов и инициатив на федеральном уровне	Инициативы организации не входили в топ лучших и не признавались победителями на федеральных конкурсах – 0 баллов Инициатива организации вышла в финал федерального конкурса, являлась лауреатом конкурса – 1 балл Инициатива организации заняла 2–3 места федерального конкурса – 2 балла Инициатива организации победила в федеральном конкурсе – 3 балла
13	Эффективность освоения получаемой поддержки различного уровня и вида, в том числе финансовой, имущественной и пр.	Организация не получала поддержку различного уровня и вида – 0 баллов Организация не выполнила целевые показатели у всех / части договоров (за исключением возникновения обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор)) – 0 баллов Организация выполнила целевые показатели всех договоров о предоставлении поддержки – 1 балл Организация перевыполнила показатели всех / части договоров о предоставлении поддержки – 2 балла
14	Позитивные изменения у целевой аудитории организации благодаря деятельности последней	Инициативы организации не принесли позитивных изменений у целевой аудитории организации – 0 баллов У целевой аудитории организации произошли изменения в части достижения целевых показателей проекта – 1 балл Благодаря работе организации внесены изменения в нормативно-правовые акты, приняты новые, предложены новые варианты решения проблем целевой аудитории – 2 балла

№	Наименование критерия	Показатель
15	Учет мнения руководителя / представителя организации при формировании социальной политики в Российской Федерации, субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании	Мнение руководителя / представителя организации не учитывается – 0 баллов Руководитель / представитель организации включены в общественные советы при органах местного самоуправления – 1 балл Руководитель / представитель организации включены в общественные советы при органах государственной власти субъекта Российской Федерации / Общественные палаты региона / иные коллегиальные органы регионального уровня – 2 балла Руководитель / представитель организации включены в общественные советы при органах государственной власти Российской Федерации / Общественную палату Российской Федерации / иные коллегиальные органы федерального уровня – 3 балла

Источник: составлено авторами.

Для проведения оценки организации и включения в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных необходимо предоставлять пакет документов, заверенных руководителем: выписку из ЕГРЮЛ, выписку о количестве штатных сотрудников организации, справку об объеме субсидий, грантов, контрактов, выписку о праве собственности / договоры аренды / договоры безвозмездного пользования помещением, отчет о поступлении и расходовании благотворительных пожертвований, ссылки на информационные ресурсы организации, декларацию об отсутствии задолженностей, выписку об объеме привлеченных средств для осуществления уставной деятельности, декларацию о реализации проектов без привлечения грантового финансирования, справку о количестве волонтеров, информацию о работе в период действия ограничительных мер в 2020 году, скан-копии и выписки из протоколов о победе / 2–3 месте / признании лауреатом в федеральных конкурсах проектов и инициатив.

По нашему мнению, оценку организаций, заявившихся на получение поддержки, должны проводить не менее 3-х независимых экспертов из числа представителей органов государственной власти, местного самоуправления, общественников и экспертов научного сообщества.

Подходящим оператором для включения СОНКО в пул наиболее устойчивых, эффективных и результативных на территории региона следует признать фонд «Фонд грантов губернатора Пермского края», поскольку одним из предметов его деятельности является «организация (участие в организации) конкурсов по предоставлению поддержки СОНКО, предоставляемой как из средств региональных и местных бюджетов, так и внебюджетных источников, включая администрирование конкурсных процедур, мониторинг и оценку реализованных проектов, получивших поддержку»³.

³ Проект устава Фонда грантов губернатора Пермского края [Электронный ресурс] // Сайт Обществ. палаты Перм. края. 2020. 14 нояб. С. 5. URL: <https://oppk.permkrai.ru/novosti/?id=14024>

Поддержка устойчивых, результативных и эффективных СОНКО сможет помочь им не фокусироваться на постоянном поиске ресурсов для компенсации регулярных расходов на осуществление текущей деятельности, а сфокусироваться на помощи в решении проблем целевой аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность НКО направлена на достижение социально значимых целей. Как более гибкие по сравнению с государственными структурами, СОНКО акцентируют внимание на конкретной проблеме или проблемном поле, с которым работают. Наблюдая проблему изнутри, они способны стать весомым партнером органов государственной власти и местного самоуправления в улучшении жизни общества.

Основываясь на методе включенного наблюдения, авторы разработали методику, которая, во-первых, сможет стать действенным механизмом создания пула наиболее устойчивых, эффективных и результативных СОНКО в регионе и способствовать становлению и развитию ваучерной системы их поддержки. Организации, вошедшие в пул, смогут, например, получить квоту на профессиональную переподготовку сотрудников, установку CRM-системы и др.

Во-вторых, она даст возможность органам государственной власти и местного самоуправления регулярно формировать корректные аналитические сведения для реализации механизмов поддержки и развития «третьего сектора», внедрить дополнительные меры поддержки для организаций, вошедших в пул.

В-третьих, поможет выявить слабые стороны СОНКО и сформировать варианты образовательной поддержки представителей некоммерческого сектора.

В-четвертых, позволит на основе созданного пула проводить на территории региона и муниципалитетов конкурсы общественного признания и премировать СОНКО.

Наконец, привлечет внимание волонтеров и грантодателей к деятельности организаций.

Вышеперечисленное, в свою очередь, будет способствовать развитию СОНКО, поскольку для тех, кто вошел в пул, это дополнительная возможность роста и увеличения охвата целевой аудиторией, а для тех, кто не вошел – стимул к развитию.

Библиографический список

Борисова Е. И., Полищук Л. И. Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2008. 32 с.

Волкова А. Н. Роль некоммерческих организация в становлении гражданского общества в России // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в национальных исследовательских университетах: сб. тр. междунар. науч.-метод. конф. Т. 3. Науч. исслед. в спец. дисциплинах. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 53–55.

(дата обращения: 25.03.2021).

Гудилин Д. С. История и становление некоммерческих организаций в России // Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда: ООО «Маркер», 2019. С. 119–121.

Ильин В. А. На трудном пути к сильному гражданскому обществу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6. С. 9–29.

Кулькова В. Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2016. 82 с.

Кутьева Д. А., Макарова В. А. Показатели оценки эффективности деятельности некоммерческой организации [Электронный ресурс] // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. науч. журн. 2014. № 7–8. URL: [https://universum.com/pdf/economy/7-8\(8\)/Kuteva.pdf](https://universum.com/pdf/economy/7-8(8)/Kuteva.pdf) (дата обращения: 10.03.2021).

Михеев В. А. Институты гражданского общества в политике и государственном управлении // Власть. 2015. Т. 23, № 4. С. 53–57.

Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о правовом государстве) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 92–96.

Попова Ю. С., Пряхин Г. Н., Тараданов А. А. Сравнительная социально-экономическая эффективность региональных некоммерческих организаций Челябинской и Костанайской областей // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2014. Т. 43, № 5. С. 57–68.

Прудникова Л. В. Орлова А. М. Эффективность и результативность в методиках комплексной оценки эффективности деятельности организации // Материалы докл. 51-й междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов в 2-х т. Т. 1. Витебск: Витеб. гос. технол. ун-т, 2018. С. 222–224.

Репникова В. М., Джамалудинова М. Ю. Методика оценки эффективности функционирования некоммерческих организаций сферы услуг // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. С. 51–53.

Сесявин Е. А. Развитие механизмов государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб.: С.-петерб. гос. экон. ун-т, 2015. 17 с.

Тарханова Е. Г. Эффективность деятельности некоммерческих организаций: особенности и концепции оценки // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 2. С. 108–110.

Якимова Т. Б. Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 12. С. 112–119.

Blomqvist P. A., Winblad U. B. Why no nonprofits? State, market, and the strive for universalism in Swedish elder care // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Vol. 48, № 3. P. 513–531. DOI: 10.1177/0899764018819870.

Borshchuk I., Vysochan O. Statements of non-budgetary non-profit organizations // Business Navigator. 2021. Vol. 2, № 63. P. 120–124. DOI: 10.32847/business-navigator.63-21.

Bruzelius C. Non-for-profits and EU citizens' cross-border social rights in different welfare states // *Journal of Social Policy*. 2020. Vol. 49, № 3. P. 601–621. DOI: 10.1017/S0047279419000680.

Choto P., Iwu C. G., Tengeh R. K. Non-profit organisations and socio-economic development in South Africa: A literature analysis // *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020. Vol. 8, № 2. P. 689–600. DOI: 10.18510/hssr.2020.8267.

Crockett C. J., Zeigler L. N., Kynes J. M. et al. A prospective observational study of postoperative follow-ups and outcomes at a nonprofit, internationally supported pediatric surgery center in Guatemala // *Paediatric Anaesthesia*. 2020. Vol. 30, № 4. P. 469–479. DOI: 10.1111/pan.13830.

De Waal A., Goedegebuure R. V., Geradts P. The Impact of Performance Management on the results of a non-profit organization // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2011. Vol. 60, № 8. P. 778–796. DOI: 10.1108/17410401111182189.

Derakhshan M., Nasrollahi K., Toghyani M. Incentive theory of the third sector of economy (non-profit organization) // *Iranian Economic Review (IER)*. 2016. Vol. 20, № 3. P. 404–427.

Elfvig J., Howard P. Opportunity identification and identity creation in non-profit organizations // *Journal of Enterprising Communities*. 2018. Vol. 12, № 5. P. 566–581. DOI: 10.1108/JEC-07-2018-0044.

Iwu C. G., Kapondoro L., Twum-Darko M. et al. Determinants of sustainability and organisational effectiveness in non-profit organisations // *Sustainability*. 2015. Vol. 7, № 7. P. 9560–9573. DOI: 10.3390/su7079560.

Lewis D. Nongovernmental organizations, definition and history // *International Encyclopedia of Civil Society* / Ed. by H. K. Anheier, S. Toepler, R. A. List. Heidelberg; New York: Springer, 2010. P. 1056–1062. DOI: 10.1007/978-0-387-93996-4_3.

Salamon L. M., Sokolowski S. W. Beyond nonprofits: Re-conceptualizing the third sector // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2016. Vol. 27, № 4. DOI: 10.1007/s11266-016-9726-z.

Schoenefeld J. J. Interest groups, NGOs or civil society organisations? The framing of non-state actors in the EU // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2020. Vol. 32, № 3. DOI: 10.1007/s11266-020-00283-w.

Zainon S., Atan R., Wah Y. B. et al. Institutional donors' expectation of information from the non-profit organizations (NPOs) reporting: A pilot survey // *International NGO Journal*. 2011. Vol. 6, № 8. P. 170–180.

Информация об авторах

Некрасова Динара Витальевна – магистрант кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-0942-4155

ResearcherID: –

Электронный адрес: dinaranekrasova@mail.ru

Красильников Дмитрий Георгиевич – д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ректор ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3724-7317

ResearcherID: N-4257-2017

Электронный адрес: develop5@yandex.ru

Статья получена редакцией 2 апреля 2021 года

Принята к печати 18 мая 2021 года

UDC 334.021

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-175-190

THE PROBLEM OF MEASURING THE SUSTAINABILITY, EFFICIENCY AND EFFECTIVENESS OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Dinara V. Nekrasova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-0942-4155

ResearcherID: –

E-mail: dinaraneckrasova@mail.ru

Dmitry G. Krasilnikov

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3724-7317

ResearcherID: N-4257-2017

E-mail: develop5@yandex.ru

For citation:

Nekrasova, D. V. and Krasilnikov, D. G. (2021), “The problem of measuring the sustainability, efficiency and effectiveness of socially oriented non-profit organizations”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 175–190, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-175-190.

Abstract

Introduction: the article presents the methodology for assessing socially oriented non-profit organizations. **Objectives:** to develop the methodology for assessing socially oriented non-profit organizations to include them in the pool of the most sustainable, efficient and effective ones. **Methods:** document analysis, participant observation. **Results:** the author’s methodology has been worked out for assessing socially-oriented non-profit organizations to include them in the pool of most sustainable, efficient and effective ones. This methodology contains 15 criteria: the term

of the organization; number of staff members and staff sustainability; the amount of received subsidies, grants, contracts (on average over 3 years); the volume of charitable donations from individuals and legal entities for the statutory activities of the organization (on average for 3 years); the organization has office space and premises for working with the target audience; information transparency of the organization; the organization has no regular debts to counterparties, service providers, the Federal Tax Service, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the Pension Fund of the Russian Federation, provides regular reports to the Ministry of Justice of Russian Federation and Federal State Statistics Service; the amount of funds raised for the implementation of statutory activities for at least 3 years; implementation of projects without attracted grant funding; the number of volunteers taking part in the organization's events (on average over 3 years); the results of the organization's activities during the 2020 pandemic; getting into the top of competitions for projects and initiatives at the federal level; efficient use of funds of different levels and types, including financial, property, etc.; positive changes in the organization's target audience due to the work of the organization; taking into account the opinion of the head / representative of the organization in the social policy formation in the Russian Federation, region or a municipality. **Conclusions:** the methodology will enable the government to regularly obtain correct analytical information in order to work out relevant support mechanisms and strategies for developing the "third sector" of economy, as well as introduce additional support measures for socially oriented non-profit organizations that are included in the pool of the most sustainable, efficient and effective ones.

Keywords: socially oriented non-profit organizations; methodology for assessing socially oriented non-profit organizations; pool of socially oriented non-profit organizations

References

Borisova, E. I. and Polishchuk, L. I. (2008), *Analiz effektivnosti v nekommercheskom sektore: problemy i resheniya* [Performance analysis in the non-profit sector: Problems and solutions], HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Volkova, A. N. (2014), "The role of non-profit organizations in the formation of civil society in Russia", *Vysokie intellektual'nye tekhnologii i innovatsii v natsional'nykh issledovatel'skikh universitetakh: sbornik trudov konferentsii* [High intellectual technologies and innovations in national research universities: Proceedings of International scientific and methodological conference. Vol. 3. Scientific researches in special disciplines], Publishing House of Polytechnical University, St. Petersburg, Russia, pp. 53–55.

Gudilin, D. S. (2019), "History and formation of non-profit organizations in Russia", *Nauka segodnya: global'nye vyzovy i mekhanizmy razvitiya* [Science today: Global challenges and development mechanisms], Ltd "Marker", Vologda, Russia, pp. 119–121.

Ilyin, V. A. (2012), "On the difficult way to strong civil society", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 6, pp. 9–29.

Kul'kova, V. Yu. (2016), *Transformatsiya ustoichivosti sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Transformation of the sustainability of socially oriented non-profit organizations in the Russian Federation], Pechat'-Servis-XXI vek, Kazan, Russia.

Kuteva, D. A. and Makarova, V. A. (2014), "The evaluation of the effectiveness of non-profit organization" [Online], *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*, no. 7–8, available at: [https://7universum.com/pdf/economy/7-8\(8\)/Kuteva.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/7-8(8)/Kuteva.pdf) (Accessed March 10, 2021).

Mikheev, V. A. (2015), "Institutes of civil society in politics and administration", *Vlast'*, vol. 23, no. 4, pp. 53–57.

Narykova, S. P. (2014), "Rule-of-law state and civil society: Myths and problems (to a question about civil society)", *Economical and humanities researches of the regions*, no. 6, pp. 92–96.

Popova, Yu. S., Pryakhin, G. N. and Taradanov, A. A. (2014), "Comparative social and economic efficiency of regional non-profit organizations (NPO) of Chelyabinsk and Kostanayskaya areas", *Bulletin of Chelyabinsk state university. Economy*, vol. 43, no. 5, pp. 57–68.

Prudnikova, L. V. and Orlova, A. M. "Efficiency and effectiveness in the methodology for a comprehensive assessment of the organization's effectiveness", *Materialy dokladov 51-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov v 2-kh tomakh. Tom 1* [Reports of the 51th International Scientific and Technological conference of lecturers and students in 2 vol. Vol. 1], Vitebsk State Technological University, Vitebsk, Republic of Belarus, pp. 222–224.

Repnikova, V. M. and Dzhamaludinova, M. Yu. (2016), "Methodology of efficiency evaluation of nonprofit organizations of the service industry", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 11, pp. 51–53.

Sesyavin, E. A. (2015), "Development of mechanisms of state support for socially oriented non-profit organizations at the regional level", Abstract of Ph.D. dissertation, 08.00.05 – Economics and national economy management (regional economy), St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Tarkhanova, E. G. (2012), "Nonprofit organizations' effectiveness: Special features and assessment concepts", *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, no. 2, pp. 108–110.

Yakimova, T. B. (2013), "Non-profit organizations as the main institution of civil society in Russia", *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 12, pp. 112–119.

Blomqvist, P. A. and Winblad, U. B. (2019), "Why no nonprofits? State, market, and the strive for universalism in Swedish elder care", *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 48, no. 3, pp. 513–531, doi: 10.1177/0899764018819870.

Borshchuk, I. and Vysochan, O. (2021), "Statements of non-budgetary non-profit organizations", *Business Navigator*, vol. 2, no. 63, pp. 120–124, doi: 10.32847/business-navigator.63-21.

Bruzelius, C. (2020), "Non-for-profits and EU citizens' cross-border social rights in different welfare states", *Journal of Social Policy*, vol. 49, no. 3, pp. 601–621, doi: 10.1017/S0047279419000680.

Choto, P., Iwu, C. G. and Tengeh, R. K. (2020), "Non-profit organisations and socio-economic development in South Africa: A literature analysis", *Humani-*

ties and Social Sciences Reviews, vol. 8, no. 2, pp. 689–600, doi: 10.18510/hssr.2020.8267.

Crockett, C. J., Zeigler, L. N., Kynes, J. M. et al. (2020), “A prospective observational study of postoperative follow-ups and outcomes at a nonprofit, internationally supported pediatric surgery center in Guatemala”, *Paediatric Anaesthesia*, vol. 30, no. 4, pp. 469–479, doi: 10.1111/pan.13830.

De Waal, A., Goedegebuure, R. V. and Geradts, P. (2011), “The impact of performance management on the results of a non-profit organization”, *International Journal of Productivity and Performance Management*, vol. 60, no. 8, pp. 778–796, doi: 10.1108/17410401111182189.

Derakhshan, M., Nasrollahi, K. and Toghiani, M. (2016), “Incentive theory of the third sector of economy (non-profit organization)”, *Iranian Economic Review (IER)*, vol. 20, no. 3, pp. 404–427.

Elfving, J. and Howard, P. (2018), “Opportunity identification and identity creation in non-profit organizations”, *Journal of Enterprising Communities*, vol. 12, no. 5, pp. 566–581, doi: 10.1108/JEC-07-2018-0044.

Iwu, C. G., Kapondoro, L., Twum-Darko, M. et al. (2015), “Determinants of sustainability and organisational effectiveness in non-profit organizations”, *Sustainability*, vol. 7, no. 7, pp. 9560–9573, doi: 10.3390/su7079560.

Lewis, D. (2010), “Nongovernmental organizations, definition and history”, in Anheier, H. K., Toepler, S. and List, R. A. (eds.), *International encyclopedia of civil society*, Springer Heidelberg, Germany, NYC, NY, US, pp. 1056–1062, doi: 10.1007/978-0-387-93996-4_3.

Salamon L. M. and Sokolowski S. W. (2016), “Beyond nonprofits: Re-conceptualizing the third sector”, *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 27, no. 4, doi: 10.1007/s11266-016-9726-z.

Schoenefeld, J. J. (2020), “Interest groups, NGOs or civil society organisations? The framing of non-state actors in the EU”, *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 32, no. 3, doi: 10.1007/s11266-020-00283-w.

Zainon, S., Atan, R., Wah, Y. B. et al. (2011), “Institutional donors’ expectation of information from the non-profit organizations (NPOs) reporting: A pilot survey”, *International NGO Journal*, vol. 6, no. 8, pp. 170–180.

Received April 2, 2021

Accepted May 18, 2021

УДК 342.5

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-191-203

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДЕПУТАТОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Е. В. СЕМОЧКИНА

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Россия
Самарская Губернская Дума, г. Самара, Россия

Для цитирования:

Семочкина Е. В. Формирование системы совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов по рассмотрению обращений граждан // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2021. Т. 13, № 2. С. 191–203. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-191-203.

АННОТАЦИЯ

Введение: возрастание объема обращений граждан обуславливает необходимость совершенствования системы их обработки, а также создания системы взаимодействия исполнительных органов государственной власти и депутатов при их рассмотрении. **Цель:** создание системы совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов по рассмотрению обращений граждан на примере Самарской области. **Методы:** структурно-функциональный, формально-юридический анализ. **Результаты:** предложена система совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов «Гражданин-депутат» и спрогнозирована эффективность внедрения данной системы. **Выводы:** система совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов «Гражданин-депутат» направлена на поддержку коммуникаций между населением, исполнительными органами государственной власти и депутатами посредством работы с обращениями граждан. С этой целью создается единая информационная база по работе с обращениями граждан, в которой имеется информация о ранее проведенной работе с обращениями, обеспечивается доступ к ней всех участников информационного взаимодействия. Система «Гражданин-депутат» получила одобрение от представителей исполнительной и законодательной власти Самарской области. Ее дальнейшее внедрение позволит разработать механизм учета обращений граждан при личном приеме; сократить объем управленческой деятельности государственных и муниципальных служащих по обработке обращений граждан; повысить эффективность управленческих решений, направленных на решение проблем граждан, и активность населения в области законотворческой инициативы.

Ключевые слова: обращение; гражданин; исполнительный орган государственной власти; депутат; совместная работа

ВВЕДЕНИЕ

Конституционное право граждан обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления и тем самым участвовать в управлении государством является одним из неотъемлемых гражданских прав.

Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями в организации процессов взаимодействия населения с исполнительными и представительными органами государственной власти. Важно, чтобы вопросы граждан находили свое решение не только в индивидуальном ответе на обращение, но и в более широком плане – посредством разработки новых норм законодательства.

В настоящее время органы государственной власти с трудом справляются с объемом обращений граждан, который постоянно увеличивается. Так, например, в 2020 году в адрес Президента Российской Федерации поступило 1 017 425 обращений, что на 41,6 % больше по сравнению с 2019 годом и на 8,7 % по сравнению с 2018 годом¹; в Государственную Думу за IV квартал 2020 года – 85 257 обращений, что на 34 % больше, чем в предыдущем квартале².

Говоря о Самарской Губернской Думе³, отметим, что в 2019 году в законодательный (представительный) орган государственной власти Самарской области поступило 798 обращений граждан, из них 405 (50,7 %) перенаправлены по компетенции в профильные министерства, ведомства, органы местного самоуправления и иные структуры⁴; в 2020 году – 781 и 332 (42,5 %) соответственно⁵.

Возрастание объема обращений требует совершенствования их обработки, а также создания системы взаимодействия исполнительных органов государственной власти и депутатов при их рассмотрении. Эта система должна сочетать профессиональный подход к управлению и общественно значимую позицию субъектов коммуникативной деятельности.

Открытость деятельности государства – основа для создания информационного пространства между властью и обществом. На федеральном уровне требование информационной открытости государственных органов закреплено еще в федеральном законе 2009 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁶. Этот же нормативный правовой акт закрепил правила

¹ Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2020 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер [Электронный ресурс] // Управление Президента по работе с обращениями граждан и организаций. 2021. 29 янв. URL: <http://www.letters.kremlin.ru/digests/248> (дата обращения: 08.03.2021).

² Информационно-аналитический отчет по обращениям граждан за IV квартал 2020 года [Электронный ресурс] // Управление по работе с обращениями граждан Аппарата Государственной Думы. 2021. С. 1. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/yxAt1oC1Lk5UpJMjJZ7eTP3L4EU8y8jL.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

³ О Самарской Губернской Думе [Электронный ресурс]: Закон Самар. обл. от 10.05.2007 № 32-ГД. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945016041> (дата обращения: 22.03.2021).

⁴ Информация о работе с обращениями граждан, поступившими в Самарскую Губернскую Думу за 2019 год [Электронный ресурс] // Самарская Губернская Дума. 2020. 13 марта. URL: https://samgd.ru/public_reception/initiations/241601/ (дата обращения: 10.03.2021).

⁵ Информация о работе с обращениями граждан, поступившими в Самарскую Губернскую Думу за 2020 год [Электронный ресурс] // Самарская Губернская Дума. 2021. 16 февр. URL: https://samgd.ru/public_reception/initiations/260076/ (дата обращения: 10.03.2021).

⁶ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/194874/> (дата обращения: 10.03.2021).

ответов на запросы граждан о доступе к информации. Механизмы повышения доверия граждан к деятельности органов государственной власти включают мероприятия, поддерживающие открытость деятельности властных структур, каналы влияния граждан, организаций, делового сообщества на подготовку и принятие решений органов исполнительной власти, затрагивающих их права и законные интересы (Зырева, 2017; Гриб, 2016).

На региональном уровне также принимаются меры, направленные на достижение информационной открытости органов государственной власти. Так, постановлением Самарской Губернской Думы определен перечень информации о ее деятельности, размещаемой в сети Интернет⁷. Однако информационное пространство между властью и обществом подразумевает не только нисходящее направление информации (Колпаков, 2017), но и обратную связь, получение которой не регламентируется данным нормативным правовым актом. Именно обратная связь может создать единое информационное пространство и повысить эффективность работы органов власти.

Целью исследования является создание системы совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов по рассмотрению обращений граждан.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследователи рассматривают взаимодействие власти и общества в разных направлениях. Поднимаются вопросы места и роли общества, гражданских институтов в политической системе (Макаренко, 2013; Lasswell et al., 2014); публичной этики (Engster, 2020), внедрения информационных технологий в систему политических отношений (Устинович, 2013; Csordás, 2020), предоставления государственных услуг в электронном виде (Бестолкова, 2017), выстраивания политической коммуникации по линии «государство – общество» и правовой природы обращений граждан в органы власти (Володенков, 2017; Бондарева, 2018).

В рамках данного исследования сфера работы с обращениями граждан рассматривается как часть информационного пространства органов государственной власти и депутатов.

Исходя из результатов анализа российской и зарубежной литературы, можно выявить следующие основные направления исследований:

- рассмотрение информационного пространства как основы взаимодействия органов власти с населением (Иванова и др., 2019; Чирикова и Ледяев, 2015);
- информационное пространство как фактор участия граждан в деятельности органов власти (Кулик, 2013; Olubunmi and Folorunso, 2020);
- повышение правовой грамотности населения путем предоставления полной и точной информации о деятельности органов власти (Агабекова, 2017; Dneprovskaya et al., 2018; Sivarajah et al., 2015; Коновалова, 2017).

⁷ Об информации о деятельности Самарской Губернской Думы, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс]: Постановление Самар. Губерн. Думы от 26.01.2010 № 1375. URL: <https://asozd.samgd.ru/resolutions/3777/> (дата обращения: 22.03.2021).

Однако указанные направления исследований не затрагивают механизм совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов по рассмотрению обращений граждан и решению проблем заявителей. На наш взгляд, именно взаимодействие депутатского корпуса и исполнительных органов государственной власти может дать синергетический эффект при решении проблем граждан, поскольку первый обладает правом законодательной инициатива и правом на реализацию депутатских запросов, а вторые – полномочиями для решения вопросов на региональном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор статьи предложила систему совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов «Гражданин-депутат», которая начала внедряться в деятельность Самарской Губернской Думы в декабре 2018 года. Она включает в себя рассмотрение обращений депутатами разных уровней, формирование наиболее важных проблем региона для решения их на федеральном уровне. Система «Гражданин-депутат» позволяет уведомлять граждан о работе с их обращениями, наладить алгоритм поступления обращений граждан в исполнительные органы государственной власти и решения актуальных для региона проблем на федеральном уровне, способствует повышению открытости работы с обращениями граждан.

Рассчитаем затрачиваемое время на обработку обращений граждан до внедрения системы «Гражданин-депутат» и после ее внедрения.

До внедрения работа с обращением ведется по схеме, описанной в федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁸:

- 1) если обращение гражданина не требует перенаправления по компетенции, срок рассмотрения составляет 33 дня (3 дня на регистрацию обращения и 30 дней на рассмотрение с момента регистрации);
- 2) если обращение гражданина требует перенаправления по компетенции в другой орган исполнительной власти, то срок рассмотрения составляет 43 дня (3 дня на регистрацию и 7 дней на перенаправление, затем опять 3 дня на регистрацию и 30 дней на рассмотрение с момента регистрации);
- 3) если обращение перенаправляется по компетенции в другой орган исполнительной власти, а тот, в свою очередь, продляет срок его рассмотрения из-за необходимости запроса информации для подготовки информативного ответа по существу, срок рассмотрения может затянуться на 73 дня (3 дня на регистрацию и 7 дней на перенаправление, затем опять 3 дня на регистрацию, 30 дней на рассмотрение с момента регистрации и еще 30 дней к максимальному сроку).

При новой системе отсутствует необходимость перенаправления обращения в различные органы, что сводит работу с обращением к 30 дням.

⁸ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12146661/> (дата обращения: 10.03.2021).

Цель создания и развития системы состоит в поддержке коммуникаций между населением, исполнительными органами государственной власти и депутатами посредством работы с обращениями граждан.

Среди задач, которые ставят перед собой разработчики системы, следует выделить следующие:

- формирование среды доступа заинтересованных сторон к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и результатам независимой оценки качества их работы;

- организация единой рабочей группы по решению проблем граждан;

- создание единой информационной базы по работе с обращениями граждан, в которой имеется информация о ранее проведенной работе с обращениями;

- развитие механизмов активизации граждан в осуществлении законотворческой деятельности на территории Самарской области;

- создание условий для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и населения с целью повышения качества предоставляемых услуг;

- создание условий для выработки органами государственной власти и местного самоуправления механизмов повышения качества государственных и муниципальных функций и услуг;

- разработка механизмов повышения осведомленности депутата о проблеме гражданина перед личной встречей. Это позволит депутату изучить проблему и начать работать над ней, либо дать разъяснения гражданину по сути вопроса.

Заметим, что информация в виде обращений граждан поступает непрерывно к депутатам разных уровней власти. Структурировать информацию в единую систему можно в рамках их совместной работы с исполнительными органами государственной власти.

К этапам выстраивания совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов следует отнести:

- создание информационных ресурсов для организации системы совместной работы;

- обеспечение доступа к ним всех участников информационного взаимодействия;

- развитие инфраструктуры, поддерживающей информационное пространство обработки обращений.

Основной информацией, необходимой для организации обработки обращений, является постоянно обновляемая федеральная и областная нормативно-правовая база деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также информация о деятельности этих органов, в частности об их функциональных задачах, динамике обращений граждан в них, прошлых обращениях граждан и о результатах обработки обращений с полным отчетом о принятых решениях.

В рамках системы «Гражданин-депутат» задачи обеспечения доступа к информации реализуются следующим образом. Все материалы разделены на несколько крупных блоков.

Блоки «Внутригородской районный», «Городской», «Областной», «Федеральный» представлены как система, структурированная по тематике обращений граждан. Актуальные вопросы распределены по подразделам, имеется краткое описание, к какому уровню власти относится обращение.

Нормативно-правовой блок – описана методология и нормативно-правовая база, которая необходима при обработке обращений. Методическое обеспечение представляет собой комплекс документов, разработанных на основе соответствующих нормативно-правовых актов регионального и федерального уровней и содержащих методические рекомендации и системные требования по формированию обращений граждан; рекомендации по взаимодействию органов власти при работе с обращениями граждан; инструкции по организационному обеспечению работы; административные регламенты; описание правил работы с персональными данными.

Лицами, заинтересованными в получении такого рода информации, являются:

- депутаты;
- исполнительные органы государственной власти Самарской области;
- органы местного самоуправления Самарской области;
- руководители государственных учреждений по предоставлению услуг;
- общественные советы при исполнительных органах государственной власти,
- граждане и общественные организации.

Система «Гражданин-депутат» выполняет три базовые функции, которые удовлетворяют потребности всех лиц, участвующих в работе с обращениями граждан (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Функции системы «Гражданин-депутат» / Functions of the “Citizen-Deputy” system

Потребитель	Функции
Жители Самарской области	Обеспечение полноценной проработки проблемы
Исполнительные органы государственной власти и местного самоуправления	Создание инфраструктуры, поддерживающей информационное пространство
Депутаты	Создание информационных ресурсов для работы с обращениями граждан

Автором настоящей статьи разработан регламент деятельности заинтересованных лиц в системе «Гражданин-депутат», что должно способствовать достижению качественных результатов в работе с обращениями граждан.

Регламент включает следующие процессы:

1) получение обращений исполнителями 1-ой (осуществляют первичную оценку сообщений и инициатив граждан – внутригородские районные депутаты) и 2-ой (отвечают за обработку и систематизацию обращений, принятых от пользователей 1-ой линий – депутаты Думы городского округа Самара) линий от пользователей⁹;

⁹ Пользователь – физическое лицо, направляющего обращение, группа лиц, участвующих в информационном взаимодействии с исполнительными органами государственной вла-

2) обработка информации исполнителями 3-ей (формируют систему наиболее важных проблем в регионе) линии, поступающей от исполнителей 1-ой и 2-ой линий;

3) обсуждение и рассмотрение обращений исполнителями 1-ой, 2-ой и 3-ей линий с исполнителями 4-ой (разрабатывают решение региональных проблем на федеральном уровне) линии.

Обработка обращений осуществляется в соответствии с регламентом, требованиями, предусмотренными нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность исполнителей¹⁰, и не регулируется положениями федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Исполнители являются основными субъектами насыщения пространства обработки обращений информацией, необходимой:

- для принятия управленческих решений по обеспечению качества работы с обращениями граждан;
- для обеспечения населения возможностью дать обратную связь относительно удовлетворенности качеством ответов на обращения;
- для получения населением доступа к информации о деятельности по обеспечению работы с обращениями граждан.

Важнейшим условием функционирования системы «Гражданин-депутат» является ее техническая и административная поддержка, которая возлагается на аппарат Самарской Губернской Думы.

В целом созданная система должна стать результативной площадкой для:

- разработки механизмов учета обращений граждан при личном приеме;
- сокращения объемов управленческой деятельности государственных и муниципальных служащих по обработке обращений граждан;
- повышения эффективности управленческих решений, направленных на решение проблем граждан;
- повышения активности населения в области законотворческой инициативы.

Система не только поможет сократить сроки обработки обращений граждан, но и будет способствовать совместной работе исполнительных органов государственной власти и депутатов. Работа с обращением станет более автоматизированной, вследствие чего снизится количество затраченных человеко-часов на обработку обращений, что приведет к сокращению расходов из бюджета на содержание аппарата и повысит удовлетворенность граждан от обращения к государственным структурам и депутатскому корпусу.

Одним из преимуществ системы «Гражданин-депутат» является открытость информации о деятельности исполнительных органов государственной власти и депутатов. Информированность гражданина о ходе работы с его

сти, местного самоуправления Самарской области и подведомственными им организациями с использованием портала обращений граждан.

¹⁰ Исполнитель – исполнительные органы государственной власти, местного самоуправления Самарской области и подведомственные им организации, уполномоченные принимать в работу обращения граждан в рамках своей компетенции, проводить мероприятия по решению проблем и отчитываться за их решение, осуществлять контроль исполнительской дисциплины.

обращением решит проблему удаленности власти. Информационное пространство, содержащее объективную, независимую, не политизированную оценку деятельности исполнительных органов государственной власти и депутатов в значительной мере повысит уровень доверия населения и обеспечит конструктивное взаимодействие между обществом и государством, рост активности граждан в решении вопросов местного и регионального значения.

Система «Гражданин-депутат» имеет три уровня перспектив развития (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Перспективы развития системы «Гражданин-депутат» /
Development prospects of the “Citizen-Deputy” system**

Краткосрочные перспективы	Среднесрочные перспективы	Долгосрочные перспективы
Повышение осведомленности граждан о функционале и полномочиях органов государственной власти	Повышение компетентности граждан в вопросе полномочий органов государственной власти	Формирование системы разработки федеральных законопроектов исходя из необходимости решения проблем, поднятых в обращениях граждан
Налаживание системы совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов	Повышение доверия граждан к органам государственной власти и депутатам	Создание устойчивой системы взаимодействия исполнительных органов государственной власти и депутатов по работе с обращениями граждан
Снижение количества нерешенных проблем граждан на приеме у депутата	Уменьшение количества повторных обращений в органы государственной власти по одному и тому же вопросу	Снижение уровня издержек на организацию работы с обращениями граждан

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами была разработана система совместной работы исполнительных органов государственной власти и депутатов «Гражданин-депутат», которая базируется на принципах информационной открытости и общедоступности информации о работе с обращениями граждан. Но для того чтобы эта система полноценно работала, она должна быть подпитана большим объемом информационных ресурсов.

Система «Гражданин-депутат» получила одобрение от представителей исполнительной и законодательной власти Самарской области. На сегодняшний день проведены ряд встреч, на которых обсуждались наиболее важные проблемы региона и совместные усилия по их решению. Такая работа дала результаты: два пакета первичных документов для принятия федеральных законов были направлены в Государственную Думу; три проблемы были пред-

ставлены для изучения в Самарскую Губернскую Думу; шесть проблем были решены в ходе проведения встречи благодаря оперативной совместной работе исполнительных органов государственной власти и депутатов.

Есть веские основания полагать, что предложенная система «Гражданин-депутат» поможет повысить качество обработки обращений граждан, организовать слаженное взаимодействие исполнительных органов государственной власти, депутатов и граждан.

Библиографический список

Агабекова Л. Г. Законодательные органы как субъекты выстраивания правовой политики // Правовая культура. 2017. № 1. С. 96–100.

Бестолкова Г. В. Государственные электронные услуги: виды и особенности [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 23–44. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__65._dekabr_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/bestolkova.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

Бондарева А. В. Правовая природа обращения граждан в органы местного самоуправления // Новая парадигма социально-культурного знания: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. В 6-ти частях / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Ч. II. Белгород: ООО «Агентство перспектив. науч. исслед.», 2018. С. 32–35.

Володенков С. В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений «Государство-общество» [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 114–118. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__62._ijun_2017_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/volodenkov.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

Гриб В. В. Законодательные (представительные) органы государственной власти РФ как объект общественного контроля // Сравнительная политика. 2016. Т. 7, № 3. С. 33–44. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-33-44.

Зырева М. А. Открытость органов государственной власти как элемент демократического общества [Электронный ресурс] // ИнноЦентр: электрон. науч.-практ. журн. 2017. № 1. С. 53–57. URL: [http://innoj.tversu.ru/Vipusk1\(14\)2017/7%20-%20Зырева.pdf](http://innoj.tversu.ru/Vipusk1(14)2017/7%20-%20Зырева.pdf) (дата обращения: 19.03.2021).

Иванова Е. М., Марков Е. А., Соловьева С. А. О трансформации моделей взаимодействия власти, СМИ и общества в районных печатных изданиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 215–225. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.13.

Колтаков В. В. Роль интернета в формировании политической культуры // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 144–150.

Коновалова Л. Г. Правовое государство и парламентаризм: соотношение терминов через призму конституционно-правовой теории // Известия государственного Алтайского университета. 2017. № 3. С. 62–66. DOI: 10.14258/izvasu(2017)3-10.

Кулик А. Н. Governance 2.0: Эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного Интернета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 12–27.

Макаренко Б. И. Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. Т. 4, № 3. С. 74–97. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-3(13)-74-97.

Устинович Е. С. К вопросу о понятии современной политики государства в сфере информационных технологий // Сравнительная политика. 2013. Т. 4, № 2. С. 4–10.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малых городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. 2015. Т. 4, № 3. С. 6–32.

Csordas A. Diversifying effect of digital competence/ / AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics. 2020. Vol. 12, № 1. P. 3–13. DOI: 10.7160/aol.2020.120101.

Dneprovskaya N., Bayaskalanova T., Shevtsova I. et al. Digital transformation of communication between government authorities and citizens // International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. 2018. Vol. 50. P. 165–173. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.21.

Engster D. A public ethics of care for policy implementation // American Journal of Political Science. 2020. Vol. 64, № 3. P. 621–633. DOI: 10.1023/bjrw/bcs086.

Lasswell H. D., Kaplan A., Brunner R. D. Power and society: A framework for political inquiry. 1st ed. New York: Routledge, 2014. 333 p. DOI: 10.4324/9781315127156.

Olubunmi F., Folorunso M. Use of social media for political participation by youths // JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government. 2020. Vol. 12, № 1. P. 133–158. DOI: 10.29379/jedem.v12i1.585.

Sivarajah U., Irani Z., Weerakkody V. Evaluating the use and impact of Web 2.0 technologies in local government // Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32, № 4. P. 473–478. DOI: 10.1016/j.giq.2015.06.004.

Информация об авторе

Семочкина Екатерина Владиславовна – аспирант ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, помощник депутата Самарской Губернской Думы, 443006, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 187

ORCID: 0000-0003-4627-0607

ResearcherID: AAL-7172-2021

Электронный адрес: semochkina@internet.ru

Статья получена редакцией 10 апреля 2021 года

Принята к печати 16 мая 2021 года

UDC 342.5

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-191-203

FORMATTING THE SYSTEM FOR EXECUTIVE BODIES OF STATE AUTHORITY AND DEPUTIES JOINT WORK WITH CITIZENS' APPEALS

Ekaterina V. Semochkina

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russia,

Samara Provincial Duma, 187 Molodogvardeyskaya str.,
Samara, 443006, Russia

ORCID: 0000-0003-4627-0607

ResearcherID: AAL-7172-2021

E-mail: semochkina@internet.ru

For citation:

Semochkina, E. V. (2021), "Formatting the system for executive bodies of state authority and deputies joint work with citizens' appeals", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 191–203, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-191-203.

Abstract

Introduction: increasing the volume of citizens' appeals requires an improvement in the system of their processing as well as the creation of system for interaction between the executive bodies of state authority and deputies to work with citizens' appeals. **Objectives:** to create the system for executive bodies of state authority and deputies joint work with citizens' appeals using the example of the Samara region. **Methods:** structural and functional, formal and legal. **Results:** the system for executive bodies of state authority and deputies joint work with citizens' appeals "Citizen-Deputy" was proposed and the effectiveness of this system implementation was predicted. **Conclusions:** "Citizen-Deputy" system is aimed at supporting communications between the population, executive bodies of state authority and deputies to work with citizens' appeals. For this purpose, a unified information base for working with citizens' appeals is being created, which contains information about the previously carried out work with appeals, and provides access to it for all participants of information interaction. Representatives of the executive and legislative authorities of the Samara region gave approval to "Citizen-Deputy" system. Its further implementation will make it possible to develop a mechanism for recording citizens' appeals; to reduce the workload of civil servants and municipal employees on the consideration of citizens' appeals as well as to increase the efficiency of managerial decisions aimed at solving the problems of citizens, and the activity of the population in the field of legislative initiative.

Keywords: appeal; citizen; executive body of state authority; deputy; joint work

References

Agabekova, L. G. (2017), "Legislative bodies as legal policy building subjects", *The legal culture*, no. 1, pp. 96–100.

Bestolkova, G. V. (2017), "State electronic services: Types and features", *E-journal. Public Administration*, no. 65, pp. 23–44 [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__65._dekabr_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/bestolkova.pdf (Accessed March 25, 2021).

Bondareva, A. V. (2018), "The legal nature of citizens appeals to local self-government bodies", in Tkacheva, E. P. (ed.), *Novaya paradigma sotsial'no-kul'turnogo znaniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 6-ti chastyakh. Chast' II* [A new paradigm of socio-cultural knowledge: A collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference. In 6 parts. Part II], Ltd "Agency of advanced scientific research", Belgorod, Russia, pp. 32–35.

Volodenkov, S. V. (2017), "Political communication as a power distribution tool in the system of state-society relations", *E-journal. Public Administration*, vol. 62, pp. 114–118 [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__62._ijun_2017_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategicheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/volodenkov.pdf (Accessed March 25, 2021).

Grib, V. V. (2016), "Legislative (representative) state authorities of subjects of the Russian Federation as an object of public control", *Comparative Politics Russia*, vol. 7, no. 3, pp. 33–44, doi: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-33-44.

Zyreva, M. A. (2017), "The openness of public authorities as an element of a democratic society in the Tver region of the Russian Federation", *InnoCentre Electronic Journal*, no. 1, pp. 53–57 [Online], available at: [http://innoj.tversu.ru/Vipusk1\(14\)2017/7%20-%2033%20Zyreva.pdf](http://innoj.tversu.ru/Vipusk1(14)2017/7%20-%2033%20Zyreva.pdf) (Accessed March 19, 2021).

Ivanova, E. M., Markov, E. A. and Solov'eva, S. A. (2019), "On the transformation of the models of interaction between the authorities, mass media and society in regional print editions", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 12, no. 1, pp. 215–225, doi: 10.15838/esc.2019.1.61.13.

Kolpakov, V. V. (2017), "The role of internet in the shaping of the political culture", *Management Issues*, no. 2, pp. 144–150.

Konovalova, L. G. (2017), "The constitutional state and parliamentary system: The ratio of the terms in the light of the constitutional and legal theory", *Izvestiya of Altai State University*, no. 3, pp. 62–66, doi: 10.14258/izvasu(2017)3-10.

Kulik, A. N. (2013), "Governance 2.0: Evolution of the public management model in the era of interactive internet", *Political science*, no. 1, pp. 12–27.

Makarenko, B. I. (2013), "Civil society as a resource for development of Russia", *Comparative Politics Russia*, vol. 4, no. 3, pp. 74–97, doi: 10.18611/2221-3279-2013-4-3(13)-74-97.

Ustinovich, E. S. (2013), "On the concept of contemporary state policy in the sphere of it", *Comparative Politics Russia*, vol. 4, no. 2, pp. 4–10.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2015), "Power in small Russian towns: Models of interactions between the legislative and executive branches of local government", *Universe of Russia (Mir Rossii)*, vol. 24, no. 3, pp. 6–32.

Csordas, A. (2020), “Diversifying effect of digital competence”, *AGRIS on-line Papers in Economics and Informatics*, vol. 12, no. 1, pp. 3–13, doi: 10.7160/aol.2020.120101.

Dneprovskaya, N., Bayaskalanova, T., Shevtsova, I. et al. (2018), “Digital transformation of communication between government authorities and citizens”, *International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*, vol. 50, pp. 165–173, doi: 10.15405/epsbs.2018.12.21.

Engster, D. (2020), “A Public ethics of care for policy implementation”, *American Journal of Political Science*, vol. 64, no. 3, pp. 621–633, doi: 10.1023/bjrw/bcs086.

Lasswell, H. D., Kaplan, A. and Brunner, R. D. (2014), *Power and society: A framework for political inquiry*, 1st ed., Routledge, NYC, NY, US, doi: 10.4324/9781315127156.

Olubunmi, F. and Folorunso, M. (2020), “Use of social media for political participation by youths”, *JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government*, vol. 12, no. 1, pp. 133–158, doi: 10.29379/jedem.v12i1.585.

Sivarajah, U., Irani, Z. and Weerakkody, V. (2015), “Evaluating the use and impact of Web 2.0 technologies in local government”, *Government Information Quarterly*, vol. 32, no. 4, pp. 473–478, doi: 10.1016/j.giq.2015.06.004.

Received April 10, 2021

Accepted May 16, 2021

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК [314.3:004](470.53)

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-204-221

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ИНЕРЦИОННЫЙ ПРОГНОЗ VERSUS ПРОГНОЗ НА ОСНОВЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Н. Ю. ЗУБАРЕВ

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Д. Д. ФЕДУЛОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Зубарев Н. Ю., Федулова Д. Д. Прогнозирование демографических показателей в сфере рождаемости населения: инерционный прогноз versus прогноз на основе машинного обучения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 204–221. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-204-221.

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена сравнению методов прогнозирования демографических показателей в сфере рождаемости населения. **Цель:** определить точность методов прогнозирования демографических показателей в сфере рождаемости населения на основании сравнения прогнозных значений, полученных с помощью инерционного метода и метода машинного обучения (на данных Пермского края). **Методы:** статистический анализ, графический анализ, инерционный метод прогнозирования, метод машинного обучения на основе градиентного бустинга (Catboost) с использованием программной среды *Google Collab* и языка программирования *Python* версии 3.7. **Результаты:** получены прогнозные значения показателя «абсолютная численность родившихся». Средняя ошибка отклонения прогнозных значений от фактических для метода инерционного прогнозирования составила 11,9 %, а для метода машинного обучения – 19,85 %. Выявлены особенности формирования прогнозных значений для каждого метода и обоснованы высокие значения отклонений. **Выводы:** метод инерционного прогнозирования оказался более точным, чем метод

машинного обучения, при этом оба метода показали низкую точность. Это связано с ограничениями датасета, доступного и используемого для расчетов, а также с ухудшением демографической ситуации в сфере рождаемости в Пермском крае и резким изменением динамики прогнозируемого показателя.

Ключевые слова: рождаемость населения; машинное обучение; инерционный прогноз; прогнозирование

ВВЕДЕНИЕ

Воспроизводство населения представляет собой комплексный процесс, объединяющий две составляющие: процесс рождаемости и смертности населения. Проблема низкой рождаемости характерна для Российской Федерации на протяжении всей новейшей истории. Вкупе с высокой смертностью низкая рождаемость привела к интенсивной депопуляции и отрицательному естественному приросту (Курносова, 2019). Поэтому государственная демографическая политика в сфере рождаемости направлена на увеличение численности населения, прежде всего за счет увеличения количества родившихся.

Для изучения процесса рождаемости населения в демографии используют систему определенных показателей, базовым в которой является показатель «абсолютная численность родившихся». На его основании рассчитываются относительные и специализированные показатели. Они дают представление о росте численности населения и служат для оценки медицинского, социального и демографического благосостояния населения. Показатели рождаемости необходимы как для общего анализа процесса рождаемости, так и для различных демографических исследований, а также для работы органов власти в сфере здравоохранения и социальной политики.

Управление процессом рождаемости и на федеральном, и на региональном уровнях тесно сопряжено с необходимостью разработки прогнозов абсолютной численности родившихся как основного результирующего показателя проводимой демографической политики и эффективности мер воздействия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демографический прогноз в сфере рождаемости – это обоснованное научными методами предвидение будущей демографической ситуации, прежде всего абсолютной численности родившихся и ее структуры (Архангельский и Елизаров, 2016, с. 524; Андреев, 1999, с. 176). В основе прогноза, как правило, лежат перспективные расчеты, построенные на некоторых общих гипотезах относительно будущей динамики показателей рождаемости (Тарасова, 2015, с. 186).

В данной статье будут рассмотрены два метода прогнозирования показателей: метод инерционного прогнозирования и метод машинного обучения на основе градиентного бустинга. Методам факторного анализа и корреляционно-регрессионного моделирования будет посвящена отдельная статья.

Инерционному прогнозированию свойственно выполнение расчетов в нескольких вариантах. Иногда прогнозом называют только общую оценку будущей численности населения (Архангельский и Елизаров, 2016, с. 525). Основным методом расчета является метод передвижки возрастов, в западной литературе его чаще называют методом компонент (Cohort Component Method) (Сафиуллин и др., 2014; Юзаева, 2014; Smith et al., 2013; Riiman et al., 2019; Thatkar et al., 2018; Sitkovskiy, 2019). Часто исследователи, определив основную тенденцию на снижение или увеличение численности населения, экстраполируют ее в форме среднего темпа роста / снижения на будущие показатели (Шубат и Киселева, 2016, с. 330). Несмотря на кажущуюся простоту данного метода, иногда он дает достаточно точные прогнозы.

Росстат, как правило, рассчитывает три варианта прогноза на основе гипотез относительно будущих тенденций рождаемости (низкий, средний и высокий). Низкий вариант прогноза основан на экстраполяции существующих демографических тенденций, высокий вариант является нормативным и ориентирован на достижение целей, определенных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹. Средний вариант прогноза считается наиболее реалистичным, в нем учтены сложившиеся демографические тенденции и принимаемые меры демографической политики².

Точность прогноза зависит от точности исходной информации. К основным источникам помимо статистических данных относят данные переписей населения, результаты выборочных исследований. При этом важную роль играют текущие демографические тенденции, определяющие тренд и динамику изменения показателей рождаемости. Точность и достоверность прогноза чрезвычайно чувствительна к продолжительности периода, на который делается прогноз (краткосрочный – до 5 лет, среднесрочный – от 5 до 30 лет, долгосрочный – свыше 30 лет). Чем меньше период прогноза, тем точнее результат инерционного прогнозирования.

Ошибки в определении демографических тенденций могут дать существенное отклонение прогноза, снизив его ценность, и привести к значительным ошибкам в реализации социально-экономической политики государства и регионов. Одним из способов определения гипотез возможной динамики рождаемости, используемой Росстатом, является экстраполяция тренда, имевшего место в предшествующий период. Данный прием особенно чувствителен к длине динамического ряда, который должен быть не короче прогнозируемого периода. Использование этого способа определения гипотез возможной динамики показателей рождаемости целесообразно применять при незначительном отклонении прогнозируемых показателей от тренда. Прогноз перспективной динамики показателей рождаемости, основанный на экстраполя-

¹ *Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года* [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <https://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 10.04.2021).

² *Демографический ежегодник России. 2019* [Электронный ресурс]: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 252 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

ции их трендов, часто может подвергаться замедлению изменения величины показателя по мере приближения к пороговым значениям.

Второй метод, рассмотренный в статье – это метод машинного обучения на основе градиентного бустинга (Catboost), который позволяет создавать множество алгоритмов (деревьев решения), которые, в свою очередь, способны научиться принимать решения и строить прогнозы на основе данных (Brink et al., 2016; Ibrahim et al., 2020; Hancock and Khoshgoftaar, 2020). Машинное обучение – сравнительно новый метод, при этом для демографической науки он редко применялся ранее (Соловьев и Соловьев, 2018, с. 948). Между тем данный метод постепенно завоевывает популярность в других разделах экономической науки (Kauffman et al., 2017; Köhn and Lessmann, 2020; Zhang et al., 2020).

Идея бустинга состоит в комбинации функций с невысокой обобщающей способностью, которые строятся в ходе итеративного процесса, на каждом шаге которого новая модель обучается с использованием данных об ошибках предыдущих итераций. Итоговая результирующая функция представляет собой линейную комбинацию базовых, слабых моделей. В итоге данный метод создает решающую модель прогнозирования в виде ансамбля слабых моделей, обычно деревьев решений. Он строит модель последовательно, оптимизируя произвольную дифференцируемую функцию потерь.

В рамках данной статьи мы определим точность методов прогнозирования демографических показателей в сфере рождаемости населения на основании сравнения прогнозных значений, полученных с помощью описанных выше методов.

При этом важным остается вопрос выбора факторов, под влиянием которых формируются показатели рождаемости. Разнообразное сочетание факторов обуславливает уровень рождаемости населения (Малева и Синявская, 2006).

Н. Н. Подольная и коллеги разделяют факторы рождаемости на следующие группы (Подольная и др., 2015):

- природно-биологические факторы – экологическая обстановка, детородный возраст, наследственность и т.д.;
- социально-экономические факторы – уровень жизни населения, система здравоохранения, занятость населения, войны и т.д.;
- демографические факторы – половой, брачный, территориальный, возрастной и т.д. состав населения.

И. С. Лунева и соавторы рассматривают основные факторы, которые влияют на рождаемость в современном обществе (Лунева и др., 2019):

- изменение социальной роли женщины;
- тенденция к малодетным семьям;
- время выбора даты рождения;
- сложное экономическое положение страны;
- рост уровня безработицы.

Иные факторы выделяет С. В. Щепотьева (Щепотьева, 2010):

- материальное положение семьи;
- возраст;

- семейное положение;
- число детей в семье;
- уровень образованности;
- тип населенного пункта;
- религия;
- занятость женщин;
- отношение к семейному образу жизни.

В. А. Карпова разделяет факторы, влияющие на рождаемость, на медико-биологические и социально-психологические. Первые определяют физическое состояние организма человека и влияют на выполнение человеком репродуктивной функции. К медико-биологическим относятся такие факторы, как состояние репродуктивного здоровья населения и возраст матери. Социально-психологические факторы определяют моральную и психологическую готовность человека к реализации репродуктивной функции. Среди них выделяются следующие: внеэкономическая потребность в детях и родительский инстинкт. Медико-биологическая группа факторов является наиболее важной, поскольку от нее зависит репродуктивное здоровье, напрямую влияющее на возможность зачатия и рождения ребенка, безопасность течения беременности, а также здоровье ребенка и матери.

Факторы, которые позитивно влияют на уровень рождаемости, рассматривает В. И. Шарин (Шарин, 2019). Это:

- пропаганда семей и семейных ценностей;
- налоговые послабления и небольшие дотации для семей с детьми;
- снижение пенсионного возраста;
- материнский социальный пакет;
- усложнение процедуры разводов;
- скидки на железнодорожные перевозки;
- получение новой профессии в период ухода за ребенком;
- запрет абортот;
- снижение минимально допустимого возраста вступления в брак;
- коммерческое суррогатное материнство;
- вспомогательные репродуктивные технологии.

Согласно указу Президента Российской Федерации 2007 года «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»³, на уровень рождаемости влияют следующие факторы:

- низкий уровень доходов семей;
- отсутствие нормальных жилищных условий;
- рост числа неполных семей;
- ориентация на малодетность;
- тяжелый физический труд части работающих женщин;
- условия труда, которые не отвечают санитарно-гигиеническим нормам;
- низкий уровень репродуктивного здоровья;
- высокое число абортот.

³ Об утверждении Концепции демографической политики...

Подводя итог обзору различных перечней факторов, влияющих на рождаемость населения, обобщим в табл. 1 показатели, рассчитываемые органами статистики и органами власти на регулярной основе, выражающие отдельные факторы, для их дальнейшего использования в разработке прогноза.

Таблица 1 / Table 1

Статистические показатели, выражающие факторы влияния на рождаемость населения в субъекте Российской Федерации / Statistic indicators reflecting the factors influencing fertility in a Russian region

№	Показатель
1	Численность городского населения, чел.
2	Численность сельского населения, чел.
3	Число зарегистрированных браков, шт.
4	Число зарегистрированных разводов, шт.
5	Число прерываний беременности, шт.
6	Число мужчин в трудоспособном возрасте, чел.
7	Численность женщин в возрасте 15–19 лет, чел.
8	Численность женщин в возрасте 20–24 лет, чел.
9	Численность женщин в возрасте 25–29 лет, чел.
10	Численность женщин в возрасте 30–34 лет, чел.
11	Численность женщин в возрасте 35–39 лет, чел.
12	Численность женщин в возрасте 40–44 лет, чел.
13	Численность женщин в возрасте 45–49 лет, чел.
14	Численность женщин в возрасте 50–54 лет, чел.
15	Уровень безработицы в возрасте 15–72 лет, %.
16	Уровень занятости в возрасте 15–72 лет, %.
17	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
18	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.
19	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения субъекта Российской Федерации.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, для построения прогноза абсолютной численности родившихся, в случае с методом инерционного прогнозирования, мы будем использовать простейшую экстраполяцию предыдущей тенденции и динамики показателя, а в случае с методом машинного обучения используем показатели из табл. 1 для построения результирующей прогнозной модели. Построим прогнозы на данных Пермского края за период с 2009 по 2019 годы. Для сопоставления точности прогнозов используем период с 2018 по 2019 годы в качестве прогнозного.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прогноз с использованием метода инерционного прогнозирования

Для получения прогнозных значений были рассчитаны темпы роста/снижения целевого показателя – «абсолютная численность родившихся» и поделены на количество лет, за которые проводились расчеты. Как говорилось ранее, метод инерционного прогнозирования чувствителен к резкому преломлению существующих тенденции и сдвигам в динамике изменения показателей. С 2017 по 2019 годы произошло стремительное ухудшение ситуации с рождаемостью населения в Пермском крае и темпы снижения увеличились до двузначных значений. Средняя ошибка отклонения прогнозных значений от фактических – 11,9 %.

Таблица 2 / Table 2

Фактические и прогнозные значения, полученные методом инерционного прогнозирования / Actual and predicted values obtained through inertial method

Год	Абсолютная численность родившихся, чел		Темп роста/(снижения)
	(факт)	(прогноз)	
2009	36 043	-	Базовый год
2010	37 304	-	3,49 %
2011	37 015	-	(0,77 %)
2012	38 931	-	5,17 %
2013	38 637	-	(0,75 %)
2014	38 837	-	0,51 %
2015	38 761	-	(0,19 %)
2016	37 258	-	(3,87 %)
2017	31 915	-	(14,34 %)
2018	29 526	31535	Среднеарифметический темп роста / (снижения) (1,19 %)
2019	26 617	31159	

Источник: составлено авторами.

Прогноз с использованием метода машинного обучения

В отличие от инерционного метода прогнозирования, для формирования прогнозных значений целевого показателя модели машинного обучения необходимы данные показателей, влияющих на процесс рождаемости населения в Пермском крае. Поэтому метод является более трудозатратным и более требовательным к данным.

Таблица 3 / Table 3

Статистические данные Пермского края для построения модели машинного обучения /
Statistic data for the Perm Region used to build a machine learning model

Годы/показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Родившихся всего	36 043	37 304	37 015	38 931	38 637	38 837	38 761	37 258	31 915	29 526	26 617
Городское население	1 999 733	1 980 762	1 975 474	1 969 985	1 978 502	1 985 784	1 991 808	1 991 998	1 993 520	1 988 243	1 980 789
Сельское население	660 626	667 892	658 076	661 088	655 959	650 370	645 224	642 411	638 577	634 879	630 011
Число зарегистрированных браков	1 131	1 180	1 098	995	1 075	1 179	1 073	833	968	970	797
Число зарегистрированных разводов	878	922	775	824	966	996	753	801	870	941	861
Число прерываний беременности	32 341	28 197	26 282	23 818	22 602	20 501	17 889	16 338	15 424	15 286	14 356
Число мужчин в трудоспособном возрасте	844 592	831 260	817 521	806 782	799 573	790 644	780 374	766 994	756 495	745 779	735 502
Численность женщин в возрасте 15–19 лет	88 043	80 253	73 548	69 629	66 115	64 864	63 527	63 357	63 513	65 074	66 026
Численность женщин в возрасте 20–24 лет	116 934	113 812	109 057	102 021	94 290	86 018	78 992	72 909	68 968	65 214	62 314
Численность женщин в возрасте 25–29 лет	105 774	107 909	109 630	112 301	114 084	112 812	110 368	106 491	99 631	92 003	86 241
Численность женщин в возрасте 30–34 лет	106 303	105 014	103 031	101 702	101 471	102 846	104 884	106 765	109 396	110 907	111 852
Численность женщин в возрасте 35–39 лет	95 384	98 372	100 680	102 263	102 973	103 838	102 591	100 863	99 515	98 935	97 258
Численность женщин в возрасте 40–44 лет	88 235	86 310	86 480	87 991	90 914	93 174	96 213	98 447	99 884	100 501	101 300
Численность женщин в возрасте 45–49 лет	111 306	106 601	99 788	94 024	89 246	85 991	84 221	84 522	86 067	88 717	90 776

Годы/показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность женщин в возрасте 50–54 лет	116 293	114 563	114 445	113 911	111 510	107 916	103 515	97 186	91 557	86 874	83 498
Уровень безработицы в возрасте 15–72 лет (%)	9,9	8,3	7,5	6,3	6,5	5,8	6,3	5,8	6,1	5,4	5,1
Уровень занятости в возрасте 15–72 лет (%)	61,5	62,7	63,6	63,5	62,3	60,8	61,8	63	61,5	61,2	59,5
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб.)	15 228	17 438	18 773	21 821	24 716	27 102	28 528	30 651	32 952	35 802	39 210
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; руб.)	17 975	19 834	21 307	23 329	26 054	28 315	32 043	28 400	28 655	28 708	30 588
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения субъекта Российской Федерации)	14,6	13,8	14,4	12,2	11,4	12	12,6	15,3	15,1	14,9	13,9

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата и Пермьстата⁴.

⁴ *Офис*, сайт Территор. органа Федер. службы гос. статистики по Перм. краю (Пермьстат) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permstat.gks.ru> (дата обращения: 18.04.2021); *офис*, сайт Федер. службы гос. статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vyp/met-37.htm (дата обращения: 18.04.2021).

Прогнозные значения за 2018 и 2019 годы можно увидеть в табл. 4. Модель машинного обучения была настроена по умолчанию и дополнительно не модифицировалась. Лучшая итерация модели – 999, средняя ошибка отклонения прогнозных значений от фактических – 19,85 %.

Таблица 4 / Table 4

Фактические и прогнозные значения, полученные методом машинного обучения / Actual and predicted values obtained through machine learning method

Год	Абсолютная численность родившихся, чел.	
	(факт)	(прогноз)
2009	36 043	–
2010	37 304	–
2011	37 015	–
2012	38 931	–
2013	38 637	–
2014	38 837	–
2015	38 761	–
2016	37 258	–
2017	31 915	–
2018	29 526	33 188
2019	26 617	33 885

Источник: составлено авторами.

В процессе построения модели были рассчитаны значения важности показателей (feature importance), которые представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

**Значения важности показателей модели машинного обучения /
Relevance value indicators for machine learning model**

№	Показатель	Важность показателя для модели
1	Численность городского населения, чел.	5,25
2	Численность сельского населения, чел.	6,50
3	Число зарегистрированных браков, шт.	3,79
4	Число зарегистрированных разводов, шт.	2,19
5	Число прерываний беременности, шт.	7,08
6	Число мужчин в трудоспособном возрасте, чел.	5,49
7	Численность женщин в возрасте 15–19 лет, чел.	2,08
8	Численность женщин в возрасте 20–24 лет, чел.	5,66
9	Численность женщин в возрасте 25–29 лет, чел.	6,87
10	Численность женщин в возрасте 30–34 лет, чел.	6,46
11	Численность женщин в возрасте 35–39 лет, чел.	8,77
12	Численность женщин в возрасте 40–44 лет, чел.	6,99

№	Показатель	Важность показателя для модели
13	Численность женщин в возрасте 45–49 лет, чел.	3,64
14	Численность женщин в возрасте 50–54 лет, чел.	6,97
15	Уровень безработицы в возрасте 15–72 лет, %.	2,23
16	Уровень занятости в возрасте 15–72 лет, %.	5,06
17	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	5,38
18	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	3,23
19	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения субъекта.	6,16

Источник: рассчитано авторами.

Как видно из табл. 5, наиболее важными показателями для формирования прогнозного значения являются численность женщин в возрасте 35–39 лет, а также число прерываний беременности. В целом, все 19 показателей демонстрируют невысокие значения важности для модели.

Сравнение полученных прогнозных значений

Оба метода показали плохие результаты, о чем свидетельствуют высокие значения ошибки отклонения прогнозных значений от фактических (табл. 6). При этом более точные прогнозные значения были получены с помощью метода инерционного прогнозирования, даже несмотря на описанные выше сложности, связанные с резким ухудшением тенденции в сфере рождаемости и динамики изменения показателя абсолютной численности родившихся. Метод машинного обучения продемонстрировал крайне высокие значения отклонения прогнозных значений от фактических, что объясняется требовательностью данного метода к наличию большого объема данных за продолжительный промежуток времени. При этом с ростом периодов качество генерации прогнозных значений моделью будет возрастать.

Таблица 6 / Table 6

**Сравнительная таблица полученных прогнозных значений /
Comparison of the obtained predicted values**

Год	Абсолютная численность родившихся, чел.			Ошибка отклонения прогнозных значений от фактических, %	
	Факт	Инерционный прогноз	Прогноз на основе модели машинного обучения	Инерционный прогноз	Прогноз на основе модели машинного обучения
2018	29 526	31 535	33 188	6,80	12,40
2019	26 617	31 159	33 885	17,06	27,30

Источник: рассчитано авторами.

Наглядная разница между точностью прогнозных значений представлена на рисунке.

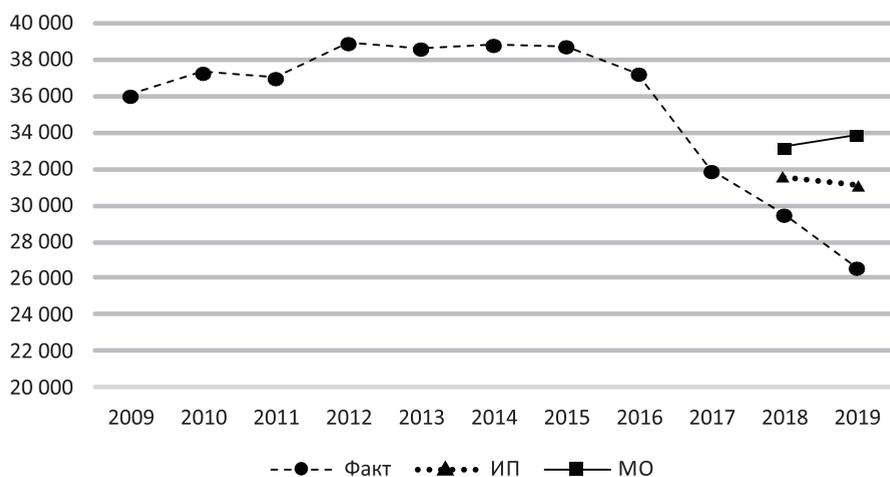

Рис. Фактические и прогнозные значения показателя «абсолютная численность родившихся», полученных с помощью двух методов на данных Пермского края за период с 2009 по 2019 годы / Fig. Actual and predicted values for “absolute number of births” obtained through two methods based on the data for 2009–2019

Источник: составлено авторами на основе собственных расчетов и данных Пермьстата⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по итогам сравнения прогнозных значений, полученных с помощью инерционного метода и метода машинного обучения (на данных Пермского края), можно сделать вывод, что оба метода показали достаточно низкую точность, поэтому нельзя однозначно рекомендовать ни один из них в качестве основного для целей прогнозирования демографических показателей в сфере рождаемости населения.

Метод инерционного прогнозирования является простым и не требовательным к объему данных, при этом он весьма чувствителен к резкому изменению прогнозируемых показателей. Поэтому его можно использовать для прогнозирования демографических показателей в сфере рождаемости на данных регионов, имеющих ярко выраженную демографическую тенденцию и демонстрирующих относительно стабильную динамику ее изменения.

Метод машинного обучения требователен к длине временных рядов и наличию статистических показателей, выражающих факторы влияния на процесс рождаемости. Поэтому его применение в ближайшие годы для указанных целей будет осложнено нехваткой данных и их незначительным временным периодом. Но, учитывая специфику метода, он позволяет потенциально полу-

⁵ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permstat.gks.ru> (дата обращения: 18.04.2021).

чать более точные данные по мере накопления статистики за продолжительный период времени.

В качестве альтернативных методов, позволяющих получать прогнозные значения демографических показателей в сфере рождаемости населения, в будущих публикациях рассмотрим факторный анализ и корреляционно-регрессионное моделирование.

Библиографический список

Андреев Е. М. Современный демографический кризис и прогнозы населения России // Мир России. 1999. Т. 8, № 4. С. 175–186.

Архангельский В. Н., Елизаров В. В. Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. № 1. С. 524–544.

Карпова В. А. Демографические факторы, влияющие на рождаемость // Сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием «Россия молодая» / Под ред. С. В. Костюк. Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2017. 4 с.

Курносова Е. А. Прогнозирование демографических показателей в РФ // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сб. науч. статей Межрегион. науч.-практ. конференции: в 2-х т. Т. 2 / Отв. ред. С. В. Мамонтова. Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2019. С. 237–242.

Лунева И. С., Иванова О. Ю., Хардинов А. В. и др. Факторы, влияющие на рождаемость в современной России // Российский вестник акушера-гинеколога. 2019. Т. 19, № 2. С. 14–20. DOI: 10.17116/rosakush20191902114.

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике [Электронный ресурс] // Spago. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. Электрон. журн. 2006. №. 5. С. 70–98. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (дата обращения: 20.04.2021).

Подольная Н. Н., Бикеева М. В., Катень А. В. Источники данных статистики рождаемости // Подольная Н. Н., Бикеева М. В., Катень А. В. Демография и статистика населения. Саранск: Морд. гос. ун-т, 2015. С. 21–23.

Сафиуллин Л. Р., Шакирова Л. Р., Габдрахманов Н. К. и др. Метод передвижки возрастов в прогнозировании численности населения (на примере Республики Татарстан) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 11. С. 135–140.

Соловьев А. И., Соловьев С. А. О подходах к анализу демографических данных с использованием машинного обучения // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. Т. 14, № 4. С. 947–959. DOI: 10.25559/SITITO.14.201804.947-959.

Тарасова О. В. К вопросу о применении математических методов изучения демографических процессов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 186–188.

Шарин В. И. Социально-экономические факторы роста рождаемости // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы XI Междунар.

науч.-практ. конф. / Под ред. Р. А. Долженко, М. Н. Шавровской. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2019. С. 68–71.

Шубат О. М., Киселева О. И. Методы прогнозирования численности населения: опыт критического анализа // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. И. Г. Кузина. Владивосток: Дальневосточ. федер. ун-т, 2016. С. 328–331.

Щепотьева С. В. Факторы дифференциации репродуктивных установок и рождаемости населения России // Научное обозрение. Серия 1: экономика и право. 2010. № 6. С. 56–60.

Юзаева Ю. Р. Прогноз численности населения Оренбургской области в разрезе городской и сельской местности методом «передвижки возрастов» // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 5. С. 155–160.

Brink H., Richards J., Fetherolf M. Real-world machine learning. Shelter Island: Manning Publications, 2016. 264 p.

Hancock J., Khoshgoftaar T. CatBoost for Big Data: An interdisciplinary review // Journal of Big Data. 2020. Vol. 7. № 94. DOI: 10.21203/rs.3.rs-54646/v1.

Ibrahim A. A., Ridwan R. L., Muhamme M. M. et al. Comparison of the CatBoost classifier with other machine learning methods // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2020. Vol. 11, № 11. P. 738–748.

Kauffman R. J., Kim K., Lee S-Y. T. et al. Combining machine-based and econometrics methods for policy analytics insights // Electronic Commerce Research and Applications. 2017. Vol. 25. P. 115–140. DOI: 10.1016/j.elerap.2017.04.004.

Köhn D., Lessmann S. Predicting online shopping behaviour from clickstream data using deep learning // Expert Systems with Applications. 2020. Vol. 150. № 113342. DOI: 10.1016/j.eswa.2020.113342.

Riiman V., Wilson A., Milewicz R. et al. Comparing artificial neural network and cohort-component models for population forecasts // Population Review. 2019. Vol. 58, № 2. P. 100–116. DOI: 10.1353/prv.2019.0008.

Sitkovskiy A. M. Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity) // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ч. 1 / Под ред. О. В. Архиповой, А. И. Климина. СПб.: ООО «Фора-принт», 2019. С. 260–269.

Smith S. K., Tayman J., Swanson D. A. Overview of the cohort-component method // Smith S. K., Tayman J., Swanson D. A. A practitioner's guide to state and local population projections. New York, London: Springer Dordrecht Heidelberg, 2013. P. 45–50.

Thatkar P., Pawar D. D., Ingale K. Y. Cohort-component method for projection of population of India // International Journal of Scientific Research. 2018. Vol. 7, № 6. P. 387–389.

Zhang H., Zeng R., Chen L. et al. Research on personal credit scoring model based on multi-source data // Journal of Physics: Conference Series. 2020. № 1437. DOI: 10.1088/1742-6596/1437/1/012053.

Информация об авторах

Зубарев Николай Юрьевич – канд. экон. наук, ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, ст. преподаватель кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-9021-4058

ResearcherID: D-6310-2017

Электронный адрес: nu_zubarev@mail.ru

Федулова Дарья Дмитриевна – бакалавр 4 курса кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0509-9241

ResearcherID: –

Электронный адрес: fedylovadaria@icloud.com

Статья получена редакцией 3 мая 2021 года

Принята к печати 31 мая 2021 года

UDC [314.3:004](470.53)

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-204-221

FORECASTING FERTILITY DEMOGRAPHIC INDICATORS: INERTIAL METHOD VERSUS MACHINE LEARNING METHOD

Nikolai Yu. Zubarev

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-9021-4058

ResearcherID: D-6310-2017

Электронный адрес: nu_zubarev@mail.ru

Daria D. Fedulova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-0509-9241

ResearcherID: –

Электронный адрес: fedylovadaria@icloud.com

For citation:

Zubarev, N. Yu. and Fedulova, D. D. (2021), "Forecasting fertility demographic indicators: Inertial method versus machine learning method", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 204–221, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-204-221.

Abstract

Introduction: the article is devoted to the comparison of methods for predicting demographic indicators of fertility rate. **Objectives:** to determine the accuracy of methods for forecasting demographic indicators of fertility rate through comparison of the predicted values obtained using the inertial method and the machine learning method (based on data for the Perm Region). **Methods:** statistical analysis, graphical analysis, inertial forecasting method, machine learning method based on gradient boosting (CatBoost) using the *Google Collab* software environment and the *Python* programming language version 3.7. **Results:** forecast values of the “absolute number of births” indicator were obtained, with the average deviation error for the inertial forecasting method of 11.9 %, and for the machine learning method – 19.85 %. The specificity of predicted values formation for each method has been revealed and high values of deviations substantiated. **Conclusions:** the inertial forecasting method turned out to be more accurate than the machine learning method, while both methods showed low accuracy. This is due to the limitations of the dataset available and used for calculations, as well as the deterioration of the demographic situation in terms of fertility in the Perm Region and a sharp change in dynamics of the predicted indicator.

Keywords: fertility; machine learning; inertial forecast; forecasting

References

- Andreev, E. M. (1999), “Modern demographic crisis and forecasts of the population of Russia”, *Universe of Russia*, vol. 8, no. 4, pp. 175–186.
- Arkhangel'ski, V. N. and Elizarov, V. V. (2016), “Demographic forecasts in modern Russia: Analysis of results and choice of hypotheses”, *Nauchnye trudy: The Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 524–544.
- Karpova, V. A. (2017), “Demographic factors affecting the birth rate”, in Kostyuk, S. V. (ed.), *Sbornik materialov IX vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem “Rossiya molodaya”* [Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region: Materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation], T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia, 4 p.
- Kurnosova, E. A. (2019), “Forecasting demographic indicators in the Russian Federation”, in Mamontova, S. V. (ed.), *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh* [Digital economy: Problems and development prospects: Proceedings of the Interregional scientific and practical conference: in 2 vol. Vol. 2], South-West State University, Kursk, Russia, pp. 237–242.
- Luneva, I. S., Ivanova, O. Yu., Khardikov, A. V. et al. (2019), “Factors influencing the birth rates in modern Russia”, *Russian bulletin of obstetrician-gynecologist*, vol. 19, no. 2, pp. 14–20, doi: 10.17116/rosakush20191902114.
- Maleva, T. M. and Sinyavskaya, O. V. (2006), “Social and economic factors of fertility in Russia: Empirical dimensions and challenges to social policy”, *Spero. Social*

Policy: Expertise, Recommendations, Overviews, no. 5, pp. 70–98 [Online], available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (Accessed April 20, 2021).

Podolnaya, N. N., Bikeeva, M. V. and Katyn, A. V. (2015), “Sources of fertility statistics”, in Podolnaya, N. N., Bikeeva, M. V. and Katyn, A. V., *Demografiya i statistika naseleniya* [Demography and population statistics], Mordovian State University, Saransk, Russia, pp. 21–23.

Safiullin, L. R., Shakirova, L. R., Gabdrakhmanov, N. K. et al. (2014), “The method of moving ages in predicting the population size (on the example of the Republic of Tatarstan)”, *Vestnik of Samara State University of Economics*, no. 11, pp. 135–140.

Solovev, A. I. and Solovev, S. A. (2018), “On approaches to the analysis of demographic data using machine learning”, *Modern Information Technologies and IT Education*, vol. 14, no. 4, pp. 947–959, doi: 10.25559/sitito.14.201804.947-959.

Tarasova, O. V. (2015), “On the question of the use of mathematical methods for studying demographic processes”, *Theory and practice of social development*, no. 24, pp. 186–188.

Sharin, V. I. (2019), “Social and economic factors of fertility growth”, in Dolzhenko, R. A. and Shavrovskaya, M. N. (eds.), *Dostoinyi trud – osnova stabil'nogo obshchestva: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Decent work is the basis of a stable society: Materials of the XI International scientific and practical conference], Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, pp. 68–71.

Shubat, O. M. and Kiseleva, O. I. (2016), “Methods of forecasting the population size: The experience of critical analysis”, in Kuzina, S. G. (ed.), *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region: Materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation], Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, pp. 328–331.

Shchepot'eva, S. V. (2010), “Factors of differentiation of reproductive attitudes and fertility of the population of Russia”, *Scientific review, Series 1: Economics and Law*, no. 6, pp. 56–60.

Yuzaeva, J. R. (2014), “The forecast of the population of the Orenburg region in the context of urban and rural areas by the method of “advancing ages”, *Economy, Statistics and Informatics. Bulletin of UMO*, no. 5, pp. 155–160.

Brink, H., Richards, J. and Fetherolf, M. (2017), *Real-world machine learning*, Manning Publications, Shelter Island, NY, US.

Hancock, J. and Khoshgoftaar, T. (2020), “CatBoost for Big Data: An interdisciplinary review”, *Journal of Big Data*, vol. 7, no. 94, doi: 10.21203/rs.3.rs-54646/v1.

Ibrahim, A. A., Ridwan, R. L., Muhamme, M. M. et al. (2020), “Comparison of the CatBoost classifier with other machine learning methods”, *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, vol. 11, no. 11, pp. 738–748.

Kauffman, R. J., Kim, K., Lee, S-Y. T. et al. (2017), “Combining machine-based and econometrics methods for policy analytics insights”, *Electronic Commerce Research and Applications*, vol. 25, pp. 115–140, doi: 10.1016/j.elerap.2017.04.004.

Köhn, D. and Lessmann, S. (2020), “Predicting online shopping behaviour from clickstream data using deep learning”, *Expert Systems with Applications*, vol. 150, no. 113342, doi: 10.1016/j.eswa.2020.113342.

Riiman, V., Wilson, A., Milewicz, R. et al. (2019), “Comparing artificial neural network and cohort-component models for population forecasts”, *Population Review*, vol. 58, no. 2, pp. 100–116, doi: 10.1353/prv.2019.0008.

Sitkovskiy, A. M. (2019), “Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity)”, in Arkhipova, O. V. and Klimin, A. I. (eds.), *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk: sbornik nauchnykh trudov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Chast' 1* [Topical issues of the humanities and social Sciences: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Part 1], Ltd “Fora-print”, St. Petersburg, Russia, pp. 260–269.

Smith, S. K., Tayman, J. and Swanson, D. A. (2013), “Overview of the cohort-component method”, in Smith, S. K., Tayman, J. and Swanson, D. A., *A practitioner's guide to state and local population projections*, Springer Dordrecht Heidelberg, NY, NYC, US, London, UK, pp. 45–50.

Thatkar, P., Pawar, D. D. and Ingale, K. Y. (2018), “Cohort-component method for projection of population of India”, *International Journal of Scientific Research*, vol. 7, no. 6, pp. 387–389.

Zhang, H., Zeng, R., Chen, L. et al. (2020), “Research on personal credit scoring model based on multi-source data”, *Journal of Physics: Conference Series*, no. 1437, doi: 10.1088/1742-6596/1437/1/012053.

Received May 3, 2021

Accepted May 31, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 338.27

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-222-235

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА В B2B-СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

А. О. ГОСТИЛОВИЧ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Гостилевич А. О. Моделирование потребительского выбора в B2B-секторе экономики совместного потребления // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 222–235. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-222-235.

АННОТАЦИЯ

Введение: развитие экономики совместного потребления (англ. “the sharing economy”) создает новые угрозы и возможности для бизнеса. Для производителей промышленного оборудования представляется целесообразным не только осуществлять прямые продажи собственной продукции, но и сдавать ее в аренду, что сопровождается переходом на модель «оборудование как услуга». Такого рода возможность возникает вследствие смены потребительских предпочтений клиентов производителей промышленного оборудования. **Цель:** разработка модели потребительского выбора в B2B-секторе экономики совместного потребления, которая позволила бы прогнозировать различные сценарии потребительского поведения для оптимального взаимодействия производителей промышленного оборудования с рынками сбыта продукции. **Методы:** математического моделирования (аналитическое (априорное) моделирование), общелогические методы, а также контент-анализ (с последующими систематизацией и обобщением полученных данных) релевантных зарубежных исследований, посвященных моделированию в экономике совместного потребления. **Результаты:** предложена модель потребительского выбора в B2B-секторе экономики совместного потребления, в которой отражены четыре варианта возможного поведения потребителей промышленного оборудования на рынке. Эти результаты могут быть положены в основу мультиагентного моделирования и количественной оценки абстрактных ситуаций на рынке производителей промышленного оборудования и их потребителей. **Выводы:** предложенная модель может быть полезна как бизнес-сообществу в части расширения представления о смене парадигмы потребления и создания производственных стратегий, так и научному сообществу с точки зрения проведения дальнейших исследований,

в частности, мультиагентного моделирования. Полученные результаты имеют особенное прикладное значение для государственных деятелей, заинтересованных в регулировании новых P2P-рынков, увеличении эффективности реализации государственных программ и осуществлении мер по поддержке промышленных предприятий.

Ключевые слова: экономика совместного потребления; B2B-сегмент; модель потребительского выбора; оборудование как услуга; B2B цифровые платформы

ВВЕДЕНИЕ

С ростом благосостояния в мире и развитием инноваций появились новые формы потребления. В настоящее время для промышленных предприятий становится приоритетным получение полезности от оборудования, а не владение им. Именно этот принцип заложен в основу экономики совместного потребления (далее – ЭСП), которая в существующем формате возникла в начале 2010-х годов (Павлюшина и др., 2019). Уже в 2019 году объем транзакций в ЭСП в России достиг 769,5 млрд руб., а годовой прирост составил 50 %¹. Однако ЭСП в России ждут дальнейшие изменения моделей потребления не только в сегменте “Business-to-consumer” (далее – B2C), но и “Business-to-business” (далее – B2B) (Лapidус, 2017). Из-за пандемии коронавируса COVID-19 в ближайшее время прогнозируется спад ЭСП в сегменте “Consumer-to-consumer” (далее – C2C) (Kauffman and Naldi, 2020), однако оценка влияния данного экзогенного фактора на сегмент B2B в ЭСП представляется затруднительной. Большая часть предприятий потеряла доходы, следовательно, совместное использование активов может стать новой возможностью для преодоления экономического кризиса за счет минимизации убытков. Принимая во внимание степень недоиспользованных активов и сопоставимо высокий уровень цифровизации бизнеса, мы считаем допустимым констатировать наличие потенциала для совместного использования активов в России (Gostilovich, 2019).

ЭСП открывает большие возможности для бизнеса, которые заключаются в правильном использовании B2B цифровых платформ ЭСП (Гостилович, 2019). С целью снижения издержек бизнесу целесообразно пользоваться услугами каршеринга, карпулинга (совместное использование грузового транспорта, совместные перевозки); размещать активы на платформах для бартера; применять сервисы для поиска исполнителей (снижение издержек на персонал); делиться своими производственными мощностями или брать их в аренду у акторов типа “peer-to-peer” (далее – P2P); совместно использовать данные с другими участниками рынка, в частности со своими подрядчиками; осуществлять совместную логистику и закупки (Гостилович и Иванов, 2019). В целях увеличения доходов бизнес может прибегать к использованию технологии краудсорсинга (совместное создание проектов с потребителями товаров и т.п.) (Лapidус и Полякова, 2018); краудфандинга (поиск финансирования и апробация рыночных гипотез); а также сдавать свои недоиспользуемые

¹ Экономика совместного потребления в России 2019 [Электронный ресурс] // РАЭК. 2019. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2019.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

площади по модели коворкингов и использовать сервисы для совместной работы (Гостилович и Иванов, 2019).

Другим аспектом влияния ЭСП на бизнес является сдвиг модели потребления товаров, что приводит к трансформации бизнес-моделей производителей промышленного оборудования в сторону модели «оборудование как услуга» (Nishino et al., 2017). У производителей возникает дилемма выбора между производственными стратегиями: либо производить для прямых продаж, либо производить оборудование для рынков P2P.

Целью настоящей статьи является предложение и описание модели потребительского выбора в ЭСП, которая может оказать помощь менеджменту производителей промышленного оборудования в углублении понимания рынков P2P, в том числе модификации стратегии поведения на них. Предложенная в данной статье модель может также лечь в основу мультиагентного моделирования, дальнейших исследований в области стратегий поведения промышленных предприятий в условиях ЭСП и способствовать созданию благоприятной регуляторной среды для развития ЭСП в сегменте B2B в Российской Федерации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зарубежные авторы в основном предлагают модели кооперации промышленных предприятий с B2B цифровыми платформами ЭСП (Abhishek et al., 2018; Choi et al., 2020; Grondys, 2019; Li et al., 2019; Nishino et al., 2017), модели ценообразования в ЭСП (Kung and Zhong, 2017; Weber, 2016), модели функционирования цифровых платформ ЭСП (Benjaafar and Hu, 2020; Parker and Van Alstyne, 2018), модели оптимизации деятельности цифровых платформ ЭСП (Bhargava et al., 2013; Choi and He, 2019) и модели поведения потребителей в ЭСП (Choi and He, 2019). В России, где ученые изучают предпосылки для создания моделей в ЭСП (Земскова, 2019; Попов и др., 2018), аналогичные исследования находятся на более ранней стадии своего развития. Сравнение различных подходов к моделированию экономических процессов ЭСП представлено таблице.

Таблица / Table

Обзор исследований в ЭСП с использованием экономических моделей / Overview of the sharing economy research using the economic models

№	Год, автор, название	Цель исследования	Результаты
1.	2016. Weber T. A. Product pricing in a peer-to-peer economy (Weber, 2016)	Проанализировать цены на товары и потребительский выбор в условиях ЭСП и без ЭСП	Сравнение оптимальных розничных цен и прибыли в условиях ЭСП и без ЭСП указывает на то, что рынки совместного потребления являются привлекательными для предприятий розничной торговли с дорогостоящей продукцией

№	Год, автор, название	Цель исследования	Результаты
2.	2017. Nishino N., Takenaka T., Takahashia H. Manufacturer's strategy in a sharing economy (Nishino et al., 2017)	На основе модели рынка товаров длительного пользования и шеринг-сервисов, в котором производители и потребители взаимодействуют друг с другом, спрогнозировать несколько случаев абстрактных ситуаций поведения производителей и потребителей на рынке для корректировки стратегий производителей	Рекомендации для стратегии поведения производителей в каждой из спрогнозированных ситуаций
3.	2018. Abhishek V., Guajardo J. A., Zhang Z. Business models in the sharing economy: manufacturing durable goods in the presence of peer-to-peer rental markets (Abhishek et al., 2018)	Проанализировать влияние шеринг-сервисов на использование оригинального оборудования	Шеринг-сервисы создают эффект выравнивания (готовность платить потребителям с высоким и низким уровнем потребления становится схожей), что приводит к покупкам со стороны потребителей с низким уровнем покупательной способности
4.	2018. Parker G., Alstyne M. Innovation, openness, and platform control (Parker and Alstyne, 2018)	Охарактеризовать оптимальные уровни открытости и модели управления интеллектуальной собственностью в экосистеме платформы	Разработаны оптимальные системы контрактов для инновационных экосистем и отраслевых регуляторов в целях повышения конкурентоспособности и социальной защиты
5.	2018. Попов Е. В., Герцегова К., Семячков К. А. Инновации в институциональном моделировании долевой экономики (Попов и др., 2018)	Разработать экономические принципы моделирования ЭСП	Определены принципы институционального моделирования долевой экономики с точки зрения ее эффективности, предложена типология институтов ЭСП на основе модели взаимодействия экономических агентов
6.	2019. Choi T., He Y. Peer-to-peer collaborative consumption for fashion products in the sharing economy: Platform operations (Choi and He, 2019)	Создать стилизованные модели и провести аналитическое исследование выгод ЭСП для продавцов и покупателей одежды	Аналитически доказано, что при сравнении операций с совместным потреблением и без него ЭСП всегда приносит пользу как модному бренду (т.е. фирме), так и потребителям, которые покупают продукт

№	Год, автор, название	Цель исследования	Результаты
7.	2019. Grondys K. Implementation of the sharing economy in the B2B sector (Grondys, 2019)	Выявить факторы, которые мотивируют предприятия к совместному использованию ресурсов с другими компаниями	Полученные результаты показали, что существует большой потенциал для совместного использования активов в сегменте B2B
8.	2019. Li Y., Bai X., Xue K. Business modes in the sharing economy: How does the OEM cooperate with third-party sharing platforms? (Li et al., 2019)	На основе воспринимаемых покупателями значений стоимости совместно используемых продуктов и расходов на содержание собственников продуктов, которые зависят от первоначальной себестоимости продукции, определить способы максимизации прибыли производителя при работе с платформами P2P и B2C	Производитель не должен сотрудничать с какой-либо платформой ЭСП, если коэффициент восприятия низок, а предельная стоимость высока. Если коэффициент восприятия высокий или предельные затраты низкие, производитель должен выбрать платформу B2C. Наконец, производитель должен выбрать работу с платформой P2P, если фактор восприятия значения находится в среднем диапазоне, а предельная стоимость высока
9.	2020. Benjaafar S., Hu M. Operations management in the age of the sharing economy: What is old and what is new? (Benjaafar and Hu, 2020)	Провести сравнительный анализ между классическими моделями управления операциями и моделями управления операциями, которые используются в ЭСП	На основе проведенного анализа выявлены четыре направления для дальнейших исследований в области ЭСП
10.	2020. Choi T.-M., Taleizadeh A. A., Yue X. Game theory applications in production research in the sharing and circular economy era (Choi et al., 2020)	Получить с помощью теории игр представление о стратегическом поведении лиц, принимающих решения	Рассмотрено влияние ЭСП на цепочки поставок промышленного производства

Источник: составлено автором.

Общим для всех исследователей является понятие готовности потребителя платить (англ. “willingness to pay”; WTF) в пользу «долговечности» товара (оборудования) (Abhishek et al., 2018). Принято считать, что в модели потребительского выбора у оборудования имеется «долговечность», которая обозначается символом d (от англ. “durability”). По истечении одного периода (t) d уменьшается на единицу. Если $d = 0$, то это говорит об окончании срока

службы оборудования. Потребитель (промышленное предприятие), если он этого хочет, может продолжать использовать оборудование в течение нескольких периодов до тех пор, пока $d > 0$. Таким образом, в зависимости от долговечности варьируется величина потребительской полезности.

Кроме того, цифровые платформы для совместного потребления обладают рядом устойчивых особенностей, которые учитываются большинством авторов при моделировании экономических процессов в ЭСП (Benjaafar and Hu, 2020, p. 94):

1. Наличие большого числа покупателей и продавцов. Платформа, выступая в качестве посредника, уменьшает рыночные трения, включая затраты на поиск, транзакционные издержки и моральный риск, а также позволяет участвовать множеству мелких игроков как со стороны купли, так и со стороны продажи.

2. Различия между сторонами предложения и спроса пренебрежимо малы. Наличие большого количества людей, выбирающих, быть ли им владельцами, означает меньшее число арендаторов, и наоборот.

3. Предложение стимулирует спрос и наоборот. Наличие большого количества владельцев увеличивает для арендатора вероятность успешного заключения договора о временном пользовании, в то время как увеличение количества арендаторов повышает вероятность успешной сдачи в аренду для владельцев.

4. Ресурсы не используются полностью, поэтому они могут удовлетворить потребности нескольких потребителей.

В сегменте C2C существует большое разнообразие бизнес-моделей ЭСП (Груздева и Гостилович, 2018), что не характерно для B2B-сегмента, где прослеживается ограниченный набор способов взаимодействия промышленного предприятия с B2B цифровыми платформами ЭСП (Li et al., 2019). Кроме того, существует ограничение на использование B2B цифровых платформ ЭСП бизнесом: предприятия используют платформы ЭСП в своей деятельности в зависимости от имеющихся активов и произведенных фиксированных затрат (Grondys, 2019).

Таким образом, в научном сообществе создана достаточная теоретическая база для предложения моделей в сфере ЭСП. Однако моделирование потребительского выбора в B2B-сегменте ЭСП обладает специфическими особенностями, что предоставляет возможности для уточнения существующих моделей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С опорой на исследования Томаса Вебера из Швейцарского федерального института технологий в Лозанне (Weber, 2016) и научные работы японских исследователей из Университета Токио, а также Национального института продвинутых промышленных наук и технологий (AIST) в Токио (Nishino et al., 2017) предлагается модифицированная модель потребительского выбора для B2B-сегмента ЭСП.

Предлагаемая модель потребительского выбора основывается на допущении, что через B2B цифровую платформу ЭСП промышленные предприятия, владеющие собственным оборудованием, могут сдавать его в аренду другим

промышленным предприятиям, вместо того чтобы продавать их. В целях упрощения модели считаем целесообразным уточнить, что оборудование, которым владеет промышленное предприятие, может быть сдано в P2P-аренду на B2B цифровой платформе ЭСП не более k раз в течение одного периода, а плата за совместное использование p_s является неизменной величиной. Промышленные предприятия, которые предоставляют свое оборудование в аренду, могут получить доход непосредственно через B2B цифровую платформу ЭСП, а, в свою очередь, B2B цифровая платформа ЭСП получает собственный доход r_{ss} (агентское вознаграждение).

Каждое промышленное предприятие (потребитель) выбирает одно действие из четырех вариантов – покупку дополнительного оборудования для сдачи в аренду, продолжение работы на существующем оборудовании, аренду оборудования через B2B цифровую платформу ЭСП или предоставление собственного оборудования в аренду. Полезность для потребителя i , полученная от использования оборудования, определяется по формуле

$$\alpha\beta^{\bar{t}-1}d_{j,t},$$

где α обозначает параметр, выражающий уровень готовности платить (WTP).

Кроме того, $\beta^{\bar{t}-1}$ представляет собой эффект дисконтирования, означающий, что удовлетворенность после \bar{t} периодов, прошедших с момента покупки, будет уменьшаться. Если потребитель имеет высокий уровень β , то это характеризует его как долгосрочного пользователя; низкий уровень β будет означать, что такой потребитель является краткосрочным пользователем. Тогда полезность для потребителя i в период t определяется следующим образом:

$$\pi_{i,t}^c = \begin{cases} \alpha d_{j,t} - p_{j,t} & (\text{покупка оборудования}), \\ \alpha\beta^{\bar{t}-1}d_{j,t} & (\text{продолжение использования}), \\ \alpha \hat{d}_t - p_s - r_{ss} & (\text{использование B2B цифровой платформы ЭСП}), \\ p_s \hat{Q}_{i,t} - r_{ss} & (\text{предоставление оборудования в аренду}). \end{cases}$$

Здесь $\hat{Q}_{i,t}$ обозначает количество оборудования, предоставленного потребителем i , которое отдано в совместное использование в период t , а \hat{d}_t означает долговечность оборудования, предоставленного B2B цифровой платформой ЭСП в период t . В случае «покупки оборудования» эффект дисконтирования отсутствует, поскольку $\beta^{\bar{t}-1}=1$. Потребители могут выбирать любой из этих четырех вариантов, чтобы максимизировать полезность. Кроме того, для каждого потребителя параметр необходимости продукта определяется как $\theta \in \{0, 1\}$. Это означает, что если $\theta = 0$, то потребитель не нуждается в продукте. Если $\theta = 1$, то потребителю нужен продукт. Следовательно, потребитель i , имеющий собственное оборудование, и для которого $\theta = 0$, будет предоставлять это оборудование в совместное использование с помощью B2B цифровой платформы ЭСП. Предполагается, что в каждый период для каждого потребителя параметр θ задается стохастически как $\theta = 1$ с вероятностью θ .

Рассмотренную модель потребительского выбора в B2B-сегменте ЭСП можно включить в мультиагентную модель с n периодами, m производителями промышленного оборудования одного вида и l потребителями, которые принимают решения о покупке оборудования этого вида. Предполагается, что потребители могут использовать B2B цифровую платформу ЭСП вместо того, чтобы приобрести оборудование, а долговечность оборудования в данной модели зависит от уровня расходов производителя на НИОКР. Производитель j производит оборудование одного вида с некоторой себестоимостью $c_{j,t}$ в некоторый период t . Производитель принимает решение об уровне затрат на НИОКР для обеспечения долговечности оборудования, которое может изменить величину его себестоимости. В этих условиях каждый производитель принимает решения, связанные с уровнем затрат на НИОКР и ценой, для каждого периода, чтобы максимизировать общую прибыль за все периоды. Прибыль производителя за период t можно выразить формулой

$$\pi_{j,t}^M = p_{j,t}Q_{j,t} - c_{j,t},$$

где $p_{j,t}$ и $Q_{j,t}$ соответственно обозначают цену на оборудование и количество, приобретенное потребителями в период t . Себестоимость производства $c_{j,t}$ определяется в зависимости от уровня расходов на НИОКР ($c_{low} < c_{mid} < c_{high}$). Система уравнений имеет варианты в зависимости от уровня расходов на НИОКР, который может быть низкий, средний и высокий. Предполагается, что решение, связанное с уровнем затрат на НИОКР, может повлиять на величину долговечности d :

$$d_{j,t+1} = \begin{cases} d_{j,t} - \tilde{d} & (\text{низкий уровень затрат на НИОКР}), \\ d_{j,t} & (\text{средний уровень затрат на НИОКР}), \\ d_{j,t} + \tilde{d} & (\text{высокий уровень затрат на НИОКР}). \end{cases}$$

В этом уравнении $d_{j,t}$ обозначает долговечность, заданную производителем j в период t , а \tilde{d} представляет собой единицу изменения долговечности. Приведенная выше система уравнений означает, что затраты на НИОКР в определенной степени необходимы для поддержания долговечности. Если сокращается срок службы, то стоимость НИОКР становится низкой. Если долговечность увеличивается, то стоимость НИОКР становится высокой.

Поскольку в рассматриваемой модели оборудование имеет долговечность, то оно может быть во владении в течение определенного количества периодов. На рисунке представлено изображение процесса принятия решения потребителем в течение нескольких последовательных периодов.

Долговечность изделия определяется решениями производителя относительно уровня затрат на НИОКР. Кроме того, на такие решения может влиять количество пользователей B2B цифровой платформы ЭСП. При увеличении количества пользователей платформы продажи оборудования будут снижаться. Тогда, если некоторые потребители не будут владеть своим оборудованием, B2B цифровая платформа ЭСП не может быть устойчивой. Сле-

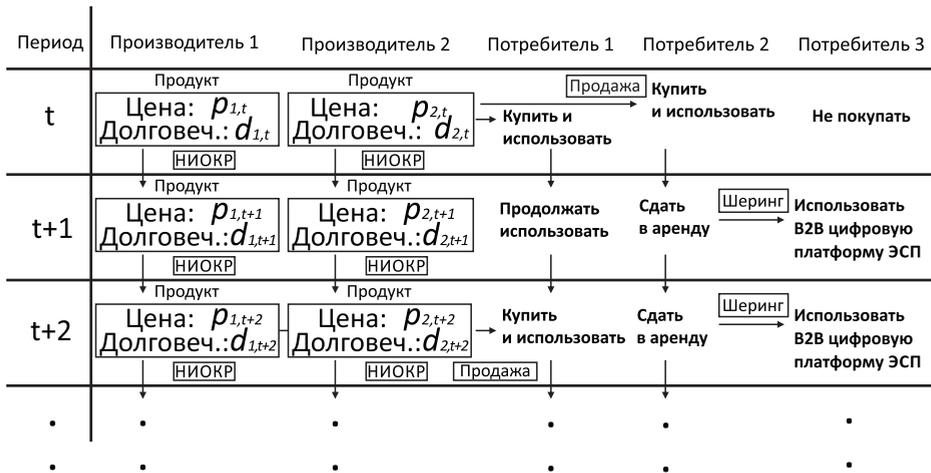

Рис. Процесс принятия решений в модели / Fig. Decision-making process in the model

Источник: составлено автором.

довательно, распространение использования В2В цифровой платформы ЭСП может привести к неожиданным результатам для производителей, что говорит об актуальности практического применения рассмотренной модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрена модель потребительского выбора в В2В-сегменте ЭСП, которая представляет собой прогнозирование полезности для потребителей оборудования в зависимости от четырех возможных вариантов поведения на рынке – покупки дополнительного оборудования для сдачи в аренду, продолжения работы на существующем оборудовании, аренды оборудования через В2В цифровую платформу ЭСП или предоставления собственного оборудования в аренду. Отличительной особенностью рассмотренной модели является зависимость между полезностью для потребителя и доходами В2В цифровой платформы ЭСП. В рамках данной статьи также рассматривается зависимость показателя «долговечности» от уровня расходов на НИОКР производителей оборудования.

Предложенная модель может быть полезна как бизнес-сообществу в части расширения представления о смене парадигмы потребления и создания производственных стратегий, так и научному сообществу с точки зрения проведения дальнейших исследований, в частности мультиагентного моделирования. Полученные результаты имеют особое прикладное значение для государственных деятелей, заинтересованных в регулировании новых Р2Р-рынков, увеличении эффективности государственных программ, направленных на развитие промышленности и построение цифровой экономики, а также мер поддержки промышленных предприятий.

Библиографический список

Гостилович А. О. Возможности экономики совместного потребления для B2B-сектора // Цифровая экономика: тренды и перспективы трансформации бизнеса: Материалы V Межфакульт. науч.-практ. конф. молодых ученых / Под ред. Л. В. Лapidус. М.: Экон. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 36–40.

Гостилович А. О., Иванов К. А. Повышение конкурентоспособности промышленных предприятий и экономика совместного потребления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3. С. 236–243.

Груздева Е. В., Гостилович А. О. Типология бизнес-моделей в экономике совместного потребления // Трансформация бизнес-моделей в условиях цифровой экономики: Сб. матер. науч.-практ. конф. / Под ред. Н. П. Иващенко. М.: Экон. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2018. С. 28–40.

Земскова Е. С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2019. № 3. С. 17–27. DOI: 10.17586/2310-1172-2019-12-3-17-27.

Лapidус Л. В. Big data, sharing economy, интернет вещей, роботизация: взгляд в будущее российского бизнеса // Перспективы развития электронного бизнеса и электронной коммерции: Матер. III Межфакульт. науч.-практ. конф. молодых ученых: доклады и выступления / Под ред. Л. В. Лapidус. М.: Экон. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 5–24.

Лapidус Л. В., Полякова Ю. М. Гигономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00074.

Павлюшина В., Кулаева Н., Музыченко Е. Экономика совместного потребления как новая экономическая модель [Электронный ресурс] // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2019. Вып. № 47. С. 5–7. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/23715.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

Попов Е. В., Герцегова К., Семячков К. А. Инновации в институциональном моделировании долевой экономики // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 2. С. 26–43. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.026-043.

Abhishek V., Guajardo J. A., Zhang Z. Business models in the sharing economy: Manufacturing durable goods in the presence of peer-to-peer rental markets [Электронный ресурс] // SSRN. 2018. May. 38 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=2891908> (дата обращения: 18.03.2021).

Benjaafar S., Hu M. Operations management in the age of the sharing economy: What is old and what is new? // Manufacturing & Service Operations Management. 2020. Vol. 22, № 1. P. 93–101. DOI: 10.1287/msom.2019.0803.

Bhargava H. K., Sun D., Kim B. C. Commercialization of platform technologies: Launch timing and versioning strategy // Production and Operation Management. 2013. Vol. 22, № 6. P. 1374–1388. DOI: 10.2139/ssrn.1692252.

Choi T.-M., He Y. Peer-to-peer collaborative consumption for fashion products in the sharing economy: Platform operations // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2019. Vol. 126. P. 49–65. DOI: 10.1016/j.tre.2019.03.016.

Choi T.-M., Taleizadeh A. A., Yue X. Game theory applications in production research in the sharing and circular economy era // *International Journal of Production Research*. 2020. Vol. 58, № 1. P. 118–127. DOI: 10.1080/00207543.2019.1681137.

Gostilovich A. Sharing assets potential in the digital transformation conditions: The example of Russia // *Advances in Economics and Business*. 2019. Vol. 7, № 4. P. 137–141. DOI: 10.13189/aeb.2019.070401.

Grondys K. Implementation of the sharing economy in the B2B sector // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, № 14. P. 1–16. DOI: 10.3390/su11143976.

Kauffman R. J., Naldi M. Research directions for sharing economy issues // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2020. Vol. 43, № 100973. DOI: 10.1016/j.elerap.2020.100973.

Kung L.-C., Zhong G.-Y. The optimal pricing strategy for two-sided platform delivery in the sharing economy // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2017. Vol. 101. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.tre.2017.02.003.

Li Y., Bai X., Xue K. Business modes in the sharing economy: How does the OEM cooperate with third-party sharing platforms? // *International Journal of Production Economics*. 2019. Vol. 221. P. 1–17. DOI: 10.1016/j.ijpe.2019.08.002.

Nishino N., Takenaka T., Takahashia H. Manufacturer's strategy in a sharing economy // *CIRP Annals – Manufacturing Technology*. 2017. Vol. 66, № 1. P. 409–412. DOI: 10.1016/j.cirp.2017.04.004.

Parker G., Van Alstyne M. Innovation, openness, and platform control // *Management Science*. 2018. Vol. 64, № 7. P. 3015–3032. DOI: 10.1287/mnsc.2017.2757.

Weber T. A. Product pricing in a peer-to-peer economy // *Journal of Management Information Systems*. 2016. Vol. 33, № 2. P. 573–596. DOI: 10.1080/07421222.2016.1205933.

Информация об авторе

Гостилович Александр Олегович – аспирант, ведущий специалист Лаборатории прикладного отраслевого анализа экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0003-4146-6934

ResearcherID: –

Электронный адрес: gostaleks@mail.ru

Статья получена редакцией 29 марта 2021 года

Принята к печати 20 апреля 2021 года

UDC: 338.27

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-222-235

MODELLING CONSUMER CHOICE IN THE B2B SHARING ECONOMY

Alexander O. Gostilovich

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory str.,
Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0003-4146-6934

ResearcherID: –

E-mail: gostaleks@mail.ru

For citation:

Gostilovich, A. O. (2021), “Modelling consumer choice in the B2B sharing economy”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 222–235, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-222-235.

Abstract

Introduction: the development of the sharing economy creates new threats and opportunities for business. It becomes expedient for industrial equipment manufacturers not only to sell their products directly, but also to lease them out, switching to the “equipment as a service” model. Opportunity of that kind arises because of changing consumer preferences of industrial equipment manufacturers’ customers. **Objectives:** to offer a model of consumer choice in the B2B sharing economy, which would allow predicting various scenarios of consumer behavior for optimal interaction of industrial equipment manufacturers with equipment sales markets. **Methods:** mathematical modeling (analytical modeling), general logical methods (analysis, synthesis, deduction, etc.), as well as content analysis (with subsequent systematization and generalization of the obtained data) of relevant foreign studies devoted to modeling in the sharing economy. **Results:** in this article, based on the study of scientific literature, a model of consumer choice in the sharing economy was proposed. The results of the article can form the basis for multi-agent modeling and quantitative assessment of abstract situations in the market of producers and consumers. **Conclusions:** the proposed model can be useful both for the business community in terms of expanding the idea of changing the consumption paradigm and creating production strategies, and for the scientific community in terms of conducting further research, in particular, multi-agent modeling. The results obtained are also of practical importance for government officials interested in regulating new P2P-markets, increasing the efficiency of the implementation of government programs and the implementation of measures to support industrial enterprises.

Keywords: the sharing economy; B2B segment; consumer choice model; equipment as a service; B2B digital platforms

References

Gostilovich, A. O. (2019), "The sharing economy: Opportunities for the b2b sector", in Lapidus, L. V. (ed.), *Tsifrovaya ekonomika: trendy i perspektivy transformatsii biznesa* [Digital economy: Trends and prospects of business transformation], Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 36–40.

Gostilovich, A. O. and Ivanov, K. A. (2019), "Improving the competitiveness of industrial enterprises and the sharing economy", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, vol. 9, no. 3, pp. 236–243.

Gruzdeva, E. V. and Gostilovich A. O. (2018), "Typology of business models in the economy of joint consumption", in Ivashchenko, N. P. (ed.), *Transformatsiya biznes-modelei v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki* [Transformation of business models in the digital economy], Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 28–40.

Zemskova, E. S. (2019), "Sharing as a reflection of consumer values in the digital economy", *Scientific journal NRU ITMO, Series "Economics and Environmental Management"*, vol. 3, pp. 17–27, doi: 10.17586/2310-1172-2019-12-3-17-27.

Lapidus, L. V. (2017), "Big data, sharing economy, internet of things, robotization: A look at the future of Russian business", in Lapidus, L. V. (ed.), *Perspektivy razvitiya elektronnoy biznesa i elektronnoy kommersii* [Prospects for the development of e-business and e-commerce], Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, pp. 5–24.

Lapidus, L. V. and Polyakova, Yu. M. (2018), "Hygonomics as a new socio-economic model: The development of freelancing and crowdsourcing", *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, vol. 6, pp. 73–89, doi: 10.24411/2073-6487-2018-00074.

Pavlyushina, V., Kulaeva, N. and Muzychenko, E. (2019), "Sharing economy as a new economic model" [Online], *Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh mirovoi ekonomiki*, no. 47, available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/23715.pdf> (Accessed March 10, 2021).

Popov, E. V., Hercegoва, K. and Semyachkov, K. A. (2018), "Innovations in the institutional modelling of the sharing economy", *Journal of Institutional Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 26–43, doi: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.026-043.

Abhishek, V., Guajardo, J. A. and Zhang, Z. (2018), "Business models in the sharing economy: Manufacturing durable goods in the presence of peer-to-peer rental markets" [Online], *SSRN*, May, 38 p., available at: <https://ssrn.com/abstract=2891908> (Accessed March 18, 2021).

Benjaafar, S. and Hu, M. (2020), "Operations management in the age of the sharing economy: What is old and what is new?", *Manufacturing & Service Operations Management*, vol. 22, no. 1, pp. 93–101, doi: 10.1287/msom.2019.0803.

Bhargava, H. K., Sun, D. and Kim, B. C. (2013), "Commercialization of platform technologies: Launch timing and versioning strategy", *Production and Operation Management*, vol. 22, no. 6, pp. 1374–1388, doi: 10.2139/ssrn.1692252.

Choi, T.-M. and He, Y. (2019), "Peer-to-peer collaborative consumption for fashion products in the sharing economy: Platform operations", *Transportation*

Research Part E: Logistics and Transportation Review, vol. 126, pp. 49–65, doi: 10.1016/j.tre.2019.03.016.

Choi, T.-M., Taleizadeh, A. A. and Yue, X. (2020), “Game theory applications in production research in the sharing and circular economy era”, *International Journal of Production Research*, vol. 58, no 1, pp. 118–127, doi: 10.1080/00207543.2019.1681137.

Gostilovich, A. (2020), “Sharing assets potential in the digital transformation conditions: The example of Russia”, *Advances in Economics and Business*, vol. 7, no. 4, pp. 137–141, doi: 10.13189/aeb.2019.070401.

Grondys, K. (2019), “Implementation of the sharing economy in the B2B sector”, *Sustainability*, vol. 11, no. 14, pp. 1–16, doi: 10.3390/su11143976.

Kauffman, R. J. and Naldi, M. (2020), “Research directions for sharing economy issues”, *Electronic Commerce Research and Applications*, vol. 43, no. 100973, doi: 10.1016/j.elerap.2020.100973.

Kung, L.-C. and Zhong, G.-Y. (2017), “The optimal pricing strategy for two-sided platform delivery in the sharing economy”, *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, vol. 101, pp. 1–12, doi: 10.1016/j.tre.2017.02.003.

Li, Y., Bai, X. and Xue, K. (2019), “Business modes in the sharing economy: How does the OEM cooperate with third-party sharing platforms?”, *International Journal of Production Economics*, vol. 221, pp. 1–17, doi: 10.1016/j.ijpe.2019.08.002.

Nishino, N., Takenaka, T. and Takahashia, H. (2017), “Manufacturer’s strategy in a sharing economy”, *CIRP Annals – Manufacturing Technology*, vol. 66, no. 1, pp. 409–412, doi: 10.1016/j.cirp.2017.04.004.

Parker, G. and Van Alstyne, M. (2018), “Innovation, openness, and platform control”, *Management Science*, vol. 64, no. 7, pp. 3015–3032, doi: 10.1287/mnsc.2017.2757.

Weber, T. A. (2016), “Product pricing in a peer-to-peer economy”, *Journal of Management Information Systems*, vol. 33, no. 2, pp. 573–596, doi: 10.1080/07421222.2016.1205933.

Received March 29, 2021

Accepted April 20, 2021

УДК 330:338.2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-236-259

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. А. КУРКОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Куркова М. А. Определение ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 236–259. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-236-259.

АННОТАЦИЯ

Введение: Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» обязывает регионы разрабатывать стратегии социально-экономического развития. Субъекты Федерации выполняют данное требование, однако не в каждом регионе стратегии становятся реальным управленческим инструментом. При их разработке необходимо провести анализ социально-экономического положения региона, который осложняется из-за противоречий интересов различных стейкхолдеров. **Цель:** анализ ключевых стейкхолдеров социально-экономических стратегий в регионах России и подбор подходящего инструментария для проведения данного анализа. **Методы:** стейкхолдер-анализ, контент-анализ с помощью программного обеспечения MAXQDA. **Результаты:** выделены ключевые стейкхолдеры региональных стратегий социально-экономического развития и предложено их трехмерное отображение на основе таких критериев, как их интерес, влияние и положение по отношению к региону (внешние или внутренние), на примере Ханты-Мансийского автономного округа, Тверской и Кемеровской областей проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития и определено, какие из ключевых стейкхолдеров были приняты во внимание при разработке стратегии, а какие не были. **Выводы:** ключевыми группами стейкхолдеров являются органы власти на всех уровнях, значимые национальные объекты в регионе, крупный и средний бизнес в регионе, иностранные компании, общественные организации, население региона и СМИ. С позиции основных стейкхолдеров не все региональные стратегии социально-экономического развития достаточно глубоко проработаны: цель, заявленная в стратегии ХМАО, не согласована с основными стейкхолдерами, в стратегии Тверской области интересы основных стейкхолдеров региона не были отражены ни в целях, ни в задачах, лишь в стратегии Кемеровской области были полностью учтены интересы всех основных стейкхолдеров региона.

Ключевые слова: стейкхолдер; стейкхолдер-анализ; стратегия социально-экономического развития; стратегическое планирование; субъект Российской Федерации; регион

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность работы на каждом уровне власти (федеральном, региональном и муниципальном) и координация их политики являются необходимым условием развития всего государства. Разработка стратегий социально-

экономического развития является сложной практической задачей, поскольку регион, с одной стороны, должен реализовывать стратегии более высокого уровня (федеральные), а с другой стороны, иметь влияние на стратегирование хозяйственных объектов более низкого уровня (Квинт, 2020; Царенко и Цуев, 2018).

В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ закреплены действия по координации государственного, регионального и муниципального стратегического планирования. В документе зафиксирован список взаимосвязанных документов стратегического планирования, которые разрабатываются на разных уровнях власти.

Согласно закону, все субъекты Российской Федерации должны разрабатывать стратегию социально-экономического развития, прогноз социально-экономического развития на долгосрочный период, бюджетный прогноз на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период, план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития, государственные программы, схему территориального планирования².

Первым шагом при разработке стратегии социально-экономического развития является комплексный анализ социально-экономического положения региона. В методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации данному шагу уделяется особое внимание и рекомендуется применять SWOT-анализ и PEST-анализ³. Если SWOT-анализ направлен на выявление факторов внутренней и внешней среды социально-экономического развития региона и разделении их на четыре категории: сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы, PEST-анализ – на выявление политических, экономических, социальных и технологических факторов (как внутренних, так и внешних).

Следует пояснить, что имеется в виду под внешними и внутренними факторами социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Все регионы значительно отличаются по площади, наличию ресурсов, состоянию экономики, демографической ситуации (Воронов, 2019а). Внешними факторами считаются те события и процессы, которые оказывают значительное влияние на регион, но не зависят от работы региональных органов государственной власти. Внутренними факторами являются «ресурсы, потенциал и конкурентные преимущества субъекта Российской Федерации, обеспечивающие его стратегическое развитие»⁴. Для анализа рекомендуется определить конкурентные преимущества региона по основным видам продукции и услуг.

¹ *О стратегическом планировании в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420204138> (дата обращения: 25.03.2021).

² Там же. Ч. 4 ст. 11.

³ *Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации* [Электронный ресурс]: Приказ М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054578> (дата обращения: 26.03.2021).

⁴ Там же. П. 2.

На сегодняшний день нет четких разъяснений, как связать результаты SWOT-анализа и PEST-анализа с определением целей социально-экономического развития региона (Шпакова, 2019). Поэтому разработчики стратегий в большинстве случаев относятся к результатам этих анализов формально.

Существует множество проблем, которые препятствуют разработке качественных региональных стратегий социально-экономического развития. Например, ограниченность бюджета, большой массив данных, необходимость учета специфических особенностей региона и некоторые другие (Гаськова, 2017). Кроме того, региональные управленческие структуры нацелены в основном на решение оперативных, а не стратегических задач (Владиславлева и Керов, 2020b), особенно очевидным это стало в условиях пандемии.

В нашем исследовании мы сконцентрируемся на проблеме социально-экономического развития региона с учетом его особенностей, в том числе интересов ключевых стейкхолдеров, которые зачастую являются противоречивыми (Горелова и др., 2018).

При составлении документов регионального стратегического планирования должны учитываться мнения общественности, субъектов предпринимательства и власти (Макаров и др., 2018). Наличие разнонаправленных, иногда даже противоречивых, интересов заинтересованных сторон приводит к необходимости их согласования как по вертикали (от федерального центра через регионы к муниципальным образованиям), так и по горизонтали (власть, бизнес, население). Такое согласование возможно осуществить с помощью стейкхолдерского подхода, который в стратегическом менеджменте «рассматривает формирование стратегических решений как результат переговорного процесса» (Комаров и др., 2012, с. 133).

Проблема координации мнений всех ключевых стейкхолдеров в едином документе регионального стратегического планирования нашла отражение как в отечественных исследованиях (Владиславлева и Керов, 2020a; Гаськова, 2017; Воронов, 2019a; Макаров и Шубина, 2018; Тажитдинов, 2013), так и в зарубежных (Albrechts et al., 2003; Searle, 2013; Maximova, 2021).

Исследования европейского опыта показывают, что привлечение и участие все большего числа стейкхолдеров способствовали тому, что стратегии развития регионов в Европе стали более гибким инструментом, определяющим основные пути их развития, и лучше адаптировались к изменяющимся условиям внешней среды (Searle, 2013).

Целью данного исследования является анализ ключевых стейкхолдеров социально-экономических стратегий в регионах Российской Федерации и подбор подходящего инструментария для проведения данного анализа. В статье представлены различные теоретические подходы к стейкхолдер-анализу.

Определение ключевых заинтересованных сторон является первым и основным шагом для возможного дальнейшего исследования способов снижения издержек, возникающих из-за разницы стратегических приоритетов у стейкхолдеров в регионах России. Выявив стейкхолдеров, определив их значимость в регионе и обозначив их интересы, можно будет сделать вывод о том, где возникают конфликты интересов и каковы механизмы их балансировки.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научной литературе встречается несколько определений и подходов к определению стейкхолдеров. Рассмотрим некоторые из них.

Основоположителем теории стейкхолдеров является Роберт Эдвард Фримен, который дал следующее определение понятия «стейкхолдер»: «любой индивидум, группа или организация, который/которая существенно влияет на принимаемые компанией решения и/или оказывающийся/оказывающаяся под влиянием этих решений» (Freeman, 1984, p. 25).

В данном исследовании будем опираться на определение, наиболее близкое к вышеназванному и используемое в *PMBOK® Guide*: стейкхолдеры – заинтересованные в проекте субъекты, на интересы которых влияет данный проект или которые могут повлиять на проект положительно или отрицательно⁵.

Стейкхолдеры могут как находиться под влиянием действий, решений, политики, так и сами влиять на действия, решения, политику организации (Carroll and Buchholz, 2008, p. 84). Таким образом, существует двустороннее взаимодействие между организациями и стейкхолдерами.

В российской практике термины «стейкхолдер» и «заинтересованная сторона» являются взаимозаменяемыми (Финогеева, 2017). В дальнейшем будем использовать оба термина, подразумевая то, что они равнозначны.

Каждый стейкхолдер может оказывать влияние на разработку и реализацию стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, лоббировать собственные интересы. Поэтому для каждого региона важно правильно определить основных стейкхолдеров, их интересы и возможности влиять на ход разработки и реализации стратегии, что, в свою очередь, поможет устранить противоречия между ними. Кроме того, успешная деятельность основных стейкхолдеров и межрегиональное взаимодействие может иметь синергетический эффект и способствовать росту национальной экономики (Воронов, 2019b).

Процесс управления стейкхолдерами состоит из следующих этапов: определение людей, групп или организаций, которые могут повлиять на ход реализации проекта или на которых этот проект может повлиять; определение возможных ожиданий стейкхолдеров и их влияния на проект; разработка плана действий для вовлечения стейкхолдеров в процесс разработки и исполнения проекта⁶ (Поддубный и Калугин, 2020, с. 192–193).

Исследования, посвященные стейкхолдер-анализу, обосновывают чрезвычайную важность последовательного подхода к определению, организации и вовлечению всех стейкхолдеров в проект. Отмечается, что основа для эффективной работы – постоянное, непрерывное общение с заинтересованными сторонами. Оно необходимо для того, чтобы определить потребности и ожидания стейкхолдеров, управлять конфликтующими интересами и способствовать их вовлечению в функционирование проекта.

Теоретические основы стейкхолдер-анализа изложены в международных пособиях и рекомендациях⁷, а также в работах некоторых отечественных

⁵ *A guide to the project management body of knowledge. PMBOK® Guide. 6th ed.* Newtown Square, PA: Project Management Institute, 2017. P. 394.

⁶ *Ibid.* P. 395.

⁷ *A guide to the project management...; Cross-cutting tool. Stakeholder analysis* [Электронный ресурс] // World Wide Fund for Nature (WWF). 2005. 1 окт. 6 p. URL: <https://awsassets.panda.org/>

авторов (Татаренко и Степанова, 2019; Никифорова, 2018; Поддубный и Калугин, 2020; Зильберштейн и др., 2016).

Рассмотрим основы процесса определения стейкхолдеров и некоторые методологии их отображения.

1. PMBOK® Guide

В 13-ой главе данного руководства рассматриваются основы стейкхолдер-менеджмента: методы определения, составления плана взаимодействия, мониторинг взаимодействия. Выявление стейкхолдеров позволяет определить перспективы взаимодействия с каждым из них или группой. Оно выполняется периодически, по мере необходимости на протяжении функционирования проекта. Процесс выявления стейкхолдеров разделен на два этапа.

1 этап: определение стейкхолдеров

Определение стейкхолдеров может проводиться методом экспертного мнения. Нужно учесть мнения специалистов, которые имеют глубокое понимание основ отрасли, знание среды и культуры организации и других связанных организаций (в том числе клиентов).

Кроме того, может быть проведен сбор данных. Методами сбора данных, которые рекомендуются использовать для определения стейкхолдеров, являются:

- анкеты и опросы (могут включать индивидуальные анкеты, фокус-группы);
- мозговой штурм; позволяет получать информацию от различных групп (например, экспертов в предметной области). Можно также использовать усовершенствованный метод мозгового штурма, когда отдельным участникам дается время на то, чтобы подумать над вопросом индивидуально перед проведением общего обсуждения;
- анализ документов.

Далее необходимо проанализировать полученную в ходе сбора данных информацию. Результатом анализа должен стать список заинтересованных сторон. Для этого необходимо изучить: положение предполагаемого стейкхолдера в организации (либо во внешней среде организации), его роль в проекте, ожидания выигрышей, заинтересованность в проекте. Заинтересованность стейкхолдеров определяется комбинацией следующих критериев: его интересами, юридическим правом или правом собственности (на какой-либо ресурс или актив) (Caroll and Buchtolz, 2008, p. 84), специализированными знаниями (которые могут принести пользу проекту за счет более эффективных действий), вкладом (предоставление средств или других ресурсов, включая человеческие ресурсы, предоставление поддержки проекта более неосязаемыми способами, такими как адвокация в форме продвижения или связь между проектом и властными структурами организации).

downloads/1_1_stakeholder_analysis_11_01_05.pdf (дата обращения: 14.03.2021); Schmeer K. Stakeholder analysis guideline // Policy toolkit for strengthening health sector reform [Электронный ресурс] // The Health Finance and Governance (HFG) Project. 2000. Сент. P. 2-1–2-43. URL: <https://www.hfgproject.org/wp-content/uploads/2015/02/Policy-Toolkit-for-Strengthening-Health-Sector-Reform-September-2000.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

2 этап: отображение стейкхолдеров

Наглядное представление заинтересованных сторон проекта помогает выстраивать отношения с ними. Можно использовать следующие варианты:

- график «власть/выгода», график «власть/влияние» или «график влияния/влияние». Таким образом можно сгруппировать заинтересованные стороны в соответствии с их уровнем полномочий (власти), уровнем заинтересованности результатами проекта (интерес), способности влиять на результаты проекта (влияние) или способности инициировать изменения в проекте. Этот вариант отображения стейкхолдеров полезен для небольших проектов или для проектов с простыми отношениями между заинтересованными сторонами;

- матрицы размерности 2*2 (Татаренко и Степанова, 2019; Ципес и Шадаева, 2015) (например, матрица «власть*интерес» Менделоу – Джонсона (Johnson et al., 2005, p. 182), матрица «поддержка*сила влияния» Группы Всемирного Банка⁸, матрица «власть*динамика» Гарднера (Gardner et al., 1986));

- куб заинтересованных сторон (является уточнением ранее упомянутых графиков) – модель с несколькими измерениями, которая представляет стейкхолдеров как многомерную структуру и помогает в разработке коммуникационных стратегий;

- ранжирование стейкхолдеров; может потребоваться для проектов с большим количеством заинтересованных сторон, в которых состав сообщества часто меняется.

После прохождения вышеизложенных этапов проводятся собрания и обсуждения для выделения основных стейкхолдеров проекта. Они могут проходить в форме семинаров, дискуссий в небольших группах для обмена идеями и анализа данных.

2. Stakeholder analysis guidelines

В рекомендациях представлена стратегия по выявлению заинтересованных сторон в здравоохранении.

На начальном этапе создается рабочая группа. На основе имеющихся ресурсов она должна принять решение о максимально широком списке потенциальных стейкхолдеров, которых нужно изучить (позже список может быть сокращен).

Сначала необходимо проанализировать все письменные документы, относящиеся к данному проекту. Этот шаг поможет определить потенциальные заинтересованные стороны (в том числе вне исследуемой отрасли) и, возможно, выявить их связь с проектом. Гражданское общество также следует учитывать, особенно если оно проявляет интерес к политике.

Следующим шагом будет консультация с экспертами. Специалисты, знающие отрасль, помогут составить максимально краткий, точный и достоверный список заинтересованных сторон, с которыми предстоит провести интервью. Экспертами могут быть как представители исследуемого проекта, так и внеш-

⁸ *Private health policy toolkit for Africa. Tools for engaging the private health sector* [Электронный ресурс] // The World Bank Group. 2013. Июнь. 34 p. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/859601478243694324/private-health-policy-toolkit-for-africa-tools-for-engaging-the-private-health-sector> (дата обращения: 15.03.2021).

них организаций: работники системы здравоохранения (в данном кейсе, представленном в руководстве), консалтинговых компаний, работающих в сфере здравоохранения, или других отраслевых организаций. В идеальном случае эти эксперты не должны быть стейкхолдерами проекта. Используя результаты исследования экспертов, рабочая группа должна ранжировать стейкхолдеров в зависимости от уровня их возможного влияния на проект.

3. Cross-cutting tool. Stakeholder analysis

Каждый стейкхолдер может нести либо угрозу, либо возможность для проекта. При проведении стейкхолдер-анализа рекомендуется начать с анализа ситуации и затем определить ключевых заинтересованных сторон. Либо можно начать с анализа заинтересованных сторон с последующей привязкой их к конкретным факторам угроз и возможностей.

Ниже приведены некоторые ключевые вопросы, которые следует рассмотреть на этом этапе.

– Какие цели проекта находятся под угрозой? Кто угрожает развитию проекта?

– Кто больше всего зависит от поставленных на карту ресурсов? Можно ли заменить эти ресурсы другими ресурсами?

– Кто владеет ресурсами (имеет юридическое право на них или пользуется)?

– Имеют ли какую-либо заинтересованность в проекте государственные структуры? Есть ли национальные и/или международные организации, вовлеченные в проект?

– Какие люди или группы наиболее осведомлены о проблемах проекта и способны справиться с ними?

– Стабильны ли интересы стейкхолдеров географически и сезонно, подвержены ли изменениям?

– Есть ли в настоящее время важные события или тенденции, влияющие на стейкхолдеров (например, реформы, демографические изменения)?

– Был ли подобный проект в регионе? Если да, то насколько он был успешным? Кто был ответственным, и как отреагировали на него стейкхолдеры?

С помощью таблицы можно определить основных стейкхолдеров (табл. 1). Чтобы заполнить столбец 1 в таблице, необходимо перечислить основных стейкхолдеров в соответствии с рассмотренным выше списком вопросов. Предлагается начать с анализа всех возможных заинтересованных сторон. Затем можно исследовать внешнюю среду организации, провести интервью с различными стейкхолдерами и узнать, кого они рассматривают как потенциальных стейкхолдеров для проекта. По мере проведения анализа список заинтересованных сторон будет уточняться. Также нужно определить потенциальную выгоду каждого участника в столбце 2. Интерес стейкхолдера может заключаться в получении прибыли в проекте, в культурных и духовных ценностях и т.д. Для каждой заинтересованной стороны описывается его потенциальную роль в проекте в столбце 3, столбце 4 – принадлежит ли она группе с ограниченными правами (например, этнические меньшинства). Такие стейкхолдеры не имеют возможности участвовать в совместных действиях на равной основе, поэтому необходимо приложить особые усилия для обеспечения

их участия. В столбце 5 нужно отметить, кто является ключевыми заинтересованными сторонами, то есть теми, кто из-за прямой зависимости от ресурсов или их силы, авторитета или ответственности занимает центральное место в данном проекте. Их участие имеет решающее значение.

Таблица 1 / Table 1

Таблица для стейкхолдер-анализа / Table for stakeholder analysis

Стейкхолдер	Интерес стейкхолдера	Возможная роль в проекте	Ограничены права/нет?	Ключевой?
...

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной целью государственной региональной политики является «обеспечение сбалансированного экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни»⁹. Поэтому региональная стратегия – это один из инструментов реализации долгосрочных целей социально-экономического развития всей страны и ключевой элемент управления развитием отдельного региона.

На сегодняшний день стратегии были разработаны и реализуются во всех регионах России, за исключением Тульской области, где документ до сих пор не утвержден.

Для формирования представления о региональном стратегическом планировании в России приведем общую информацию о региональных стратегиях (о сроках реализации, датах принятия, количестве сценариев и горизонтах планирования).

Автором были изучены действующие стратегии социально-экономического развития 85 субъектов Российской Федерации. Даты принятия стратегий варьируются от 2006 до 2019 года. Примечательным является тот факт, что в некоторых регионах стратегии были приняты до утверждения Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Полный список таких регионов приведен в табл. 2. Некоторые из таких субъектов Федерации (Брянская, Волгоградская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Курская, Магаданская, Мурманская, Новосибирская, Пензенская, Сахалинская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, республики Северная Осетия-Алания, Хакасия, Ставропольский край) уже приняли новые стратегии. Являясь инструментом долгосрочного планирования, стратегия социально-экономического развития может требовать корректировки. В табл. 2 также отмечено, вносились ли в нее изменения.

⁹ *Содействие экономическому развитию регионов* [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/aboutecon?WCM_PI=1&WCM_PageSize.556a41804309ce5898fbbb1aee474279=40 (дата обращения: 27.03.2021).

Регионы, принявшие стратегию социально-экономического развития до утверждения
Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» /
Russian regions that adopted a strategy of socio-economic development before the approval
of the Federal Law “On strategic planning in the Russian Federation”

Регион	Год принятия стратегии	Изменения/новая стратегия, год
Алтайский край	2012	–
Амурская область	2012	Изменения, 2017
Астраханская область	2010	Изменения, 2014
Белгородская область	2010	Изменения, 2015
Брянская область	2008	Новая стратегия, 2019
Владимирская область	2009	Изменения, 2018
Волгоградская область	2008	Новая стратегия, 2017
Забайкальский край	2013	Изменения, 2017
Калининградская область	2012	Изменения, 2019
Калужская область	2009	Новая стратегия, 2018
Кемеровская область	2008	Новая стратегия, 2020
Кировская область	2008	Изменения, 2009
Костромская область	2013	Изменения, 2017
Курганская область	2008	Новая стратегия, 2018
Курская область	2007	Новая стратегия, 2020
Липецкая область	2006	Изменения, 2018
Магаданская область	2010	Новая стратегия, 2020
Москва	2007	Изменения, 2009
Мурманская область	2013	Новая стратегия, 2019
Ненецкий автономный округ	2010	Новая стратегия, 2019
Новосибирская область	2007	Новая стратегия, 2019
Омская область	2013	Изменения, 2018
Оренбургская область	2010	Изменения, 2018
Пензенская область	2007	Новая стратегия, 2019
Пермский край	2011	Изменения, 2012
Псковская область	2010	Изменения, 2012
Республика Дагестан	2011	Изменения, 2018
Республика Ингушетия	2009	Изменения, 2020
Республика Калмыкия	2008	Изменения, 2017
Республика Мордовия	2008	Изменения, 2017
Республика Северная Осетия – Алания	2012	Новая стратегия, 2019
Республика Хакасия	2011	Новая стратегия, 2020
Сахалинская область	2011	Новая стратегия, 2019
Ставропольский край	2009	Новая стратегия, 2019

Регион	Год принятия стратегии	Изменения/новая стратегия, год
Тверская область	2013	–
Удмуртская Республика	2009	Изменения, 2018
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	2013	Изменения, 2019
Чеченская Республика	2012	Изменения, 2015
Ямало-Ненецкий автономный округ	2011	Новая стратегия, 2021

Источник: составлено автором.

Количество сценариев в разных региональных стратегиях составляет от 1 до 3. Горизонты планирования определены от 5 лет (в Ивановской области) до 23 лет (в Республике Саха (Якутия)). Медианный горизонт планирования составляет 14 лет.

Согласно сводной информации о стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, опубликованной на сайте Минэкономразвития России¹⁰, максимальный срок реализации стратегий отдельных регионов определен 2035 годом. Однако в ряде стратегий целевое видение социально-экономического развития составляет гораздо больший период (например, в Республике Саха (Якутия) срок реализации стратегии – до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года).

Для проведения анализа ключевых стейкхолдеров социально-экономических стратегий субъектов Федерации необходимо определить их список, который может быть адаптирован и актуализирован для любого региона.

Крупный и средний бизнес является одной из основ национальной экономики. Кроме того, он выполняет множество важнейших социально-экономических функций, поскольку «в нем сочетаются интересы и ресурсы государственного и частного сектора» (Бабаян, 2017, с. 3–4). Поэтому цели данного сектора должны учитываться при разработке стратегий регионального социально-экономического развития.

Однако на развитие промышленности и других секторов экономики оказывает влияние инфраструктура (Гаськова, 2018). Если уровень инфраструктурной обеспеченности низкий, то это препятствует повышению инвестиционной активности, а также сдерживает процесс расширения производственных мощностей (Плисецкий и Плисецкий, 2020). Следовательно, возникают дополнительные затраты на приобретение ресурсов производства. Достижение целей, определенных в региональных стратегиях социально-экономического развития, возможно только с помощью опережающего развития инфраструктуры. Поэтому стратегию нужно взаимоувязывать с программами развития как промышленного комплекса, так и инфраструктуры.

¹⁰ Стратегии социально-экономического развития субъектов РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/ (дата обращения: 27.03.2021).

Основной целью социально-экономического развития региона является создание благоприятной среды для проживания населения (Журавлев, 2020). Поэтому население также будет являться одним из ключевых стейкхолдеров.

К заинтересованным сторонам следует относить транснациональные компании, которые присутствуют в субъекте Федерации. Они являются значимыми акторами регионального политического процесса. Более того, в некоторых исследованиях доказано, что транснациональные компании используют различные стратегии лоббирования своих интересов (Пешкумова, 2018).

СМИ (как региональные, так и федеральные, международные) также следует причислять к ключевым стейкхолдерам. Региональные СМИ могут доводить до других заинтересованных сторон сведения о стратегических документах региона и возможностях участия в их разработке для учета интересов стейкхолдеров. Установление партнерских отношений со СМИ может помочь сформировать положительное общественное мнение о разрабатываемой стратегии. В то же время выстроить такие же отношения с федеральными и международными СМИ затруднительно. Региональные СМИ заинтересованы в освещении местных новостей, при этом им сложно получать и распространять информацию вне региона. Федеральные и международные СМИ обладают большим объемом информации, однако они ограничены во времени и ресурсах.

Таким образом, ключевыми стейкхолдерами в регионе будут являться: органы власти на всех уровнях (федеральном, региональном и муниципальном), значимые национальные объекты в регионе, крупный и средний бизнес, иностранные компании, общественные организации, население региона и СМИ. Предложим следующую классификацию ключевых стейкхолдеров (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Группы ключевых стейкхолдеров / Groups of key stakeholders

Государство	Бизнес	Население
Федеральные органы власти	Крупный и средний бизнес в регионе	Общественные организации (международные, федеральные, региональные)
Региональные органы власти	Иностранные, транснациональные компании	Население региона
Муниципальные органы власти	Субъекты теневой экономики	СМИ
Значимые национальные объекты в регионе (крупные объекты военной, социальной инфраструктуры)	Инвесторы	

Источник: составлено автором.

Как было отмечено ранее, для отображения стейкхолдеров обычно используются матрицы размерности 2*2. Однако, на наш взгляд, для отображения стейкхолдеров социально-экономических стратегий регионов информатив-

нее будет использовать куб заинтересованных сторон (согласно рекомендациям *PMBOK® Guide*).

Данная методология позволяет разделять стейкхолдеров по следующим критериям: интерес (активный или пассивный); власть (влиятельный или нет); отношение (сторонник или блокирующий)¹¹. Данный подход помогает выделить восемь классов стейкхолдеров и предложить оптимальный подход к управлению каждым.

Однако Роберт Эдвард Фримен в своей работе разделял окружение на внутреннее и внешнее. Требования обеих групп надо учитывать и удовлетворять. Применительно к региональному стратегированию также можно выделить внутренних и внешних стейкхолдеров.

Интересы внутренних стейкхолдеров связаны в основном с функционированием и развитием определенного региона, резидентом которого они являются и пользуются его благами. Установление партнерских отношений со внутренними стейкхолдерами позволяет выработать и реализовать эффективные управленческие решения по социально-экономическому развитию территории.

Интересы внешних стейкхолдеров связаны с получением экстерналий, направляемых далее к внешним по отношению к региону системам: к другому региону, стране, иностранному государству.

Для анализа стейкхолдеров региональных социально-экономических стратегий, по нашему мнению, представляется более информативным объединить два подхода и разделить заинтересованные стороны по следующим критериям: интерес (активный или пассивный); власть (влиятельный или нет); и положение по отношению к региону (внутренний или внешний).

Внешними по отношению к региону стейкхолдерами определим федеральные органы власти, федеральные и иностранные СМИ, сторонних инвесторов, федеральные и международные общественные организации. Внутренними – население региона, региональные и муниципальные органы, значимые национальные объекты в регионе, бизнес в регионе, иностранные компании в регионе, общественные организации, региональные СМИ.

Построим куб ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (рис.). Введем следующие обозначения:

- 1 – федеральные органы власти;
- 2 – региональные органы власти;
- 3 – муниципальные органы власти;
- 4 – значимые национальные объекты в регионе;
- 5 – крупный и средний бизнес в регионе;
- 6 – иностранные компании в регионе;
- 7 – общественные организации в регионе;
- 8 – федеральные и международные общественные организации;
- 9 – население региона;

¹¹ For stakeholders, 2x2 is not enough! [Электронный ресурс] // Mosaicproject's blog. 2015. 4 апр. URL: <https://mosaicprojects.wordpress.com/2015/04/04/for-stakeholders-2x2-is-not-enough/> (дата обращения: 15.03.2021).

- 10 – региональные СМИ;
 11 – федеральные и иностранные СМИ;
 12 – сторонние инвесторы.

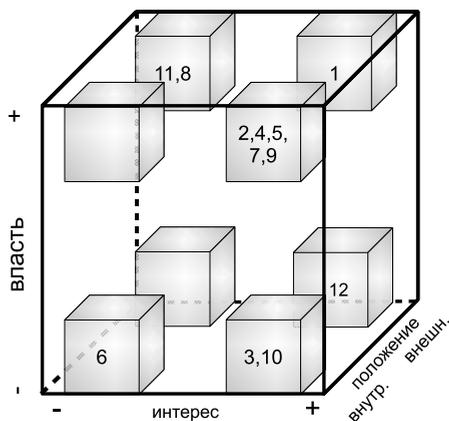

Рис. Куб ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации / Fig. Cube representation of key stakeholders in social-economic development strategies of the Russian Federation regions

У региональных властей, крупного и среднего бизнеса в регионе, значимых национальных объектов в регионе, региональных общественных организаций и населения региона высокий уровень власти и интереса. Все они являются резидентами региона и заинтересованы в том, чтобы их интересы учитывались при разработке стратегии.

Сторонние инвесторы заинтересованы в развитии экономики региона, но обладают низким уровнем власти. Присутствие иностранных компаний в регионе варьируется, поэтому их положение в кубе может меняться.

Федеральные и иностранные СМИ и общественные организации, как было отмечено выше, обладают высоким уровнем власти, однако они ограничены во времени и ресурсах и не могут концентрироваться на отдельном регионе. Следовательно, будем считать их уровень интереса невысоким. Интерес региональных СМИ к развитию региона велик, однако у них, как правило, низкая степень охвата аудитории.

Хотя регионы, согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации», имеют полномочия и обязаны разрабатывать собственные стратегии социально-экономического развития, федеральные органы государственной власти определяют комплекс мероприятий, направленных на достижение приоритетов социально-экономической политики и целей социально-экономического развития Российской Федерации. Регионы должны разрабатывать стратегии, исходя из заданного общего вектора развития страны. Поэтому федеральные органы власти расположены на верхнем правом ребре куба (у них высокий уровень власти и интереса).

Муниципальные органы власти, согласно вышеупомянутому закону, должны определять долгосрочные цели и задачи муниципального управления

и социально-экономического развития муниципальных образований и согласовывать их с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов.

Далее на примере некоторых регионов России проведем контент-анализ стратегий социально-экономического развития и определим, какие из обозначенных нами ключевых стейкхолдеров были приняты во внимание при разработке стратегии, а какие нет. Для анализа будем использовать программное обеспечение *MAXQDA*.

ОБСУЖДЕНИЕ

Для анализа нами были выбраны три субъекта Российской Федерации: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тверская область и Кемеровская область. Во всех трех регионах первые стратегии социально-экономического развития были приняты до вступления в силу Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Однако в Кемеровской области в 2020 году, в Ханты-Мансийском автономном округе в 2019 году были внесены изменения в стратегии. При этом в Тверской области до сих пор действует первоначальный вариант стратегии, изменения не вносились.

На наш взгляд, сравнение данных стратегий представляет интерес, поскольку они были приняты в разные промежутки времени. Стратегия Тверской области – до утверждения Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации¹². Поэтому представляется, что при разработке данной стратегии был проведен недостаточный анализ стейкхолдеров. При этом в стратегии Кемеровской области, учитывая опыт разработки первой стратегии, с большей вероятностью будут отражены все стейкхолдеры.

Кейс 1 – Ханты-Мансийский автономный округ

Рассмотрим процесс выявления стейкхолдеров на примере Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Он является основным нефтегазоносным районом России и регионом-донором. По нашим расчетам, его бюджетная обеспеченность в 2019 году составила 2,05.

В отраслевой структуре промышленности субъекта Федерации доминирующее положение занимает нефтегазодобывающая отрасль, доля которой составляет 81,7 %¹³. На территории присутствуют пять компаний, входящие в рейтинг топ-50 по России (Сургутнефтегаз, Роснефть, Славнефть, ЛУКОЙЛ, Газпром нефть) и компании, входящие в рейтинг топ-350 (штаб Ют-Эйр, РуссНефть, Томскнефть). Соответственно, такие значимые компании будут являться ключевыми стейкхолдерами стратегии социально-экономического развития региона.

¹² Об утверждении Методических рекомендаций...

¹³ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра [Электронный ресурс] // Оценка регулирующего воздействия – офиц. Интернет-ресурс М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: <http://orv.gov.ru/Regions/Details/60?cat=28> (дата обращения: 15.03.2021).

В стратегии социально-экономического развития до 2030 года¹⁴, разработанной в 2013 году, с изменениями на 16 августа 2019 года, представлены оценка достигнутых результатов социально-экономического развития региона, определение основных угроз, внешних и внутренних факторов развития. Проведен SWOT-анализ экономического положения региона, указаны два сценария развития (инерционный и инновационный), миссия, стратегическая цель, задачи и приоритетные направления. Основными драйверами экономического роста определены нефтегазодобывающая промышленность и инфраструктура транспортировки. В стратегии отмечены основные ограничения, связанные с существенной зависимостью экономического положения региона от добычи полезных ископаемых.

В стратегии социально-экономического развития заявлено, что одной из целей является создание межотраслевых кластеров, поскольку они признаются наиболее эффективным инструментом для генерации инноваций. В документе обозначены следующие территориально-отраслевые кластеры: нефтегазодобывающий, нефтегазоперерабатывающий, лесопромышленный, горнопромышленный, научно-инновационный, туристско-рекреационный, медицинский и агропромышленный.

Проведенный контент-анализ стратегии социально-экономического развития ХМАО показал, что наиболее употребительными лингвистическими единицами в тексте оказались следующие: «население», «технологии», «гражданское общество», «образование», «строительство», «производство», «предпринимательство», «НКО», «инфраструктура», «граждан», «ресурсы», «бизнес», «жители», «промышленность», «молодежь», «производство», «месторождения нефти», «инновационный», «транспортный», «жилищное строительство», «экологический», «инвестиционный».

Очевидно, что в стратегии основное внимание уделено развитию инфраструктуры и улучшению качества жизни населения региона. Вместе с тем важным аспектом является развитие отрасли добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств. Таким образом, признается существенная сырьевая зависимость региона. Однако в стратегии недостаточно подробно проработаны и изложены конкретные задачи по внедрению инноваций в региональную экономику и созданию новых механизмов экономической диверсификации.

Стратегия социально-экономического развития ХМАО ориентирована на основных действующих стейкхолдеров региона. Это прослеживается в задачах и направлениях развития. Однако цель, заявленная в стратегии, не согласована с ними.

Кейс 2 – Тверская область

Экономика Тверской области является достаточно диверсифицированной: в регионе нет явно выраженной доминирующей отрасли. Однако по вкладу в валовый региональный продукт лидирующее положение занимает промыш-

¹⁴ О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийск. автоном. окр. – Югры от 22.03.2013 № 101-рп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/411709517> (дата обращения: 29.03.2021).

ленность¹⁵ (машиностроение). В данном субъекте Федерации присутствует одна компания, входящая в рейтинг топ-350 по России (Тверской Вагоностроительный Завод). Кроме того, на территории Тверской области находятся несколько крупных природно-рекреационных объектов: Центрально-Лесной государственный природный биосферный заповедник, озеро Селигер. По нашим расчетам, Тверская область является дотационным регионом: его бюджетная обеспеченность в 2019 году была менее 1.

Стратегия социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года¹⁶ была принята 24 сентября 2013 года. В документе представлены конкурентные преимущества области и комплексные проблемы социально-экономического развития, однако SWOT-анализ экономического положения региона не проведен. Рассмотрены два сценария развития (инерционный и инновационный). Цель сформулирована следующим образом: «формирование пространства гармоничного развития через создание условий для успешного развития человеческого капитала, формирование комфортной среды проживания и развивающейся эффективной экономики, способной, запустив мультипликативные процессы прироста доходов, обеспечить формирование финансовой основы повышения конкурентоспособности Тверской области, и снижения долговой нагрузки на бюджет»¹⁷.

В результате проведенного контент-анализа стратегии социально-экономического развития Тверской области мы выявили, что наиболее часто употреблялись следующие слова: «население», «производство», «промышленное», «человек», «развитие», «строительство», «инфраструктура», «предприятие», «потенциал», «электроэнергия», «инвестиционный», «социальный», «транспорт», «бизнес», «модернизация», «добыча», «застройка», «инновационный».

В стратегии не представлены задачи развития машиностроения и металлообработки, являющихся основными промышленными силами региона. Была заявлена необходимость формирования инновационных высокотехнологичных секторов в экономике, однако не было определено составляющих этого направления развития и задач.

Кроме того, в стратегии отмечено, что территория региона богата лесными и водными ресурсами, включая уникальные природно-рекреационные объекты. Но не обозначены никакие цели и задачи, которые были бы направлены на их развитие. Таким образом, в целях и задачах не были учтены основные стейкхолдеры региона.

Можем также заметить, что формулировка стратегической цели Тверской области расплывчата, она не дает конкретного понимания вектора развития региона.

¹⁵ Общие сведения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Твер. обл. URL: <https://тверскаяобласть.рф/ekonomika-regiona/obshchie-svedeniya/> (дата обращения: 22.03.2021).

¹⁶ О Стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Твер. обл. от 24.09.2013 № 475-рп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430628871> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁷ Там же. П. 72.

Кейс 3 – Кемеровская область

Кемеровская область (Кузбасс) – регион с развитой угольной промышленностью. Также в области есть металлургия, горнодобывающая промышленность, машиностроение и химическая промышленность. На территории присутствуют две компании, входящие в рейтинг топ-50 по России (Мечел, СУЭК) и компании, входящие в рейтинг топ-350 (Кузбассразрезуголь, Стройсервис). По нашим расчетам, Кузбасс является дотационным регионом, его бюджетная обеспеченность менее 1.

Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года¹⁸ принята в 2018 году, с изменениями на 23 декабря 2020 года. Данную стратегию разрабатывали ученые нескольких факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, а также ученые подразделений Центрального экономико-математического института Российской академии наук, которые специализируются на использовании агент-ориентированных моделей в методологии и практике стратегирования (Квинт, 2020), Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Кузбасского государственного университета. Миссия региона – «ориентирует на обеспечение полноценного и достойного качества жизни кузбассовцев и гостей Кузбасса, эффективную реализацию национальных интересов и приоритетов России, локализованных в области, региональных приоритетов Кузбасса и всей Сибири»¹⁹.

В стратегии обосновывается необходимость формирования передовой промышленности, опирающейся на богатую минерально-сырьевую базу. На основе уже имеющихся в Кузбассе конкурентных преимуществ и ресурсов предложено создание кластеров в сфере водородной энергетики и других инновационных отраслей промышленности.

Одним из ключевых приоритетов является обеспечение экологической безопасности региона, в том числе было проведено стратегирование продовольственной безопасности и обеспечения питьевой водой населения, снижения загрязнения окружающей среды.

Проведенный контент-анализ стратегии показал, что наиболее употребительными словами в тексте оказались следующие: «население», «предприятие», «производство», «промышленность», «технологии», «водоснабжение», «уголь», «инфраструктура», «строительство», «питьевая вода», «инвестиции», «сфера туризма», «водоотведение», «хозяйство», «ресурсы», «окружающая среда», «техногенный», «инвестиционный», «транспортный», «здравоохранение», «полезные ископаемые», «очистка».

В стратегии Кузбасса, как и в ранее рассмотренных, основное внимание уделено развитию инфраструктуры и улучшению качества жизни населения региона. Вместе с тем важными аспектами являются развитие промышленности и решение экологических проблем региона. Очевидно, что при раз-

¹⁸ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области - Кузбасса на период до 2035 года [Электронный ресурс]: Закон Кемер. обл. – Кузбасса от 26.12.2018 № 101-рп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550305101> (дата обращения: 29.03.2021).

¹⁹ Там же. Ч. 1 Разд. 2.

работке стратегии были выбраны такие приоритеты развития, которые получили бы гарантированное обеспечение имеющимися в регионе конкурентными преимуществами и ресурсами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании представлены теоретические подходы к стейкхолдер-анализу. Рассмотрены методологии стейкхолдер-анализа, проведена сравнительная оценка методического инструментария, обоснована возможность применения рассмотренного инструментария для анализа заинтересованных сторон социально-экономических стратегий в регионах России.

Были выделены и классифицированы основные стейкхолдеры и предложено их трехмерное отображение на основе таких критериев, как их интерес, влияние и положение по отношению к региону (внешние или внутренние). Ключевыми группами стейкхолдеров определены: органы власти на всех уровнях (федеральном, региональном и муниципальном), значимые национальные объекты в регионе, крупный и средний бизнес в регионе, иностранные компании, общественные организации, население региона и СМИ.

На примере некоторых регионов России (Ханты-Мансийского автономного округа, Тверской области, Кемеровской области) проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития и определено, какие из ключевых стейкхолдеров были приняты во внимание при разработке стратегии, а какие не были. Следует отметить, что во всех стратегиях основное внимание уделено улучшению качества жизни населения региона и развитию инфраструктуры.

Стратегия социально-экономического развития ХМАО ориентирована на основных стейкхолдеров региона, что прослеживается в задачах и направлениях развития. Однако цель, заявленная в стратегии, не согласована с ними. В стратегии Тверской области интересы основных стейкхолдеров региона не были отражены ни в целях, ни в задачах. В стратегии Кемеровской области, разработанной учеными, были выбраны такие приоритеты развития, которые получили бы гарантированное обеспечение имеющимися в регионе конкурентными преимуществами и ресурсами. В целях и задачах были полностью отражены интересы всех основных стейкхолдеров региона.

На основе вышеизложенного сделан вывод о том, что с позиции основных стейкхолдеров не все региональные стратегии социально-экономического развития достаточно глубоко проработаны.

Разработка стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации является чрезвычайно трудозатратным процессом. В случае если цели развития региона будут взаимоувязаны с целями бизнес-структур и других ключевых стейкхолдеров, если будет организовано эффективное и, главное, результативное взаимодействие всех заинтересованных сторон, если будут анализироваться их предложения и возражения по конкретным проектам, если будет осуществляться поиск компромисса, то стратегия может стать работающим инструментом.

Библиографический список

Бабаян Т. К. Крупный бизнес как источник инновационного развития Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 3–21.

Владиславлева Т. Б., Керов В. А. Государственная региональная политика: преодоление трудностей выработки и реализации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020а. № 2. С. 77–96.

Владиславлева Т. Б., Керов В. А. Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2020б. № 83. С. 22–46. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10107. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__83._dekabr_2020_g./vladislavleva_kerov.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

Воронов А. С. Методика достижения целей и решения задач социально-экономического развития РФ на основе учета специфических особенностей регионов [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2019а. № 73. С. 204–223. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__73._aprel_2019_g./regionalnaja_ekonomika/voronov.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

Воронов А. С. Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2019б. № 75. С. 249–267. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__75._avgust_2019_g./regionalnaja_ekonomika/voronov.pdf (дата обращения: 30.03.2021).

Гаськова Ю. И. Повышение согласованности развития промышленности и инфраструктуры в регионах: совершенствование системы стратегических программных документов // Вестник университета. 2018. № 2. С. 43–49. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-2-43-49.

Гаськова Ю. И. Формирование стратегии развития региона: необходимость согласования интересов основных стейкхолдеров // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2017. № 3. С. 81–85.

Горелова И. В., Красикова В. С., Майдоров А. С. Стратегии социально-экономического развития как показатель эффективности стратегического управления регионами и муниципальными образованиями // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. Серия: экономика. 2018. № 1. С. 10–13.

Журавлев Д. М. Экономический механизм управления развитием региона // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 43–56.

Зильберштейн О. Б., Невструев К. В., Семенюк Д. Д. и др. Анализ стейкхолдеров на примере российских предприятий [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8, № 3. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/42EVN316.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).

Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика в про-

мышленности. 2020. Т. 13, № 3. С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.

Комаров С. В., Молодчик А. В., Пустовойт К. С. На рубеже изменения парадигмы менеджмента. Саморазвивающиеся, самоорганизующиеся системы // Журнал экономической теории. 2012. № 3. С. 132–142.

Макаров Е. И., Франовская Г. Н., Шубина Е. А. Социально-экономическое развитие субъектов малого и среднего предпринимательства с позиции стейкхолдеров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 36–42.

Никифорова Е. В. Элементы стейкхолдер-анализа экономических субъектов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2. С. 213–216.

Пешкумова А. О. Стратегии международного лоббирования интересов табачных транснациональных компаний в принимающих странах на примере России и Греции // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 1. С. 80–103.

Плисецкий Е. Л., Плисецкий Е. Е. Инфраструктурный потенциал территории как фактор устойчивого регионального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 165–186.

Поддубный Г. А., Калугин В. А. Особенности применения стейкхолдер-анализа для оценки проектов пространственного развития территорий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3. С. 191–202. DOI: 10.26456/2219-1453/2020.3.191.

Тажитдинов И. А. Применение стейкхолдерского подхода в стратегическом управлении развитием территорий // Экономика региона. 2013. № 2. С. 17–27. DOI: 10.17059/2013-2-2.

Татаренко Л. Ю., Степанова А. Р. Методические аспекты проведения стейкхолдер-анализа сетевого взаимодействия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 2. С. 231–240.

Финогеева А. И. Механизм управления ключевыми стейкхолдерами для российских компаний [Электронный ресурс] // Российский экономический интернет-журнал. 2017. № 2. 11 с. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/761/7618f75238a091fdcf92ad3b06e61ca1.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).

Царенко А. С., Цуев А. С. Разработка стратегий социально-экономического развития крупных городов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 3. С. 41–70.

Цитес Г. Л., Шадаева Н. М. Управление отношениями с заинтересованными сторонами проекта: от простого к сложному (часть 2) // Управление проектами и программами. 2015. № 3. С. 218–228.

Шпакова Р. Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 311–336. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10030. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__77._dekabr_2019_g./podgotovka_upravlentcheskih_kadrov/shpakova.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

Albrechts L., Healey P., Kunzmann K. R. Strategic spatial planning and regional governance in Europe // *Journal of the American Planning Association*. 2003. Vol. 69, № 2. P. 113–129. DOI: 10.1080/01944360308976301.

Caroll A., Buchtolz A. Business and society: Ethics and stakeholder management. 7th ed. Chula Vista: South-Western College Publishing, 2008. 947 p.

Freeman R. Strategic management: A Stakeholder approach. Boston: Pitman, 1984. 276 p.

Gardner J., Rachlin R., Sweeny A. Handbook of strategic planning. New York: Wiley, 1986. 752 p.

Johnson G., Scholes K., Whittington R. Exploring corporate strategy. 7th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 1033 p.

Maximova O. I. Management of the metropolises in Europe. Concepts, planning and trends // *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*. 2021. Vol. 740. № art. 012019. DOI: 10.1088/1755-1315/740/1/012019.

Searle G. “Relational” planning and recent Sydney metropolitan and city strategies // *Urban Policy and Research*. 2013. Vol. 31, № 3. P. 367–378. DOI: 10.1080/08111146.2013.826579.

Информация об авторе

Куркова Мария Александровна – аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-8134-7836

ResearcherID: –

Электронный адрес: kurkova.mk@gmail.com

Статья получена редакцией 16 апреля 2021 года

Принята к печати 2 июня 2021 года

UDC 330:338.2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-236-259

DEFINING KEY STAKEHOLDERS IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGIES OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS

Mariia A. Kurkova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0002-8134-7836

ResearcherID: –

E-mail: kurkova.mk@gmail.com

For citation:

Kurkova, M. A. (2021), "Defining key stakeholders in socio-economic development strategies of the Russian Federation regions", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 236–259, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Abstract

Introduction: the Federal Law "On Strategic planning in the Russian Federation" obliges the regions to formulate socio-economic development strategies. The regions comply with these regulations; however, not everywhere strategies become a real management tool. When developing strategies, it is necessary to analyze the socio-economic situation of the region, which is complicated by the conflicting interests of various stakeholders. **Objectives:** To analyze key stakeholders in socio-economic development strategies in Russian regions, to work out relevant instruments for such analysis. **Methods:** stakeholder analysis, content analysis using MAXQDA software. **Results:** key stakeholders in regional socio-economic development strategies are identified and their three-dimensional presentation is proposed based on such criteria as their interest, influence and position in the region (external or internal). On the example of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, Tver Region and Kemerovo Region, a content analysis of socio-economic development strategies was carried out and it was determined which of the key stakeholders were taken into account when developing the strategies and which weren't. **Conclusions:** the key groups of stakeholders are authorities at all levels, significant national objects in the region, large and medium-sized businesses in the region, foreign companies, public organizations, the population of the region and the media. From the perspective of the main stakeholders, not all regional socio-economic development strategies are well done. The goal in the strategy of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra wasn't coordinated with the key stakeholders, in the strategy of the Tver Region the interests of the main regional stakeholders weren't reflected either in the goals or in the tasks, only in the strategy of the Kemerovo Region the interests of all the main stakeholders were fully taken into account.

Keywords: stakeholder; stakeholder analysis; social and economic development strategy; strategic planning; Russian Federation region

References

Babayan, T. K. (2017), "Big business as a source of innovative development in the Russian Federation", *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 3, pp. 3–21.

Vladislavleva, T. B. and Kerov, V. A. (2020a), "State regional policy: Overcoming the difficulties of development and implementation", *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 2, pp. 77–96.

Vladislavleva, T. B. and Kerov, V. A. (2020b), "Public administration of regional development amid COVID-19 pandemic", *E-journal. Public Administration*, no. 83, pp. 22–46, doi: 10.24411/2070-1381-2020-10107 [Online], available at: <http://>

e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__83._dekabr_2020_g./vladislavleva_kerov.pdf (Accessed April 2, 2021).

Voronov, A. S. (2019a), "Methods for achieving goals and objectives of the Russian Federation socio-economic development based on regional specific features", *E-journal. Public Administration*, no. 73, pp. 204–223, [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__73._aprel_2019_g./regionalnaja_ekonomika/voronov.pdf (Accessed April 1, 2021).

Voronov, A. S. (2019b), "Spatial approach in the development of regions' socio-economic systems", *E-journal. Public Administration*, no. 75, pp. 249–267, [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__75._avgust_2019_g./regionalnaja_ekonomika/voronov.pdf (Accessed March 30, 2021).

Gaskova, Yu. I. (2018), "Increasing the agreement of development of the industry and infrastructure in regions: Improving the system of strategic software documents", *Vestnik Universiteta*, no. 18, pp. 43–49, doi: 10.26425/1816-4277-2018-2-43-49.

Gaskova, Yu. I. (2017), "The creation of the regional development strategy: The need to reconcile interests of main stakeholders", *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, no. 3, pp. 81–85.

Gorelova, I. V., Krasikova, V. S. and Madorov, A. S. (2018), "The strategy for socio-economic development as a measure of efficiency of strategic management of regions and municipalities", *Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Series: Economy*, no. 1, pp. 10–13.

Zhuravlev, D. M. (2020), "Economic mechanism of regional development management", *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 1, pp. 43–56.

Zil'bershteyn, O. B., Nevstruev, K. V., Semenyuk D. D. et al. (2016), "Analysis of stakeholders on the example of Russian enterprises", *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*, vol. 8, no. 3, [Online], available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/29EVN316.pdf> (Accessed April 5, 2021).

Kvint, V. L. (2020), "Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy", *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 13, no. 3, pp. 290–299, doi: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.

Komarov, S. V., Molodchik, A. V. and Pustovoit, K. S. (2012), "On the way of change management paradigm: Self-developing and self-organisationing systems", *Russian Journal of Economic Theory*, no. 3, pp. 132–142.

Makarov, E. I., Franovskaya, G. N. and Shubina, E. A. (2018), "Socio-economic development of subjects of small and average business from the position of stakeholders", *Proceedings of Voronezh state university. Series: Economics and management*, no. 1, pp. 36–42.

Nikiforova, E. V. (2018), "Elements of stakeholder analysis of economic subjects", *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 7, no. 2, pp. 213–216.

Peshkumova, A. (2018), "Strategies of international lobbying interests of tobacco transnational corporations in host countries by the example of Russia and Greece", *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, no. 1, pp. 80–103.

Plisetsky, E. L. and Plisetsky, E. E. (2020), "Infrastructure potential of Russian

regions as a factor of sustainable regional development”, *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 165–186.

Poddubny, G. A. and Kalugin, V. A. (2020), “Application of the stakeholder analysis for evaluation of spatial development of territories”, *Bulletin Tver State University. Series: Economics and Management*, no. 3, pp. 191–202, doi: 10.26456/2219-1453/2020.3.191.

Tazhitdinov, I. A. (2013), “The applying stakeholder approach to strategic management of territories development”, *Economy of Region*, no. 2, pp. 17–27, doi: 10.17059/2013-2-2.

Tatarenko, L. Yu. and Stepanova, A. R. (2019), “Methodological aspects of conducting a stakeholder analysis of network interaction”, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, vol. 9, no. 2, pp. 231–240.

Finogeeva, A. I. (2017), “The mechanism of key stakeholder’s management for Russian companies”, *Russian Economic Online Journal*, no. 2, 11 p. [Online], available at: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/761/7618f75238a091fdfc92ad3b06e61ca1.pdf> (Accessed April 2, 2021).

Tsarenko, A. S. and Tsuev, A. S. (2018), “Development of strategies for social and economic development of large cities”, *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 3, pp. 41–70.

Tsipis, G. L. and Shadaeva, N. M. (2015), “Managing relationships with project stakeholders: From simple to complex (part 2)”, *Upravlenie proektami i programmami*, no. 3, pp. 218–228.

Shpakova, R. N. (2019), “General targets for strategic development Russian Federation Regions”, *E-journal. Public Administration*, no. 77, pp. 311–336, doi: 10.24411/2070-1381-2019-10030, [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__77._dekabr_2019_g./podgotovka_upravlentch-eskih_kadrov/shpakova.pdf (Accessed April 5, 2021).

Albrechts, L., Healey, P. and Kunzmann, K. R. (2003), “Strategic spatial planning and regional governance in Europe”, *Journal of the American Planning Association*, vol. 69, no. 2, pp. 113–129, doi: 10.1080/01944360308976301.

Caroll, A. and Buchtolz, A. (2008), *Business and society: Ethics and stakeholder management*, 7th ed., South-Western College Publishing, Chula Vista, CA, US.

Freeman, R. (1984), *Strategic management: A Stakeholder approach*, Pitman, Boston, MA, US.

Gardner, J., Rachlin, R. and Sweeny, A. (1986), *Handbook of strategic planning*, Wiley, NYC, NY, US.

Johnson, G., Scholes, K. and Whittington, R. (2005), *Exploring corporate strategy*, 7th ed., Pearson Education Limited, Harlow, UK.

Maximova, O. I. (2021), “Management of the metropolises in Europe. Concepts, planning and trends”, *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*, vol. 740, no. art. 012019, doi: 10.1088/1755-1315/740/1/012019.

Searle, G. (2013), “Relational” planning and recent Sydney metropolitan and city strategies”, *Urban Policy and Research*, vol. 31, no. 3, pp. 367–378, doi: 10.1080/08111146.2013.826579.

Received April 16, 2021

Accepted June 2, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 338.23

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ПО ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

А. А. ШПАКОВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

С. А. ГОРЮНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Шпакова А. А., Горюнова С. А. Стратегические программы по цифровизации экономики Южной Кореи // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 2. С. 260–284. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

АННОТАЦИЯ

Введение: в настоящее время всеобщая цифровизация способствует активному изменению структуры и устройства экономических систем разных стран. Цифровые преобразования становятся отправной точкой для совершенствования национальных экономик и значимым параметром мирового экономического роста. Стратегические программы в области цифровизации экономики являются ключевыми инициативами для дальнейшего развития Республики Корея. **Цель:** изучение стратегических программ в области цифровизации экономики на примере Республики Корея как страны-лидера в данной сфере, что позволит выявить способы решения проблем, связанных с цифровой трансформацией экономики и сформировать возможные направления реализации стратегических программ для цифровизации российской экономики. **Методы:** сравнительный анализ, исторический подход, метод статистики и динамики, формально-логический метод. **Результаты:** в работе проанализированы условия, в которых разрабатывались и принимались стратегические программы в области цифровизации экономики в Республике Корея, их цели и приоритеты, осуществлено сравнение трех стратегических программ, начиная с 2014 года: “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative”, “I-Korea 4.0” и “Korean New Deal”. **Выводы:** южнокорейские стратегические программы в области цифровизации экономики характеризуются преемственностью, государственным финансированием НИОКР, поддержкой малого и среднего бизнеса, корректировкой приоритетов в ответ на внешние вызовы. Предложены возмож-

ные направления реализации цифровых стратегий для российской экономики: поддержка малого и среднего предпринимательства как основы будущего экономического роста; государственные расходы на НИОКР; последовательная смена стратегических программ в области цифровизации экономики с тем, чтобы обеспечить накопительный эффект по инвестированию в работу с конкретными технологиями и вызывать меньше сопротивления у компаний и населения; использование новых технологий для решения социальных проблем; восстановление экономики и общества в условиях пандемии COVID-19 с учетом экологической повестки.

Ключевые слова: цифровая экономика; Индустрия 4.0; стратегия цифровой экономики; Республика Корея; Корейский новый курс

ВВЕДЕНИЕ

Тренд на цифровизацию экономики влияет на цели и инструменты реализации научно-производственной и инновационной политики многих стран. Возможны различные подходы к принятию цифровой трансформации и выбору направлений (отраслей и сфер) ее более и менее интенсивного осуществления. Такой выбор делается как на микроуровне, когда каждая компания решает надо ли, как и что внедрять, чтобы не быть среди отстающих, так и на макроуровне, когда руководство страны определяет приоритеты и способствует равномерной цифровизации, стараясь не допускать проявления ее негативных последствий (основанная на цифровых технологиях недобросовестная конкуренция, низкий уровень информационной безопасности, риски медленной адаптации рынка труда и др.). В то же время, поскольку цифровизация – это один из этапов инновационного развития, то рассматривать ее нужно в контексте общей инновационной политики страны.

В данной работе проанализирован опыт Республики Корея по стимулированию инновационного развития экономики, прежде всего в части развития цифровых технологий и перехода к Индустрии 4.0. Страна является показательным примером как в силу ее лидерских по инновационному развитию позиций, так и с учетом ее опыта в стимулировании экономического роста.

В 2019 году Республика Корея занимала 13-е место в мире по Индексу глобальной конкурентоспособности¹, в 2020 году – 10-е место по уровню инновационного развития². Страна лидировала на протяжении шести лет в *Bloomberg Innovation Index*³, и только в 2020 году ее обошла Германия, но уже в следующем году она снова заняла первое место в мире⁴. Республика Корея является одним

¹ *The global competitiveness report 2019* / Ed. by K. Schwab [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 2019. P. xiii. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 25.04.2021).

² *Global Innovation Index 2020. Who will finance innovation? 13th ed.* / Ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. 2020. P. xxxii [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2020-report#> (дата обращения: 25.04.2021).

³ *Bloomberg Innovation Index 2019* [Электронный ресурс]. URL: <https://datawrapper.dwcdn.net/3hi4O/2/?abcnewsembedheight=550> (дата обращения: 22.04.2021).

⁴ *Jamrisko M., Lu W., Tanzi A. South Korea leads world in innovation as U.S. exits top ten* [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2021. 3 февр. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-03/south-korea-leads-world-in-innovation-u-s-drops-out-of-top-10> (дата обращения: 29.04.2021).

из ведущих игроков в развитии цифровых технологий с растущим сектором информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (лидер 2020 года⁵), выдающейся цифровой инфраструктурой, почти всеобщим доступом к высокоскоростному Интернету и первым общенациональным внедрением 5G в мире⁶. Однако, несмотря на высокий уровень производительности в ИКТ и других отраслях производства, она уступает другим странам по развитию сферы услуг, включая ИКТ-услуги, на которые приходится значительная доля занятости⁷.

В настоящее время правительство Южной Кореи проводит политику инновационного экономического развития, отмечая важность применения научно-технических достижений, способствуя переходу к устойчивому развитию. Современный набор стратегических программ по поиску новых источников экономического роста, согласованный с концепцией «Корейский новый курс», ориентирован на три ключевых направления: цифровизация, экологичность и социальный аспект (создание рабочих мест). «Корейский новый курс» выступает закономерным этапом развития стратегий Южной Кореи, определить особенности которого можно, сравнив его с уже реализованными либо утвержденными стратегиями инновационного развития, принятыми с начала адаптации в стране концепции Индустрии 4.0. Это и является целью настоящей статьи.

Анализ и сравнение базовых характеристик и целей стратегических программ по цифровизации Южной Кореи позволит выявить закономерности в их разработке и реализации, которые приводят страну к высоким результатам, и на этой основе сформулировать рекомендации для российской экономики.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятия «цифровая экономика», «цифровая трансформация» имеют ряд трактовок и отражаются во многих современных исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов.

Значительное количество исследований направлено на изучение концепции Индустрии 4.0 с точки зрения анализа преимуществ и барьеров ее адаптации (Kagermann et al., 2013, 2016; Kamble et al., 2018; Chauhan et al., 2021; Hoyer et al., 2020; Calabrese et al., 2020). На их основе можно сгруппировать ключевые барьеры по следующим группам:

– стратегические вопросы: отсутствие ясности в отношении преимущества цифровизации и стоимости внедрения, низкая заинтересованность малого и среднего бизнеса (в том числе в силу ограниченных возможностей

⁵ *The global competitiveness report 2020. How countries are performing on the road to recovery. Special ed.* / Ed. by K. Schwab, S. Zahidi [Электронный ресурс] // World Economic Forum: 2020. P. 18. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf (дата обращения: 25.04.2021).

⁶ *OECD economic surveys: Korea. Overview* [Электронный ресурс] // OECD. 2020. P. 35. URL: <https://www.oecd.org/economy/surveys/korea-2020-OECD-economic-survey-overview.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

⁷ *Ibid.* P. 35–36.

инвестирования), необходимость единой и понятной стратегии внедрения Индустрии 4.0, отсутствие благоприятных институциональных условий, поддержки руководством страны инициатив по цифровизации промышленности;

– человеческий капитал: проблемы занятости и безработицы, необходимость адаптации и повышения квалификации, отсутствие требуемых систем управления знаниями;

– технологическое оснащение: отсутствие стандартов и эталонной архитектуры, проблемы совместимости и кибербезопасности, неполнота покрытия высокоскоростного Интернета и ИТ-инфраструктуры;

– вопросы безопасности: кибербезопасность, особенно в контексте построения и применения цифровых двойников, обработка и защита персональных данных потребителей и сотрудников, промышленная безопасность.

На преодоление этих барьеров как в части адаптации Индустрии 4.0, так и цифровизации экономики в целом, направлены усилия экономических субъектов не только на микро, но и макроуровне. В связи с этим проводится сравнительный анализ реализации концепции в разных странах и регионах: Германия (Veile et al., 2020), Южная Корея (Sung, 2018), Евросоюз (Castelo-Branco et al., 2019), Индия (Kamble et al., 2018), России (Юмаев, 2017), Китае (Xu et al., 2018) и др.

Национальные стратегии по цифровизации отражают «общее видение того, как информационные технологии должны использоваться для поддержки социально-экономического развития общества в целом и с акцентом на благосостояние отдельных подгрупп» (Sandoval-Almazan et al., 2017, p. 10). В качестве отдельных подгрупп обычно выделяют социально незащищенные слои населения, а также группы, для которых переход к цифровым технологиям сопряжен с серьезными барьерами и приводит к формированию цифрового разрыва (малый бизнес, возрастные слои населения, географически удаленные регионы со слабо развитой инфраструктурой). Решение вопросов о разработке национальных стратегий цифровизации находит отражение и в научных трудах, включая сравнение стратегий разных стран (Коровкин, 2019; Kuo et al., 2019; Korovkin, 2019; Shafqat and Masood, 2016). В развитие данного направления исследований на примере стратегий Южной Кореи проведено наше исследование.

В рамках исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

– (H1) несмотря на периодическую смену политического руководства Республики Корея в отношении инновационной политики страны сохраняется преемственность в целях и приоритетах развития;

– (H2) важное место в стратегиях цифрового развития страны должно быть удалено ликвидации цифрового неравенства;

– (H3) чеболи продолжают играть ключевую роль в инновационном развитии страны, в стратегиях уделяется значительное внимание созданию для них благоприятных условий.

Для проверки данных гипотез был проведен сравнительный анализ ключевых стратегических программ Республики Корея в отношении цифровой трансформации экономики. В связи с этим в качестве информационной базы в работе используются только программы, вышедшие после 2014 года,

когда в стране был принят курс на адаптацию концепции Индустрии 4.0, а также материалы официальных источников правительства Южной Кореи и статистическая информация профильных министерств. Применялись сравнительный анализ, исторический подход, методы статистики и динамики, формально-логический метод, которые являются качественными методами управленческих исследований, наиболее часто используемыми для получения целостной картины государственной политики в исследуемой области.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как уже было отмечено, Республика Корея активно занимается развитием цифровой экономики, в частности в 2021 году страна наравне с Сингапуром, Гонконгом и США была отнесена к группе лидеров, которые обладают высокой степенью цифровизации экономики, активно инвестируют в разработку инновационных технологий и в создание цифровой инфраструктуры⁸. При этом стоит отметить, что в аналогичном обзоре *Harvard Business Review* за 2017 год Южная Корея была классифицирована как «замедляющаяся страна», имеющая высокую степень цифровизации экономики, но характеризующаяся снижением динамики развития⁹. Улучшение показателей и лидерское положение Южной Кореи обусловлено эффективной политикой в области цифровизации, проводимой последние несколько лет.

Значительную роль в промышленном развитии страны сыграли создание и долговременная поддержка крупных конгломератов (чеболей), однако после Азиатского финансового кризиса конца 1980-х – 1990-х годов правительство осознало, что экономика, опираясь лишь на крупные промышленные конгломераты, чувствительна и особенно подвержена колебаниям рынка. Начиная с этого момента политика постепенно переориентируется на поддержку малых и средних предприятий (далее – МСП), включая их вовлечение в процесс цифровой трансформации и сотрудничество с крупным бизнесом (Park, 2016).

Кроме того, власть крупных фирм сформировала антиконкурентную среду, в которой МСП ограничены в возможностях развития. Это стало причиной проведения экономической реформы, основанной на концепции социальной рыночной экономики и экономической демократизации. Приоритетной целью стал рост доходов среднего класса и усиление антимонопольного регулирования деятельности чеболей. Однако эта политика имела и некоторые недостатки, связанные с тем, что резкое повышение минимальной заработной платы привело к снижению уровня занятости (Kim and Choi, 2019). Вследствие чего корейское правительство начало рассматривать создание новой модели роста, ориентированной на инновационные источники.

⁸ Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R. S. Which economies showed the most digital progress in 2020? [Электронный ресурс] // *Harvard Business Review*. 2020. 18 дек. URL: <https://hbr.org/2020/12/which-economies-showed-the-most-digital-progress-in-2020> (дата обращения: 13.04.2021).

⁹ Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R. S. 60 countries' digital competitiveness, indexed [Электронный ресурс] // *Harvard Business Review*. 2017. 12 июля. URL: <https://hbr.org/2017/07/60-countries-digital-competitiveness-indexed#> (дата обращения: 13.04.2021).

Поскольку основным источником инноваций являются научные исследования и разработки, то Республика Корея сделала акцент на увеличение инвестиций в научно-исследовательскую деятельность, стимулирование НИОКР, а также поддержку МСП.

По данным Статистического института ЮНЕСКО, Южная Корея занимает первое место в мире вместе с Израилем по доле расходов на НИОКР в процентах от ВВП по состоянию на 2019 год¹⁰. Финансирование НИОКР в Республике Корея увеличилось с 2,16 % в 1998 году до 4,8 % в 2018 году, в среднем рост инвестиций составил 4,07 % в год (рис. 1). В целях содействия внедрению принципов Индустрии 4.0 в рамках реализации стратегии «I-Korea 4.0» Министерство торговли, промышленности и энергетики планирует увеличить расходы на НИОКР по таким направлениям, как беспилотные автомобили, Интернет вещей, полупроводники и дисплеи с 30 % от общего бюджета на НИОКР в 2018 году до 50 % к 2022 году¹¹.

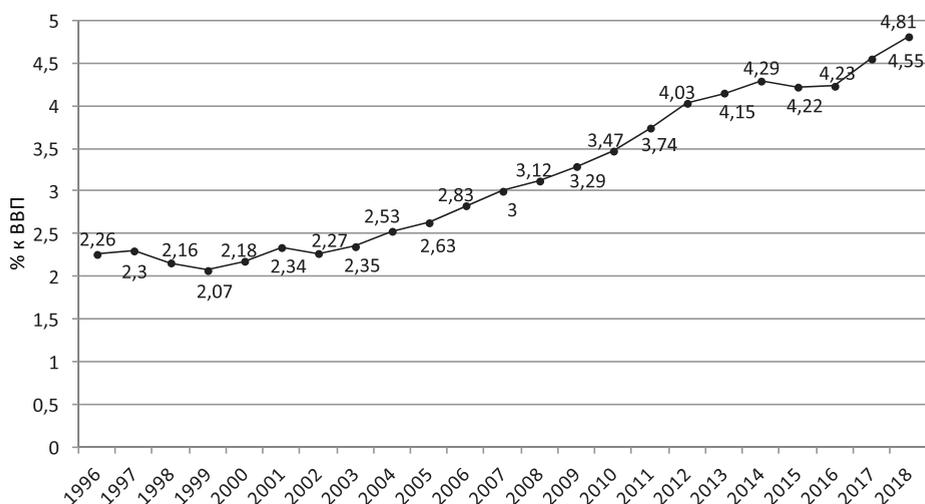

Рис. 1. Расходы на НИОКР в Южной Кореи в период с 1996 по 2018 год, в % к ВВП / Fig. 1. R&D expenditure in South Korea from 1996 to 2018, % of GDP¹²

Правительство поддерживает НИОКР через программу исследований и инноваций в малом бизнесе Кореи (KOSBIR) и гранты на НИОКР для МСП, которые привели к увеличению корпоративных инвестиций в НИОКР,

¹⁰ Новые данные в отношении осуществления ЦУР 9.5: Научные исследования и разработки [Электронный ресурс] // UNESCO. 2019. 21 июня. URL: <https://ru.unesco.org/news/novye-dannye-v-otnoshenii-osushchestvleniya-cur-95-nauchnye-issledovaniya-i-razrabotki> (дата обращения: 28.04.2021).

¹¹ Okeleke K. Advancing digital societies in Asia Pacific: A whole-of-government approach [Электронный ресурс] // GSM Association. 2020. P. 32. URL: <https://www.gsma.com/asia-pacific/wp-content/uploads/2020/11/201031-DigiSoc.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).

¹² Republic of Korea – Research and development expenditure as a share of GDP [Электронный ресурс] // Knoema. URL: <https://knoema.com/atlas/Republic-of-Korea/RandD-expenditure> (дата обращения: 29.04.2021).

регистрации прав интеллектуальной собственности и инвестициям в материальный и человеческий капитал¹³.

Государственная поддержка научных исследований и технологических разработок способствовала возрастанию государственного финансирования науки, активному вовлечению отечественных компаний в инвестирование инновационных проектов, созданию благоприятной среды для привлечения иностранных специалистов для работы над технологическими разработками (Гильманова, 2019, с. 15). В тоже время, как отмечают специалисты (Jones and Kim, 2014), политика инновационного развития требовала доработки, в итоге внутренние и внешние экономические реформы привели к появлению новой стратегии Республики Корея по созданию креативной экономики (Кукла, 2016). Она складывается благодаря внедрению инноваций в МСП и выделению из среднего класса новой социальной группы – креативного класса. Постепенно акцент переместился с формирования креативного класса на развитие человеческого капитала в связке с цифровым и инновационным лидерством.

В настоящее время в Южной Корее применяются передовые инновационные технологии, что является результатом реализуемых правительством программ, основанных на концепции Индустрии 4.0 (рис. 2), под влиянием которой в 2014 году была выдвинута инициатива “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative”, а позже в 2017 году – “I-Korea 4.0” (Piccarozzi et al., 2018). Параллельно в стране действуют программы по формированию и использованию новых источников экономического роста, которые определяют приоритетные для инвестирования отрасли. Основная цель таких программ – дать возможность МСП использовать в своей деятельности инновационные технологии, поскольку большинство таких предприятий не имеют соответствующую вызовам времени оснащенность. Более того, государство стимулирует крупные компании к взаимодействию с МСП, обмену опытом и интеллектуальными производственными технологиями.

Рис. 2. Стратегические инициативы (программы) по развитию цифровой экономики в Южной Корее / Fig. 2. Strategic initiatives (programs) for the digital economy development in South Korea

Выбор в пользу внедрения в корейскую промышленность концепции Индустрии 4.0 был обусловлен рядом причин¹⁴:

- наличие территориально близких конкурентов в сфере ИКТ – Китай и Япония;
- экономика ориентирована на экспорт и опирается на крупные конгломераты;

¹³ OECD economic surveys: Korea... P. 38.

¹⁴ Korea's 2016 Growth Strategy [Электронный ресурс] // The G20 Research Group. 2016. P. 2–9. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/2016-growth-korea.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

- значительные инвестиции в промышленный сектор;
- конкуренция с американскими компаниями в IT-секторе;
- необходимость повышения роли МСП.

На основе указанных причин можно выделить основные движущие силы и вызовы при реализации концепции Индустрии 4.0 (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Индустрия 4.0 в Южной Корее: движущие силы и вызовы /
Industry 4.0 in South Korea: Driving forces and challenges**

Движущие силы	Вызовы
Активное использование и создание новых технологий в условиях конкурентной среды	Низкая прибыльность и высокая конкуренция среди МСП, требующие активных действий со стороны крупных конгломератов
Обеспечение безопасности всего производственного цикла	Нежелание выпускников университетов устроиваться на работу на МСП, предпочитающих получить позицию в крупных компаниях
Уклон на экологичность и энергоэффективность производства	Значительное влияние профсоюзного движения на производственный процесс

Источник: составлено авторами.

Внедрение концепции Индустрии 4.0 охватывает широкий спектр направлений общественной жизни. Президентский комитет по 4-ой Промышленной революции (Presidential Committee on the Fourth Industrial Revolution, PCIFR) обозначил наиболее значимые из них¹⁵:

- создание новых производств на основе интеллектуальных технологий и инноваций и укрепление основных отраслей промышленности;
- улучшение качества жизни населения путем решения наиболее острых социальных проблем;
- создание качественных рабочих мест и укрепление системы социального обеспечения в рамках подготовки к изменениям на рынке труда;
- безопасные интеллектуальные технологии мирового уровня, доступные для всех инновационные технологии.

Президент Мун Чжэ Ин отметил, что концепция Индустрии 4.0 является основной инновационного роста страны¹⁶. Это не только технологические инновации, но и значительные изменения в обществе, включая структуру занятости, образование и социальное обеспечение.

Ниже представлен анализ основных характеристик стратегических инициатив по внедрению цифровых технологий в Южной Корее в период 2014–2020 годов.

¹⁵ *Recommendations to the government for the fourth industrial revolution* [Электронный ресурс] // The Presidential Committee on the Fourth Industrial Revolution. 2019. P. 5–16. URL: [https://www.4th-ir.go.kr/cdn/recommendation\(eng\).pdf](https://www.4th-ir.go.kr/cdn/recommendation(eng).pdf) (дата обращения: 22.04.2021).

¹⁶ *Remarks by President Moon Jae-in at manufacturing renaissance vision declaration ceremony* [Электронный ресурс] // Office of the President. 2019. URL: <https://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Economy/615> (дата обращения: 22.04.2021).

Manufacturing Innovation 3.0 Initiative (2014–2017)

Выделяют пять основных принципов данной инициативы (Wiktorsson et al., 2018, p. 476–477):

- 1) полноценное взаимодействие всех участников рынка (от крупных корпораций до малых предприятий);
- 2) поддержка инициативы среди МСП по внедрению инновационных технологий на своих производствах;
- 3) взаимовыгодное сотрудничество участников рынка в ИТ-сфере;
- 4) гибкость и прозрачность проводимых технологических изменений;
- 5) включение каждого работника компании в процесс инновационного преобразования компании, особенно генеральных директоров.

Целью данной инициативы было обновление производственных технологий и привлечение инвестиций в критически важные технологии (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Основные направления программы «Производственные инновации 3.0» / The main spheres of the “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative” program

Направления	Значение
Умная фабрика (Smart factory)	Автоматизация производства
Умный город (Smart city)	Совершенствование системы городского управления
Региональные инновационные центры (Creative economy innovation centers)	Вклад в развитие информационно-коммуникационных технологий и стимулирование МСП на региональном уровне

Источник: составлено авторами на основе (Kagermann et al., 2016).

Программа “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative” способствовала широкому распространению концепции «умной фабрики», особенно среди МСП. Эта концепция предполагает снижение уровня брака и уменьшение затрат в производственном процессе, эффективное управление запасами. Следует отметить, что в отличие от других стран, в Корее концепция «умных фабрик» реализовывалась в рамках общей программы развития производственных технологий (Kang et al., 2016), включающей восемь приоритетных направлений: киберфизические системы, Интернет вещей, облачные вычисления (облачное производство), большие данные, аддитивное производство (3D-печать), датчики, энергосбережение и дополненную реальность (AR). Несмотря на это, создание «умной фабрики» для МСП шло сложнее, чем для крупного бизнеса, начиная с технических вопросов и достаточности финансирования (Mittal et al., 2018) и заканчивая вопросами оценки эффективности ее применения (Lee et al., 2017).

В соответствии с программой к концу 2020 года предполагалось создание 10 000 «умных фабрик», работающих с использованием новейших цифровых технологий в различных секторах экономики по всей стране. В конце 2018 года Правительство Южной Кореи приняли решение о расширении конечной цели до 30 000 таких фабрик к 2022 году¹⁷. Данное предложение было

¹⁷ Jung S. Korea to build 30 000 smart factories by 2022 to improve SME competitiveness [Электронный ресурс] // BusinessKorea. 2018. 14 дек. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27454> (дата обращения: 03.05.2021).

одобрено в связи с тем, что уже к концу 2018 года в стране насчитывалось 7800 «умных фабрик»¹⁸.

В Республике Корея в рамках программы “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative” предприняли попытку создать город будущего, который входит в состав городского образования Инчхон и называется Сонгдо (Songdo IBD). В городе тестируются и применяются различные технологии «умного дома» и «умного города», тем самым привлекая внимание международных инвесторов к реализации последующих проектов в этом направлении¹⁹. Параллельно ведется разработка еще двух проектов «умных городов» – Кимпхо (Smartopia Gimpo) и Намянджу (NamYangJu 4.0) (Myeong et al., 2021). Первый проект сосредоточился на обеспечении безопасности граждан, предупреждении преступности и оповещении о стихийных бедствиях с помощью таких технологий, как Интернет вещей и большие данные. Второй проект предполагает внедрение внутренних технологических инноваций для решения актуальных политических проблем.

Кроме того, с 2014 года началось строительство региональных инновационных центров, которые создают благоприятную среду для инновационных стартапов в области ИКТ и рассматриваются в качестве основы устойчивого экономического роста (Wiktorsson et al., 2018). Региональные центры реализуют функции, аналогичные технопаркам и бизнес-инкубаторам, помогая стартапам и начинающим предпринимателям найти региональных или международных инвесторов, протестировать продукт и в итоге вывести продукт на внешний или внутренний рынок.

За первые два года существования региональных инновационных центров более 2 000 южнокорейских МСП и более 450 стартапов начали свое сотрудничество с ними, что позволило им привлечь инвестиций на сумму более чем 1,8 млрд долл. (Kagermann et al., 2016). На сегодняшний день в Южной Корее открыто 19 региональных инновационных центров, по одному от провинции или городского образования. Каждый центр имеет специализацию и курируется определенным чеболем, что способствует развитию сетевого взаимодействия и сотрудничества между наукой и бизнесом, обмену знаниями, трансферу и разработке инновационных технологий.

Традиционно кластеры возникают и развиваются в основном в результате правительственных решений и реализации стратегических программ, то есть сверху вниз. Однако в Южной Корее постепенно стал набирать обороты противоположный восходящий подход, когда в основе выбора направлений поддержки лежит подробный анализ потребностей местной промышленности и инициатива определяется на региональном уровне, а не национальном (Shin, 2015, p. 424). Преимущество такого подхода состоит в том, что региональные инновационные центры имеют больше информации о потребностях местного бизнеса, чем Сеул, и лучше разбираются в том, что ему нужно в первую очередь. Однако эта асимметрия в объеме информации между национальными

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Lee S. K., Kwon H. R., Cho H. A. et al. International case studies of smart cities: Songdo, Republic of Korea [Электронный ресурс] // IDB. 2016. URL: <https://publications.iadb.org/en/international-case-studies-smart-cities-songdo-republic-korea> (дата обращения: 03.05.2021).

и региональными властями создает возможности для оппортунистического поведения последних. Сохраняется также проблема ограниченной координации между указанными уровнями власти, что снижает эффективность инновационной системы в части распределения ресурсов в регионах (Shin, 2015, p. 430).

В 2014 году, до начала реализации программы “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative”, проводился опрос МСП; только 57 % респондентов отмечали важность применения инновационных технологий в производственном процессе, а в 2016 году таких было уже 86 % (Moon et al., 2018, p. 57). Впоследствии эта программа была замещена новой инициативой “I-Korea 4.0”, в которой правительство продолжило политику на внедрение новейших технологий и реализацию проектов финансовой поддержки МСП.

I-Korea 4.0 (2017–2022)

В июле 2017 года Правительство Южной Кореи представило пятилетний план управления государственными делами, обозначив 100 наиболее важных политических задач²⁰. В концепции этого плана выделяются пять основных направлений, одним из которых является создание экономики всеобщего процветания. В контексте данного направления были сформулированы установки по подготовке к 4-ой промышленной революции с помощью развития и внедрения инновационных технологий, а также поддержки креативных идей и стартапов в коллаборации с МСП.

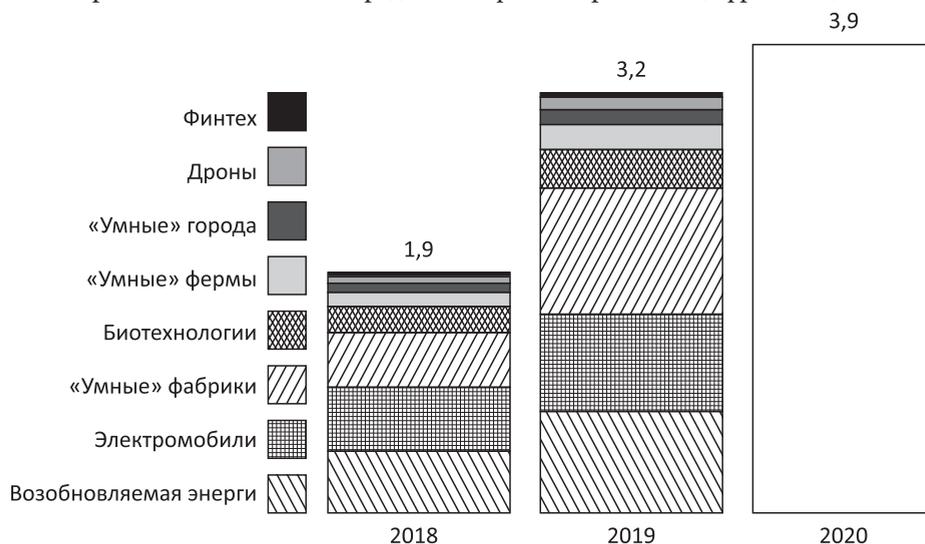
Чтобы сделать планы правительства более доступными для населения, администрация президента Мун Чжэ Ина разработала термин “I-Korea 4.0” и концепцию его популяризации. “I-Korea 4.0” – стратегическая программа, направленная на то, чтобы привести страну в новую цифровую эру, и один из ключевых политических проектов, в котором делается акцент на взаимодействие власти, конгломератов, МСП в таких областях, как цифровая инфраструктура, 5G, интеллектуальная мобильность, конвергенция сферы услуг и промышленного производства. Особое внимание в новой программе уделено двум технологиям: «умный город» и инновационные медицинские препараты, каждую из которых курирует правительственный подкомитет.

В 2018 году для поддержки инновационных секторов южнокорейской экономики, представленных в пятилетней программе развития «Инновационные движущие силы» (Innovation Growth Engine), была утверждена «Программа инновационной платформы» (Innovative Platform Programme), предполагающая дальнейшее стимулирование развития инноваций и создание необходимой цифровой инфраструктуры платформенного типа для внедрения новейших технологий. Программа фокусируется на трех основных направлениях инвестиций: экономика данных, искусственный интеллект, водородная экономика. В дополнение к этому уделяется внимание развитию человеческого капитала.

По данным Министерства экономики и финансов Южной Кореи (MEF), Правительство планировало в 2020 году профинансировать сферу инновацион-

²⁰ 100 policy tasks. Five-year plan of the Moon Jae-in administration [Электронный ресурс] // Office of the President. 2017. 17 авг. URL: <https://english1.president.go.kr/dn/5af107425ff0d> (дата обращения: 21.04.2021).

ных технологий (5G, искусственный интеллект, цифровые двойники) на 3,9 млрд долл.²¹, что почти в 1,5 раза превышает размер инвестиций 2019 года (рис. 3). Приоритетными отраслями для финансирования НИОКР являются возобновляемые источники энергии, «умные фабрики» и электромобили. Более того, в бюджете страны также заложены средства на финансирование цифровизации МСП.

Примечание: за 2020 год нет данных по распределению финансирования по отраслям.

Рис. 3. Доли финансирования ведущих технологий и отраслей промышленности в бюджете Республики Корея (в млрд долл.) / Fig. 3. The share of financing for leading technologies and industries in the budget of the Republic of Korea (in billions of dollars)²²

Таким образом, акцент в стратегии “I-Korea 4.0” сместился от простой поддержки МСП к стимулированию их взаимодействия с властью и конгломератами в целях реализации инициатив по таким направлениям, как цифровая инфраструктура, 5G и промышленное производство²³.

В 2020 году Южная Корея заняла первое место в рейтинге цифровизации промышленности *BloombergNEF*, поднявшись с 3-го места в 2019 году и уступая тогда Германии и Сингапуру²⁴. В данном рейтинге страны ранжируются в соответствии с текущим уровнем цифровой трансформации производства исходя из таких

²¹ *South Korea's budget puts \$3.9 billion into Industry 4.0* [Электронный ресурс] // *BloombergNEF*. 2019. 27 авг. URL: <https://about.newenergyfinance.com/blog/south-koreas-budget-puts-3-9-billion-industry-4-0/> (дата обращения: 28.04.2021).

²² *Ibidem*.

²³ *ICDK Outlook: I-Korea 4.0: Innovation initiatives in smart cities and healthcare* [Электронный ресурс] // Danish Agency for Science and Higher Education. 2019. 1 мая. URL: <https://ufm.dk/publikationer/2019/icdk-outlook-rapport-i-korea-4-0-innovation-initiatives-in-smart-cities-and-healthcare> (дата обращения: 04.05.2021).

²⁴ *South Korea, Singapore, Germany lead BNEF Ranking of top digitalization markets* [Электронный ресурс] // *BloombergNEF*. 2020. 24 сент. URL: <https://about.bnef.com/blog/south-korea-singapore-germany-lead-bnef-ranking-of-top-digitalization-markets/> (дата обращения: 05.05.2021).

показателей, как инвестиционная привлекательность, уровень квалификации рабочей силы и применяемые технологии. Лидерская позиция Южной Кореи стала результатом тех политических инициатив, в которых приоритетными областями развития определены цифровизация и экологические технологии.

Korean New Deal (2020–2025)

«Корейский новый курс» (Korean New Deal) был представлен в июле 2020 года в качестве стратегической программы, основной идеей которой является восстановление экономики от последствий коронакризиса. Она фокусируется на цифровых проектах, которые обеспечивают большую синергию с частными инвестициями и позволяют создавать рабочие места и включает три направления деятельности²⁵ (рис. 4):

– Цифровой новый курс стремится реализовать цифровой потенциал Южной Кореи и укрепить конкурентоспособные преимущества в области информационно-коммуникационных технологий. Правительство планирует построить крупномасштабную инфраструктуру ИКТ для повышения уровня распространения искусственного интеллекта, 5G и Интернета вещей.

– Зеленый новый курс предполагает переход к низкоуглеродной, а в дальнейшем «безуглеродной» экономике, повышение использования возобновляемых источников энергии и снижение выбросов парниковых газов до минимума.

– Социально ориентированный новый курс – развитие идеи о важности человеческого капитала, особенно в условиях цифрового неравенства, включая меры по защите людей и секторов, которым грозит более высокий риск остаться в стороне в процессе экономического перехода.

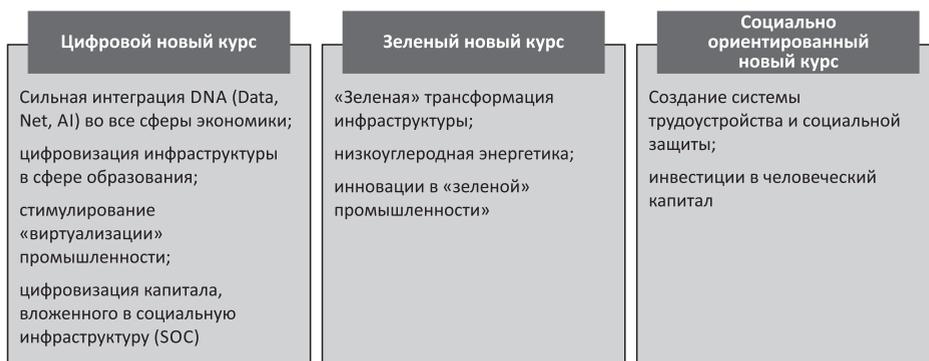

Рис. 4. Ключевые направления проектов в рамках стратегической программы «Корейский новый курс» / Fig. 4. Key projects' areas under the "Korean New Deal" strategic program²⁶

²⁵ Government announces overview of Korean New Deal [Электронный ресурс] // Ministry of Economy and Finance. 2020. 14 июля. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4940> (дата обращения: 05.05.2021).

²⁶ Korean New Deal. National strategy for a great transformation [Электронный ресурс] // Government of the Republic of Korea. 2020. P. 10. URL: <https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/> (дата обращения: 02.05.2021).

Правительство также представило 28 ключевых проектов в рамках трех указанных направлений, с помощью которых будут создаваться новые отрасли промышленности, рабочие места, а также обеспечиваться сбалансированное региональное развитие.

Для каждого направления сформированы ожидаемые результаты, основные из которых приведены в табл. 3. Следует отметить их взаимосвязанность, что свидетельствует о комплексном подходе при реализации программы, когда при создании и внедрении технологий «умного города» учитываются экологическая повестка и социальная направленность политики.

Таблица 3 / Table 3

Ожидаемые результаты ключевых направлений стратегической программы «Корейский новый курс» / Expected results of the key areas of the “Korean New Deal” strategic program

Направление стратегии	Цифровой новый курс	Зеленый новый курс	Усиление системы социальной защиты
Ожидаемые результаты	Создание 18 «умных больниц»; оцифровка 80 % государственных услуг; создание «умных городов» и «умных промышленных комплексов»	Преобразование городов в 25 регионах в экологически чистые; реконструкция 225 000 жилых домов для сдачи в аренду, 440 общественных детских садов и 1148 объектов культуры в энергоэффективные; появление на дорогах около 1,5 млн электромобилей и автомобилей на водородном топливе	Утверждение программы страхования занятости; подготовка около 120 000 специалистов в области искусственного интеллекта и зеленой промышленности; доступность Интернета во всех сельских регионах страны

Источник: составлено авторами по данным Government of the Republic of Korea²⁷.

Вариации «Зеленого нового курса» существуют в развитых странах, включая США и Евросоюз уже много лет, однако корейская программа в отличие от них возникла как прямой ответ на пандемию COVID-19. Впрочем, в Корее более 10 лет реализовывалась стратегия «зеленого роста», однако переход к новой программе означает усиление экологических аспектов в государственной политике и введение более радикальных требований к соблюдению «зеленого» производства (Lee and Woo, 2020).

Помимо этого, планируется расширение инвестирования в цифровизацию с целью сокращения разрыва между МСП и чеболями, который сейчас выражается в нехватке у первых квалифицированных работников и ограничении доступа

²⁷ Ibid. P. 18–35.

к инновационным технологиям²⁸. Южнокорейское правительство, учитывая, что к МСП относится 99 % компаний страны, в которых занято около 83 % населения²⁹, нацелено на поддержку отечественных МСП и стартапов, так как видит в них источники роста конкурентоспособности страны³⁰.

Как заявил президент Мун Чжэ Ин, программа «Корейский новый курс» заложит необходимый фундамент для дальнейшего развития страны на ближайшие 100 лет³¹. Таким образом, формируется институциональная основа для дальнейшего развития цифровой и зеленой экономики.

С целью выявить тенденции и преемственность в разработке стратегических программ мы сравнили их базовые характеристики (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Сравнение стратегических программ по цифровизации Южной Кореи / Comparison of South Korea's strategic programs for digitalization

Программа	Manufacturing Innovation 3.0 Initiative	I-Korea 4.0	Korean New Deal
Период	2014–2017	2017–2022	2020–2025
Причина разработки программы	Разрешение экономических и социальных проблем в обрабатывающей промышленности	Установление нового курса в области цифровизации экономики после победы на выборах либерально-демократической партии Южной Кореи	Преодоление последствий коронакризиса и ускорение цифровизации экономики страны
Основные цели и приоритеты	Создание «умных фабрик»; инновационное развитие промышленной инфраструктуры; государственная поддержка бизнеса в области НИОКР	Правительство для народа: прозрачность, демократическое реформирование; экономика для взаимного процветания: содействие развитию науки и техники, инвестирование в цифровые технологии, поддержка инновационного развития МСП; ответственность за каждого человека: установление инклюзивного роста и повышение уровня благосостояния, создание безопасного и справедливого общества; гармоничное развитие регионов; процветание Корейского полуострова	DNA Ecosystem – интеграция больших данных, 5G и искусственного интеллекта; «зеленое» экономическое развитие; снижение зависимости экономики от чехолей и усиление позиций МСП; становление ориентированной на людей и инклюзивной экономики (сокращения уровня безработицы, инвестирование в человеческий капитал)

²⁸ Schwak J., Frassinetti F. Unlocking the potential of start-ups: South Korea's efforts to curb the dominance of chaebol [Электронный ресурс] // ISPI. 2021. 19 апр. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/unlocking-potential-start-ups-south-koreas-efforts-curb-dominance-chaebol-30034> (дата обращения: 05.05.2021).

²⁹ Status of Korean SMEs [Электронный ресурс] // Ministry of SMEs and Startups. URL: <https://www.mss.go.kr/site/eng/02/2020200000002019110610.jsp> (дата обращения: 02.05.2021).

³⁰ Schwak J., Frassinetti F. Op. cit.

³¹ Korean New Deal...

Программа	Manufacturing Innovation 3.0 Initiative	I-Korea 4.0	Korean New Deal
Приоритетные отрасли и объекты политики	Обработывающая промышленность	Цифровая инфраструктура; промышленное производство	МСП; зеленая инфраструктура; социальная сфера
Объем финансирования	1 трлн. вон (892 млн долл.)	Точный объем неизвестен. Инвестиции в R&D-сектор – 2,2 трлн вон (1,9 млрд долл.), создание инновационного венчурного фонда – 10 трлн вон (8,9 млрд долл.)	160 трлн. вон (133 млрд долл.)
Ответственное министерство	Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE)	Министерство науки и ИКТ (MSIT)	Министерство экономики и финансов (MOEF) в сотрудничестве с Министерством науки и ИКТ (MSIT), Министерством торговли, промышленности и энергетики (MOTIE), Министерством образования (MOE)

Источник: составлено авторами.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ стратегических программ Южной Кореи позволяет отметить следующие характеристики, присущие южнокорейской инновационной политике:

1. Стратегии развития отличаются преемственностью и постепенной сменой приоритетов, обусловленных внешними вызовами: в 2014 году – это решение проблем в промышленности, в 2017 году – цифровая повестка, а сейчас – последствия пандемии COVID-19, приводящей к повышению внимания к устойчивому развитию и социальным проблемам.

2. Политика Кореи постепенно смещается в сторону устойчивого развития, что можно увидеть уже во второй программе “I-Korea 4.0”, в которой среди приоритетов значатся установление инклюзивного роста, повышение уровня благосостояния и гармоничное развитие регионов.

3. В каждой программе сохраняется ориентация на поддержку инноваций и НИОКР, что выражается в растущих объемах государственного финансирования.

4. Набор ключевых цифровых технологий немного корректируется, но в целом сохраняется акцент на перечне технологий, выбранных еще в 2014 году, что способствует постепенному формированию требуемых компетенций у всех участников инновационного развития страны.

5. Поддержка МСП претерпевает трансформацию – от точечного стимулирования их развития и ограничения антиконкурентного влияния чеболей до выстраивания взаимодействия с крупным бизнесом и государством.

6. Менялись министерства, ответственные за реализацию стратегических программ, диктуемые мировыми тенденциями развития промышленности, затем инноваций и, наконец, экосистемного подхода. «Корейский новый курс» нацелен на взаимодействие отдельных направлений и отраслей, поэтому реализуется разными министерствами. Это может привести, с одной стороны, к синергетическому эффекту, когда развитие происходит с учетом разных аспектов общественной жизни и не приводит к ущербу по одному из них, как это было в XX веке при активном промышленном развитии без учета экологических последствий, с другой – к рискам несогласованности действий при реализации стратегической программы.

В условиях пандемии и ее последствий Республика Корея стремится перестроить свою экономику, активизируя конвергенцию новых и старых отраслей промышленности и создавая больше рабочих мест с помощью мер экономического стимулирования, объединенных в «Корейском новом курсе». При его реализации должны быть учтены те препятствия, с которыми сталкивалась страна в предшествующие годы. Наибольшую трудность представляли неопределенность результатов инвестиционных проектов, недостаточный уровень цифровой грамотности населения и слабое сотрудничество компаний, из-за чего возникала неосведомленность компаний о возможностях использования инновационных технологий в производственном процессе. Кроме того, не потеряла актуальности и классическая проблема южнокорейской экономики – значительный перевес крупных корпораций в промышленном производстве по сравнению с МСП³². Отставание небольших компаний от чеболей также обусловлено морально устаревшим оборудованием и нехваткой инвестиций для перехода к новым технологиям. Сказывается недостаток квалифицированных работников, способных и готовых применять инновации на практике. При реализации концепции «умной фабрики» меняется роль работника, что требует осуществления переподготовки кадров, обучения новых работников основам нового технологического процесса.

Кроме того, быстрое технологическое развитие влечет за собой такие проблемы, как кибербезопасность, которая имеет решающее значение для обеспечения доверия к экономическим реформам и благополучия. Южная Корея занимает второе место в ОЭСР по доле интернет-пользователей, сталкивающихся с нарушениями конфиденциальности. Требуется сократить разрыв в цифровых навыках между поколениями, который является самым высоким среди стран ОЭСР³³ и усиливает социальное неравенство. Усугубляет эту ситуацию пандемия COVID-19, которая способствовала переходу к «бесконтактной» экономике с удаленной работой и многими услугами, предостав-

³² Манди С. Южная Корея использует холдинги-чеболи для поддержки малого бизнеса [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 2 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/07/03/599080-yuzhnaya-koreya-ispolzuet-holdingi-cheboli-dlya-podderzhki-malogo-biznesa> (дата обращения: 01.05.2021).

³³ OECD economic surveys: Korea... P. 12.

ляемыми через онлайн-платформы для ограничения физического контакта. Все это может быть недоступно для части населения страны в силу недостатка компетенций, особенно среди пожилых работников и МСП.

Кроме того, одним из барьеров внедрения инноваций в разных сферах является строгое регулирование рынка, как в части антимонопольного законодательства в отношении интеллектуальной собственности, так и в части тестирования новых бизнес-идей. Одним из вариантов решения стали регуляторные песочницы, позволяющие компаниям, работающим в новых технологиях и новых отраслях, тестировать свои продукты и бизнес-модели без соблюдения всех требований законодательства до момента массового выхода на рынок.

Указанные проблемы во многом привели к необходимости принятия стратегии «Корейский новый курс», которая носит социально-ориентированный характер и нацелена на устойчивое развитие экономики за счет развития МСП, применения зеленых технологий и ликвидации цифрового неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республика Корея является одним из лидеров цифрового развития и во многом это результат проводимой инновационной политики. По итогам анализа трех стратегий были выявлены закономерности, среди которых преемственность программ, стимулирование инноваций, поддержка МСП как основы будущего экономического роста, корректировка стратегий в ответ на внешние вызовы, учет социальных вопросов.

В результате исследования полностью подтверждена гипотеза Н1 о преемственности стратегий инновационной политики. Гипотеза Н2 о ликвидации цифрового неравенства справедлива лишь для стратегической программы «Корейский новый курс», но ее полное подтверждение возможно только по прошествии времени с начала ее реализации. Третья гипотеза Н3 частично опровергнута: несмотря на важную роль чеболей, правительство осуществляет меры по ограничению их антиконкурентного влияния на МСП. В то же время они продолжают быть источниками инноваций, а власти предпринимают попытки организовать их взаимодействие с МСП.

По итогам анализа стратегических программ Южной Кореи можно сделать следующие выводы, актуальные для российской экономики:

- поддержка МСП как возможного источника экономического роста должна осуществляться не обособленно, а с организацией взаимодействия с крупным бизнесом;

- государственные расходы на НИОКР являются необходимым условием для стимулирования инноваций, в том числе и в частном секторе;

- смена стратегий инновационного развития должна быть последовательной, чтобы обеспечить накопительный эффект по инвестированию в работу с конкретными технологиями и вызывать меньше сопротивления у компаний и населения. Преемственность в южнокорейской политике отражается в продолжении и совершенствовании ранее запущенных инициатив, как, например, развитие «умного города», начатое в 2014 году в «Manufacturing Innovation

3.0 Initiative” и вошедшее и в «Корейский новый курс» с учетом достигнутых результатов и с уклоном на зеленые технологии;

– стратегия по развитию цифровой экономики не должна ограничиваться только технологическими вопросами и может включать использование новых технологий для решения социальных проблем;

– стратегия инновационного развития должна отвечать на новые вызовы и в настоящий момент – это восстановление экономики и общества в условиях пандемии COVID-19, при этом процесс восстановления должен учитывать и экологическую повестку. Устойчивое развитие является ключевым приоритетом в стратегиях многих стран и может послужить основой для международного сотрудничества.

Таким образом, Республика Корея является примером страны, которая в рамках национальной стратегии по цифровизации старается учесть комплексность данного явления и не допустить негативных последствий для незащищенных слоев населения и экологии, что должно быть учтено и в стратегических документах других государств.

В данной работе были рассмотрены только базовые характеристики трех стратегических программ, в связи с чем дальнейшие исследования могут быть расширены по следующим направлениям: детальный анализ итогов реализации программ; анализ подпрограмм по каждой стратегической программе; межстрановое сравнение.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

Гильманова Д. Р. Феномен «азиатских тигров»: анализ современных тенденций экономического развития // Экономика и парадигма нового времени. 2019. № 4. С. 10–17.

Коровкин В. В. Национальные программы цифровой экономики стран Ближнего Востока // *Ars Administrandi*. 2019. Т. 11, № 1. С. 151–175. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-151-175.

Кукла М. П. Политика по созданию креативной экономики в Южной Корее // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 2. С. 148–151.

Юмаев Е. А. Инновационно-промышленная политика в свете перехода к индустрии 4.0: зарубежные тенденции и вызовы для России // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 181–185.

Calabrese A., Dora M., Ghiron N. L. et al. Industry's 4.0 transformation process: How to start, where to aim, what to be aware of // *Production Planning and Control*. 2020. DOI: 10.1080/09537287.2020.1830315.

Castelo-Branco I., Cruz-Jesus F., Oliveira T. Assessing Industry 4.0 readiness in manufacturing: Evidence for the European Union // *Computers in Industry*. 2019. Vol. 107. P. 22–32. DOI: 10.1016/j.compind.2019.01.007.

Chauhan C., Singh A., Luthra S. Barriers to Industry 4.0 adoption and its performance implications: An empirical investigation of emerging economy // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 285. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.124809.

Hoyer C., Gunawan I., Reaiche C. H. The implementation of Industry 4.0 – A systematic literature review of the key factors // *Systems Research and Behavioral Science*. 2020. Vol. 37, № 4. P. 557–578. DOI: 10.1002/sres.2701.

Industrie 4.0 in a global context: Strategies for cooperating with international partners) / Ed. by H. Kagermann, R. Anderl, J. Gausemeier et al. Munich: Herbert Utz Verlag, 2016. 74 p.

Jones R., Kim M. Fostering a creative economy to drive Korean growth // *OECD Economics Department Working Papers*. . 2014. № 1152. 38 p. DOI: 10.1787/5jz0wh8xkrf6-en.

Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0 / Final report of the Industrie 4.0 Working Group. München: National Academy of Science and Engineering, 2013. 82 p.

Kamble S. S., Gunasekaran A., Sharma R. Analysis of the driving and dependence power of barriers to adopt Industry 4.0 in Indian manufacturing industry // *Computers in Industry*. 2018. Vol. 101. P. 107–119. DOI: 10.1016/j.compind.2018.06.004.

Kang H. S., Lee J. Y., Choi S. et al. Smart manufacturing: Past research, present findings, and future directions // *International Journal of Precision Engineering and Manufacturing-Green Technology*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 111–128. DOI: 10.1007/s40684-016-0015-5.

Kim S. S., Choi Y. S. The innovative platform programme in South Korea: Economic policies in innovation-driven growth // *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13, № 3. P. 13–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.13.22.

Korovkin V. National digital economy strategies: A survey of Africa // *ORF Issue Brief*. 2019. № 303. 12 p.

Kuo C. C., Shyu J. Z., Ding K. Industrial revitalization via Industry 4.0 – A comparative policy analysis among China, Germany and the USA // *Global Transitions*. 2019. Vol. 1. P. 3–14.

Lee J. H., Woo J. Green new deal policy of South Korea: Policy innovation for a sustainability transition // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, № 23. DOI: 10.3390/su122310191.

Lee J., Jun S., Chang T.-W. et al. A smartness assessment framework for smart factories using analytic network process // *Sustainability*. 2017. Vol. 9, № 5. P. 794–809. DOI: 10.3390/su9050794.

Mittal S., Khan M. A., Romero D. et al. A critical review of smart manufacturing & Industry 4.0 maturity models: Implications for small and medium-sized enterprises (SMEs) // *Journal of Manufacturing Systems*. 2018. Vol. 49. P. 194–214. DOI: 10.1016/j.jmsy.2018.10.005.

Moon H. C., Chung J. E., Choi S. B. Korea's Manufacturing Innovation 3.0 Initiative // *Journal of Information and Management*. 2018. Vol. 38, № 1. P. 26–34. DOI: 10.20627/jsim.38.1_26.

Myeong S., Kim Y., Ahn M. J. Smart city strategies – Technology push or culture pull? A case study exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea // *Smart Cities*. 2021. № 4. P. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.3390/smartcities4010003>.

Park S. Development of innovative strategies for the Korean manufacturing industry by use of the Connected Smart Factory (CSF) // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 91. P. 744–750. DOI: 10.1016/j.procs.2016.07.067.

Piccarozzi M., Aquilani B., Gatti C. Industry 4.0 in management studies: A systematic literature review // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 10. P. 3821. DOI: 10.3390/su10103821.

Sandoval-Almazán R., Luna-Reyes L. F., Luna-Reyes D. E. et al. Building digital government strategies: Principles and practices. Cham: Springer, 2017. 131 p. DOI: 10.1007/978-3-319-60348-3.

Shafqat N., Masood A. Comparative analysis of various national cyber security strategies // *International Journal of Computer Science and Information Security*. 2016. Vol. 14, № 1. P. 129–136.

Shin S. Regional research and technology organization and some challenges in Korea // *Regional Studies, Regional Science*. 2015. Vol. 2, № 1. P. 424–430. DOI: 10.1080/21681376.2015.1066707.

Sung T. K. Industry 4.0: A Korea perspective // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 132. P. 40–45. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.005.

Veile J. W., Kiel D., Müller J. et al. Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2020. Vol. 31, № 5. P. 977–997. DOI: 10.1108/JMTM-08-2018-0270.

Wiktorsson M., Noh S. D., Bellgran M. et al. Smart factories: South Korean and Swedish examples on manufacturing settings // *Procedia Manufacturing*. 2018. Vol. 25. P. 471–478. DOI: 10.1016/j.promfg.2018.06.128.

Xu L. D., Xu E. L., Li L. Industry 4.0: State of the art and future trends // *International Journal of Production Research*. 2018. Vol. 56, № 8. P. 1–22. DOI: 10.1080/00207543.2018.1444806.

Информация об авторах

Шпакова Анастасия Андреевна – младший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования Института прикладных экономических исследований ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82; заведующая докторантурой и аспирантурой экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0003-1467-5220

ResearcherID: W-1623-2019

Электронный адрес: aa-shpakova@mail.ru

Горюнова Софья Алексеевна – бакалавр специальности «Экономика» экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-5799-9789

ResearcherID: AAO-8825-2021

Электронный адрес: sony.gorunova@gmail.com

Статья получена редакцией 11 мая 2021 года

Принята к печати 31 мая 2021 года

UDC 338.23

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284

STRATEGIC PROGRAMS FOR DIGITALIZING THE ECONOMY OF SOUTH KOREA

Anastasia A. Shpakova

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, 82 Vernadsky ave.,

Moscow, 119571, Russia

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory,

Moscow, 119234, Russia

ORCID: 0000-0003-1467-5220

ResearcherID: W-1623-2019

E-mail: aa-shpakova@mail.ru

Sofia A. Goriunova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory,

Moscow, 119234, Russia

ORCID: 0000-0002-5799-9789

ResearcherID: AAO-8825-2021

E-mail: sony.gorunova@gmail.com

For citation:

Shpakova, A. A. and Goriunova, S. A. (2021), "Strategic programs for digitalizing the economy of South Korea", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 2, pp. 260–284, doi: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Abstract

Introduction: currently, global digitalization contributes to an active change in the structure of the economic systems of different countries. Digital transformation is becoming a starting point for improving national economies and a significant parameter of the global growth. Strategic programs for digitalizing the economy are key initiatives for the further development of the Republic of Korea. **Objectives:** to define the key strategic programs for digitalizing the economy on the example of the Republic of Korea, as a country-leader in this field, this will help to detect ways to tackle problems related to the digital transformation of the economy and to offer possible directions for the implementation of digital strategies for the Russian

economy. **Methods:** comparative analysis; historical approach, statics and dynamics method, formal-logical method. **Results:** the article analyzed the conditions in which strategic programs for digitalizing the economy were developed and adopted, their goals and priorities, was compared three strategic programs for digitalizing the economy since 2014: “Manufacturing Innovation 3.0 Initiative”, “I-Korea 4.0” и “Korean New Deal”. **Conclusions:** South Korea’s strategic programs for digitalizing the economy are characterized by continuity, state funding for R&D, support for small and medium-sized business, adjusting priorities in response to external challenges. Possible directions for the implementation of digital strategies for the Russian economy were offered: support for small and medium-sized business as the basis for future economic growth; government spending on R&D; consistent change strategic programs for digitalizing the economy in order to provide a cumulative effect on investment in working with specific technologies and less resistance from companies and the public; the use of new technologies to solve social problems; economic and social recovery in the context of the COVID-19 pandemic, taking into account the environmental agenda.

Keywords: digital economy; Industry 4.0; strategic initiatives; Republic of Korea; Korean New Deal

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was written based on the RANEPА state assignment research program.

References

- Gilmanova, D. R. (2019), “The phenomenon of the “Asian tigers”: Analysis of current trends in economic development”, *Economics and the paradigm of the new time*, no. 4, pp. 10–17.
- Korovkin, V. V. (2019), “National digital economy programs of the middle east countries”, *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 1, pp. 151–175, doi: 10.17072/2218-9173-2019-1-151-175.
- Kukla, M. P. (2016), “Creative economy policy in South Korea”, *ASR: Economics and Management*, vol. 5, no. 2, pp. 148–151.
- Yumaev, E. A. (2017) “Innovation and industrial policy in the light of the transition to Industry 4.0: Foreign trends and challenges for Russia”, *Russian Journal of Economic Theory*, no. 2, pp. 181–185.
- Calabrese, A., Dora, M., Ghiron, N. L. et al. (2020), “Industry’s 4.0 transformation process: How to start, where to aim, what to be aware of”, *Production Planning and Control*, doi: 10.1080/09537287.2020.1830315.
- Castelo-Branco, I., Cruz-Jesus, F. and Oliveira, T. (2019) “Assessing Industry 4.0 readiness in manufacturing: Evidence for the European Union”, *Computers in Industry*, vol. 107, pp. 22–32, doi: 10.1016/j.compind.2019.01.007.
- Chauhan, C., Singh, A. and Luthra, S. (2021), “Barriers to Industry 4.0 adoption and its performance implications: An empirical investigation of emerging economy”, *Journal of Cleaner Production*, vol. 285, doi: 10.1016/j.jclepro.2020.124809.

Hoyer, C., Gunawan, I. and Reaiche, C. H. (2020), “The implementation of Industry 4.0 – A systematic literature review of the key factors”, *Systems Research and Behavioral Science*, vol. 37, no. 4, pp. 557–578, doi: 10.1002/sres.2701.

Kagermann, H., Anderl, R., Gausemeier, J. et al. (eds.) (2016), *Industrie 4.0 in a global context: Strategies for cooperating with international partners*, Herbert Utz Verlag, Munich, Germany.

Jones, R. and Kim, M. (2014), “Fostering a creative economy to drive Korean growth”, *OECD Economics Department Working Papers*, no. 1152, 38 p., doi: 10.1787/5jz0wh8xkrf6-en.

Kagermann, H., Wahlster, W. and Helbig, J. (2013), *Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0 – securing the future of German manufacturing industry*, Final report of the Industrie 4.0 Working Group, National Academy of Science and Engineering, München, Germany.

Kamble, S. S., Gunasekaran, A. and Sharma, R. (2018), “Analysis of the driving and dependence power of barriers to adopt Industry 4.0 in Indian manufacturing industry”, *Computers in Industry*, vol. 101, pp. 107–119, doi: 10.1016/j.comind.2018.06.004.

Kang, H. S., Lee, J. Y., Choi, S. et al. (2016), “Smart manufacturing: Past research, present findings, and future directions”, *International Journal of Precision Engineering and Manufacturing-Green Technology*, vol. 3, no. 1, pp. 111–128, doi: 10.1007/s40684-016-0015-5.

Kim, S. S. and Choi, Y. S. (2019), “The innovative platform programme in South Korea: Economic policies in innovation-driven growth”, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 3, pp. 13–22, doi: 10.17323/2500-2597.2019.3.13.22.

Korovkin, V. (2019), “National digital economy strategies: A survey of Africa”, *ORF Issue Brief*, no. 303, 12 p.

Kuo, C. C., Shyu, J. Z. and Ding, K. (2019), “Industrial revitalization via Industry 4.0 – A comparative policy analysis among China, Germany and the USA”, *Global Transitions*, vol. 1, pp. 3–14.

Lee, J. H. and Woo, J. (2020), “Green new deal policy of South Korea: Policy innovation for a sustainability transition”, *Sustainability*, vol. 12, no. 23, doi: 10.3390/su122310191.

Lee, J., Jun, S., Chang, T.-W. et al. (2017), “A smartness assessment framework for smart factories using analytic network process”, *Sustainability*, vol. 9, no. 5, pp. 794–809, doi: 10.3390/su9050794.

Mittal, S., Khan, M. A., Romero, D. et al. (2018), “A critical review of smart manufacturing & Industry 4.0 maturity models: Implications for small and medium-sized enterprises (SMEs)”, *Journal of Manufacturing Systems*, vol. 49, pp. 194–214, doi: 10.1016/j.jmsy.2018.10.005.

Moon, H. C., Chung, J. E. and Choi, S. B. (2018), “Korea’s Manufacturing Innovation 3.0 Initiative”, *Journal of Information and Management*, vol. 38, no. 1, pp. 26–34, doi: 10.20627/jsim.38.1_26.

Myeong, S., Kim, Y. and Ahn, M. J. (2021), “Smart city strategies – Technology push or culture pull? A case study exploration of Gimpo and Namyangju, South Korea”, *Smart Cities*, no. 4, pp. 41–53, doi: <https://doi.org/10.3390/smartcities4010003>.

Park, S. (2016), “Development of innovative strategies for the Korean manufacturing industry by use of the Connected Smart Factory (CSF)”, *Procedia Computer Science*, vol. 91, pp. 744–750, doi: 10.1016/j.procs.2016.07.067.

Piccarozzi, M., Aquilani, B. and Gatti, C. (2018), “Industry 4.0 in management studies: A systematic literature review”, *Sustainability*, vol. 10, no. 10, p. 3821, doi: 10.3390/su10103821.

Sandoval-Almazán, R., Luna-Reyes, L. F., Luna-Reyes, D. E. et al. (2017), *Building digital government strategies: Principles and practices*, Springer, Cham, Switzerland, doi: 10.1007/978-3-319-60348-3.

Shafqat, N. and Masood, A. (2016), “Comparative analysis of various national cyber security strategies”, *International Journal of Computer Science and Information Security*, vol. 14, no. 1, pp. 129–136.

Shin, S. (2015), “Regional research and technology organization and some challenges in Korea”, *Regional Studies, Regional Science*, vol. 2, no. 1, pp. 424–430, doi: 10.1080/21681376.2015.1066707

Sung, T. K. (2018), “Industry 4.0: A Korea perspective”, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 132, pp. 40–45, doi: 10.1016/j.techfore.2017.11.005.

Veile, J. W., Kiel, D., Müller, J. et al. (2020), “Lessons learned from Industry 4.0 implementation in the German manufacturing industry”, *Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 31, no. 5, pp. 977–997, doi: 10.1108/JMTM-08-2018-0270.

Wiktorsson, M., Noh, S. D., Bellgran, M. et al. (2018), “Smart factories: South Korean and Swedish examples on manufacturing settings”, *Procedia Manufacturing*, vol. 25, pp. 471–478, doi: 10.1016 / j.promfg.2018.06.128.

Xu, L. D., Xu, E. L. and Li, L. (2018), “Industry 4.0: State of the art and future trends”, *International Journal of Production Research*, vol. 56, no. 8, pp. 1–22, doi: 10.1080/00207543.2018.1444806.

Received May 11, 2021

Accepted May 31, 2021

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2021. Т. 13, № 2 (143–284)

Редакторы – *М. А. Шемякина, М. А. Капустина, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, Д. Г. Чикулаев*

Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 12,19. Тираж 500 экз. Заказ № 212 137

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно